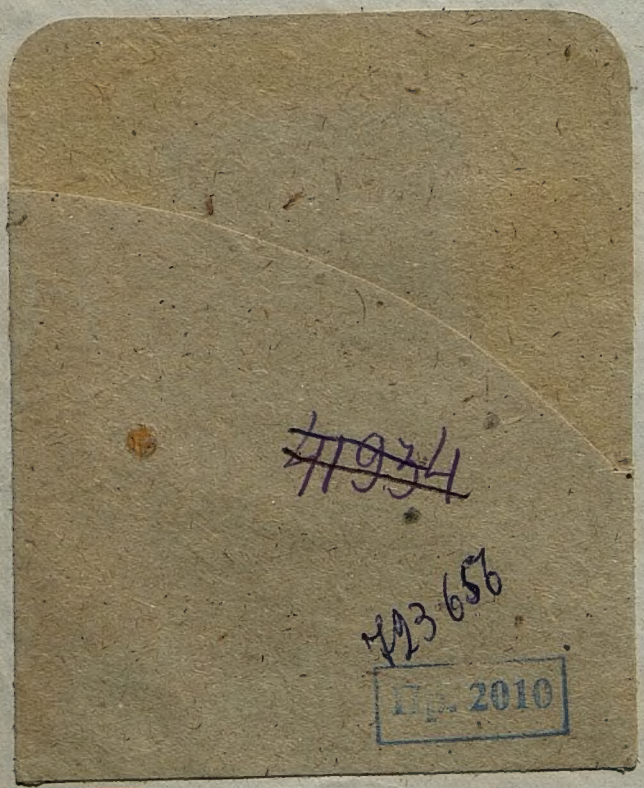
3P
0476

723656


7934
Ф23656
Пр. 2010

ПЕРЕПЛЕТНОЕ,
футлярное и картонное
ЗАВЕДЕНІЕ
Д. А. КРУГЛЯШЕВА
въ собст. домѣ, 1-й част., по
Набереж. улиц., въ Екатеринб.

Ученическая библіотека
Екатеринбургскаго
Алексѣевскаго
реальнаго училища.

УЧЕНИЧЕСКІЕ ГОДЫ

ГОГОЛЯ.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

БИБЛІОТЕКА
Шифр Инв.
4934.
Области. Музеев пропагандистов
г. Свердловск

АЛЕКСѢЕВСКАГО
ЕКАТЕРИНБУРГСКАГО
РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА

БИБЛІОТЕКА
Шифр Инв.
Свердловской
СОВПАРТШКОЛЫ

В. Шенрока.

МОСКВА.
Типографія подъ фирмою „Т. Рисъ“, Старая Басманная, домъ Мараева.
1887.

8 р
Ш 4-76
1.3. [Гоголь] – 1

Дозволено цензурою. Москва, 19 декабря 1886 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Уральского
Государственного
г. Свердловск
723656

Ученическіе годы Гоголя.

„Что касается до перваго періода жизни Гоголя, то онъ, сравнительно съ прочими, оказывается самымъ скуднымъ свѣдѣніями и требуетъ много труда для наполненія всѣхъ своихъ пробѣловъ. „Не знаю, кто будетъ имѣть возможность и желаніе заняться этимъ дѣломъ; но важность подобнаго занятія, какъ для исторіи русской словесности, такъ и для психологіи вообще должна быть очевидна для всякаго.

Кулишъ („Зап. о ж. Гог.“, т. I, стр. 58).

Вмѣсто предисловія.

Имена великихъ дѣятелей чтятся высоко у народовъ всѣхъ образованныхъ странъ; память о нихъ должна быть священною для потомства. Эта общеизвѣстная истина получаетъ на нашихъ глазахъ все большее значеніе въ средѣ нашего общества. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что переживаемое нами время не безъ основанія считается тяжелой переходной эпохой, но зато съ другой стороны, при всѣхъ невзгодахъ тяжелаго экономическаго положенія и душной нравственной атмосферы, посреди которой мы живемъ, можетъ быть давно не было столько причинъ радоваться нѣкоторымъ успѣхамъ, сдѣланнымъ лучшею частью нашего общества. Въ ряду этихъ причинъ видное мѣсто занимаетъ благоговѣніе передъ талантомъ и общественнымъ значеніемъ выдающагося литератора или художника, которое ярко выразилось въ недавнемъ торжественномъ чествованіи нѣкоторыхъ наиболѣе даровитыхъ современныхъ писателей и небываломъ стеченіи народа на похоронахъ высоко-талантливыхъ беллетристовъ нашихъ—Тургенева и Достоевскаго. Вообще теперь все болѣе замѣчается очевидный успѣхъ нашего общества въ признаніи и оцѣнкѣ имъ заслугъ представителей науки, литературы, искусства. Въ самомъ дѣлѣ, если мы воздаемъ должную дань почета и удивленія героямъ и завоевателямъ, прославляемъ военные и административные таланты, которымъ въ свое время выпало на долю высокое счастіе способствовать внутреннему и внѣшнему благосостоянію нашего отечества, то не меньшею, конечно, признательностью обязаны мы также людямъ, посвятившимъ свои богатыя дарованія и замѣчательныя

силы развитію въ обществѣ эстетическаго чувства и проведенію въ жизнь благородныхъ идеаловъ, способствующихъ умственному и нравственному нашему совершенствованію.

Если искреннее и сознательное признаніе заслугъ людей мысли и въ частности образцовыхъ писателей наступаетъ обыкновенно въ обществахъ нѣсколько позднѣе, чѣмъ признаніе большинства другихъ полезныхъ дѣятелей, то тѣмъ утѣшительнѣе и знаменательнѣе наступленіе этой поры, свидѣтельствующей о распространеніи *въ лучшей части общества* безкорыстнаго уваженія къ знанію, и умственному и духовному превосходству, которое въ неразвитой толпѣ всегда ставится не только ниже военныхъ доблестей и практической пользы, доставляемой успѣшными административными мѣрами, но даже нерѣдко ниже могущества грубой силы капитала, силы кошелька.

Писатели, являясь по самой природѣ вещей представителями мысли, а масса выразительницею и воплощеніемъ матеріальныхъ интересовъ и преобладанія послѣднихъ надъ умственными, представляютъ двѣ совершенно разнородныя, чтобы не сказать, противоположныя стихіи, которыя могутъ то сближаться, то отдаляться, и по этому сближенію или отдаленію лучше всего можно судить о пульсѣ умственной жизни общества и о степени его развитія.

Если сказанное нами справедливо, то не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что изученіе жизни нашихъ лучшихъ писателей должно представлять для насъ предметъ высокаго интереса. Разработка біографическихъ данныхъ, даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, является съ одной стороны нашимъ долгомъ, а съ другой—естественной посильной данью глубокаго благоговѣнія и признательности къ дѣятельности тѣхъ, чьей памятью справедливо дорожитъ и гордится образованная часть нашего общества.

Великая заслуга Гоголя передъ русскимъ обществомъ и литературой поставила его на такую высоту, о которой и самъ

онъ, при всемъ высокомъ мнѣніи о себѣ, не имѣлъ яснаго представленія. Будущимъ историкамъ литературы предстоитъ еще опредѣлить степень глубины и продолжительности вліянія его на развитіе отечественной словесности, которое выяснится вполнѣ, можетъ быть, только по завершеніи дѣятельности всей созданной имъ школы. Несомнѣнно однако, что одной изъ причинъ широкаго національнаго значенія нашего писателя слѣдуетъ считать то обстоятельство, что онъ не ограничивалъ кругъ наблюденій, симпатій и самой дѣятельности одной узкой племенной сферой, но посвятилъ свои необъятныя силы служенію всей Россіи,—обстоятельство, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшее размѣрамъ его могучаго дарованія и широтѣ его стремленій... Въ позднѣйшую пору своей дѣятельности онъ опредѣленно выразилъ взглядъ на задачу всей своей жизни, (къ которой смутно стремился чуть не съ дѣтства, но которую сознательно уяснить себѣ былъ въ силахъ лишь значительно позднѣе); онъ убѣдился, по выраженію его въ «Авторской Исповѣди,» что «тому, кто пожелаетъ истинно-честно служить Россіи, нужно имѣть очень много любви къ ней, которая поглотила бы уже всѣ другія чувства».

Но въ то же время Гоголь никогда не переставалъ быть истиннымъ и вѣрнымъ сыномъ Украйны, что не могло, конечно, не отражаться и на всемъ нравственномъ складѣ этой въ высшей степени даровитой личности. Не только по своему происхожденію, но и по складу характера и по наружному виду онъ былъ настоящій малороссъ; всѣми глубочайшими и завѣтными струнами души онъ былъ связанъ съ своей поэтической родиной. Такимъ образомъ личность Гоголя представляетъ въ нашей литературѣ чрезвычайно любопытный и поучительный примѣръ сліянія малороссійскихъ симпатій съ общерусскими и подчиненія первыхъ послѣднимъ.

Безъ сомнѣнія, общее теченіе жизни и даже отчасти случайныя обстоятельства могли имѣть не малое вліяніе на временный перевѣсъ тѣхъ или другихъ симпатій въ каждый данный моментъ, и это, въ свою очередь, должно было отражаться на воззрѣніяхъ писателя, при чемъ перемѣны въ отношеніяхъ Гоголя къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ его интимной жизни не

были, конечно, такъ рѣзки и исключительны, чтобы онѣ совершенно не допускали совмѣстнаго развитія обоихъ теченій. Но вообще говоря, легко убѣдиться, что въ ранніе годы чувство страстной любви къ Украйнѣ было въ немъ гораздо свѣжѣе и интенсивнѣе, нежели впослѣдствіи, когда оно мало по малу утрачивало свою исключительность и уступало мѣсто болѣе широкимъ симпатіямъ, охватившимъ наконецъ всю обширную Русь.

Если имѣть при этомъ въ виду, что на склонѣ литературной дѣятельности Гоголь остался вѣренъ тѣмъ же стремленіямъ, какими былъ воодушевленъ какъ въ ранней юности, такъ и въ лучшую пору своего творчества, то это обстоятельство дастъ возможность намѣтить въ его внутренней жизни, съ одной стороны, основной фонъ его задушевныхъ стремленій, въ которыхъ онъ видѣлъ смыслъ и цѣль своей дѣятельности, а съ другой—нѣсколько отдѣльныхъ фазисовъ развитія, сообразно съ которыми они видоизмѣнялись, попеременно принимая ту или другую окраску. Можно было бы отмѣтить въ его жизни нѣсколько, не рѣзко впрочемъ отдѣляющихся, періодовъ въ отношеніи къ указанному вопросу.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ впечатлѣнія отъ современной малороссійской жизни, знакомство съ прошлымъ Малороссіи по разсказамъ о старинныхъ событіяхъ, частое присутствіе при живыхъ и остроумныхъ бесѣдахъ отца съ знаменитымъ сосѣдомъ *), въ которыхъ не мало могъ почерпнуть Гоголь и для своихъ произведеній перваго періода, но, что всего важнѣе, могъ вынести унаслѣдованное отъ этихъ пламенныхъ любителей малороссійской старины сочувствіе ко всѣмъ подробностямъ родной жизни и быта, наконецъ видѣнныя на домашнемъ театрѣ Трощинскаго представленія юмористическаго характера,—все это должно было забросить благотворныя сѣмена любви къ родинѣ въ душу отрока еще въ пору, предшествовавшую поступленію его въ школу, въ которую онъ явился уже съ достаточно опредѣлившимися наклонностями и задатками. Напротивъ, въ послѣдніе годы школьной жизни, значеніе

*) Трощинскимъ.

которыхъ нельзя не признать особенно важнымъ, такъ какъ тогда формировался характеръ и складывалось міросозерцаніе геніальнаго юноши, его щедро одаренная натура уже страстно искала простора смутно сознаваемымъ въ себѣ силамъ и влекла его неудержимо на сѣверъ, въ далекую столицу, на которую онъ возлагалъ широкія надежды относительно осуществленія своихъ замысловъ. Въ эту пору идеаловъ онъ не останавливался даже передъ мыслью, если будетъ нужно, оставить навсегда Малороссію. Это, вѣроятно, было то самое время, когда, по словамъ «Авторской Исповѣди», Гоголю представлялось, что его «ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій», и что онъ «сдѣлаетъ даже что-то для общаго добра». Результатомъ стремленій было, какъ извѣстно, поступленіе Гоголя въ Петербургѣ на службу. Острое разочарованіе, вызванное столкновеніемъ съ суровой дѣйствительностью и непривѣтливой стороной столичной жизни, заставили юношу тотчасъ же съ любовью оглянуться на дорогое прошедшее, и чувство страстной привязанности къ родинѣ вспыхнуло въ немъ снова яркимъ пламенемъ со всей беззавѣтностью молодого увлеченія. Въ отвѣтъ на убѣжденія матери оставить Петербургъ Гоголь писалъ однажды: «Боже сохрани, если доведется ѣхать въ Россію! По моему, ежели ѣхать, такъ только въ Малороссію». Вскорѣ занятія исторіей дали только новую обильную пищу этому энтузіазму. Письма Гоголя къ Максимовичу особенно наглядно показываютъ, съ какой горячей любовью онъ относился тогда къ роскошной природѣ и чуднымъ преданіямъ Малороссіи. Увлеченіе доходило въ это время до высшаго предѣла, проявляясь нерѣдко въ весьма энергической формѣ. Однажды, напримѣръ, поэтъ съ воодушевленіемъ совѣтуетъ другу: «бросьте въ самомъ дѣлѣ *кацапію*, да поѣзжайте въ гетманщину». Въ другой разъ, говоря уже о себѣ, онъ восклицаетъ: «Представь, я тоже думалъ: «туда! туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ, не правда ли?»... Намѣреніе переселиться въ Малороссію сильно занимало Гоголя до самаго его отъѣзда заграницу, когда весь жизненный строй его настолько существенно измѣнился, что иные интересы и стремленія значи-

тельно заслонили для него дорогую Украйну. На приглашеніе матери переѣхать изъ Италіи на родину Гоголь отвѣчаетъ уже почти съ раздраженіемъ, возражая, что, «климатъ въ Малороссіи совсѣмъ не то, что въ Италіи», а, передавая объ этомъ приглашеніи одному изъ близкихъ друзей, отзывается о немъ, какъ о совершенно невозможной и странной мечтѣ. Въ то же время на чужбинѣ Гоголю изъ «прекраснаго далека» начинаетъ представляться все въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ уже вся великая Россія, на которую онъ постепенно распространяетъ свои симпатіи. Еще въ первую заграничную поѣздку, когда, по собственному сознанію Гоголя, проэктъ и цѣль его путешествія были очень неясны, онъ зналъ только то, что «узнаетъ цѣну Россіи только внѣ Россіи». И теперь, кромѣ болѣзненнаго состоянія здоровья, потребовавшаго теплаго климата, ему было нужно удаленіе изъ Россіи, чтобы живѣе пребывать мыслью въ ней. Спустя еще нѣсколько лѣтъ Гоголь уже является, несомнѣнно, вполнѣ искреннимъ и глубокимъ общерусскимъ патріотомъ въ своихъ задушевныхъ лирическихъ отступленіяхъ въ «Мертвыхъ Душахъ». Если въ «Ревизорѣ» онъ уже «рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, чтобы за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣмъ», имѣя въ виду конечно широкую общественную цѣль, то теперь онъ думалъ, что «исполняетъ тотъ долгъ, для котораго призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы», и что, «исполняя его, онъ въ то же время служитъ государству своему, какъ бы дѣйствительно находился въ государственной службѣ». Наконецъ въ письмахъ къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой, отличавшихся, какъ извѣстно, вполнѣ интимнымъ характеромъ, есть одно въ высшей степени замѣчательное мѣсто, изъ котораго можно окончательно убѣдиться, что въ зрѣлыхъ годахъ Гоголь одинаково горячо и сильно любилъ обѣ родственныя ему народности и ни одной не отдавалъ предпочтенія. «Скажу вамъ, что я самъ не знаю, какова у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы *не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ.* Обѣ природы щедро одарены

Богомъ, и какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой».

Мы разсмотрѣли здѣсь этотъ вопросъ лишь какъ примѣръ, единственно съ цѣлью показать, что постепенное развитіе Гоголя и образованіе его взглядовъ на жизнь и поэзію, представляя чрезвычайно интересный предметъ для изученія, въ то же время почти еще не затронутъ въ нашей литературѣ. Между тѣмъ обстоятельное знакомство съ личностью и судьбой геніальнаго писателя, безъ сомнѣнія, должно быть признано однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи нашей новѣйшей литературы. Какъ основатель новой литературной эпохи, какъ виновникъ совершеннаго имъ крупнаго поворота въ литературномъ движеніи, Гоголь давно получилъ всеобщее согласное признаніе и, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія. Съ другой стороны трудно выразить, въ какой мѣрѣ желательна была бы наиболѣе удовлетворительная разгадка духовнаго строя высоко-гуманнаго писателя, проникнутаго горячею любовью къ человѣку и глубокою искреннею скорбью о его несовершенствѣ и недостаткахъ.

«Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся», — слова пророка Іереміи, начертанныя на гробницѣ Гоголя (въ Москвѣ, въ Даниловскомъ монастырѣ), чрезвычайно мѣтко выражая существенное направленіе всей его литературной дѣятельности, краснорѣчиво говорятъ въ пользу его высокаго нравственнаго характера. Задушевный, необыкновенно прочувствованный тонъ многихъ мѣстъ его сочиненій и собственное сознаніе, что онъ «озиралъ всю громадно-несущуюся жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы», доказываютъ такое богатство внутренняго міра, что едва ли можно сомнѣваться и въ важномъ образовательномъ значеніи будущей полной его біографіи.

Еще при жизни поэта сначала его геніальныя произведенія, а потомъ болѣзненный роковой переломъ, происшедшій, какъ полагали, въ его характерѣ и убѣжденіяхъ, столь неожиданно всѣхъ поразившій и казавшійся сначала какимъ-то зага-

дочнымъ и непонятнымъ, возбудили надолго особенный интересъ какъ въ литературѣ, такъ и въ болѣе развитыхъ слояхъ общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалась и трудность удовлетворительнаго уясненія личности Гоголя.—Все это прекрасно выражено въ слѣдующихъ словахъ И. С. Аксакова, сказанныхъ въ самый годъ кончины Гоголя. «Вся жизнь, весь художественный подвигъ, всѣ искреннія страданія Гоголя, наконецъ сожженіе самимъ художникомъ своего труда, надъ которымъ онъ такъ долго, такъ мучительно работалъ, эта страшная торжественная ночь сожженія и вслѣдъ за этимъ смерть, — все это вмѣстѣ носитъ характеръ такого событія, представляетъ такую великую, грозную поэму, смыслъ которой останется долго неразгаданнымъ». («Московскій Сборн». 1852 г). Въ томъ же свѣтѣ должна была представляться исторія Гоголя и всѣмъ вообще мыслящимъ людямъ. Кромѣ того, прежняя, хотя и не особенно продолжительная принадлежность къ кружку Пушкина, близкія отношенія къ Жуковскому и нѣкоторымъ другимъ выдающимся литераторамъ, знакомство съ славянофилами могли до извѣстной степени еще больше усиливать интересъ къ Гоголю, не говоря уже о томъ рѣшительномъ вліяніи, которое имѣлъ Гоголь на развитіе и дальнѣйшій ходъ отечественной литературы, — вліяніи, отмѣченномъ еще критикой сороковыхъ годовъ и становившемся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе несомнѣннымъ. Такимъ образомъ много немаловажныхъ условій соединилось, повидимому, для разносторонняго изученія столь крупнаго литературнаго явленія. Между тѣмъ это изученіе при сравнительномъ изобиліи матеріала шло все-таки далеко не въ тѣхъ размѣрахъ и не съ тѣмъ успѣхомъ, какъ можно было-бы ожидать. Одна изъ существенныхъ трудностей лежитъ въ самой натурѣ Гоголя, какъ было мѣтко указано въ статьѣ С. Аксакова въ «Московск. Вѣд.» за 1853 г., № 35: «Біографія Гоголя», — говоритъ онъ, «заключаетъ въ себѣ особенную, исключительную трудность, можетъ быть единственную въ своемъ родѣ. Натура Гоголя, лирически-художническая, безпрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденіемъ, проникнутая любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремленіемъ

быть полезнымъ, безпрестанно воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура въ вѣчномъ движеніи, въ вѣчной борьбѣ съ человѣческимъ несовершенствомъ, — ускользаетъ не только отъ наблюденія, но даже отъ пониманія людей, самыхъ близкихъ къ Гоголю».

Сколько-нибудь обстоятельное разъясненіе внутренней жизни писателя по весьма понятнымъ причинамъ стало возможно не раньше его смерти, да и послѣ нея первое время не могло назваться особенно благопріятнымъ, вслѣдствіе цензурныхъ стѣсненій, доходившихъ до того, что сочувственное слово, посвященное въ печати памяти Гоголя, а отчасти даже самое упоминаніе его имени было не всегда безопасно. Стоитъ припомнить извѣстную исторію съ И. С. Тургеневымъ и неудовольствіе, возбужденное статьею «Московскаго Сборника» *). При всемъ томъ многіе факты ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что значеніе Гоголя для громаднаго большинства было уже тогда вполнѣ очевидно, и многія дѣльныя статьи, посвященныя воспоминаніямъ о Гоголѣ, появились преимущественно въ первыя пять лѣтъ послѣ его кончины. Живое сочувствіе Гоголю и признаніе его литературныхъ заслугъ ярко выразились въ почетѣ, оказанномъ его памяти представителями ученаго міра и литературы. Усиленная строгость цензуры неумолимо сдерживала, правда, самое малѣйшее выраженіе благоговѣнія къ личности великаго писателя, но крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, но съ тѣмъ большею силою и искренностью нашло оно себѣ проявленіе въ первопрестольной столицѣ, отозвавшейся на тяжкую національную утрату съ самымъ живымъ и сердечнымъ чувствомъ. Московскій Университетъ, по свидѣтельству «Москов. Вѣд.» (1852 г. № 35), почтилъ Гоголя торжественнымъ отданіемъ ему послѣдняго долга. Тѣло Гоголя, какъ почетнаго члена Университета, было перенесено, въ ожиданіи погребенія, изъ квартиры его на Никитской улицѣ въ помѣщеніе университетской церкви и оставалось тамъ до выноса, въ которомъ приняли участіе профессора и студенты. На похоронахъ присутствовали пред-

*) См. „Историч. Вѣст.“ 1881, 2. стр. 350 и 351.

ставители литературы и университетской науки, также нѣкоторыя высокопоставленныя лица, въ числѣ которыхъ были генералъ-губернаторъ Закревскій и попечитель московскаго учебнаго округа В. И. Назимовъ.—Профессоръ Давыдовъ напечаталъ вскорѣ въ извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ «О значеніи Гоголя въ русской словесности». Наконецъ въ самый годъ кончины Гоголя Академіей было поручено составленіе полной его біографіи одному изъ заслуженныхъ своихъ членовъ, профессору Шевыреву, предпринимавшему также изданіе сочиненій Гоголя, (предпріятіе это потомъ не состоялось, вслѣдствіе послѣдовавшей вскорѣ смерти Шевырева). Большинство литературныхъ органовъ также поспѣшило отозваться на горькую утрату безвременно скончавшагося художника: появляется цѣлый рядъ цѣнныхъ замѣтокъ для біографіи Гоголя, между которыми первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, статьѣ Кулиша въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1852 г. № 4 подъ заглавіемъ: «Нѣсколько чертъ для біографіи Гоголя». По поводу этой статьи вскорѣ появились въ разныхъ журналахъ поправки и дополненія, изъ которыхъ особенно важны слѣдующія: «Замѣтки для біографіи Гоголя» («Соврем.» 1852 г. № 10), «Выправка нѣкоторыхъ библіографическихъ извѣстій о Гоголѣ» Н. Иваницкаго («Отеч. Зап.» 1853 г. № 2), «Библіографическія поправки и дополненія» («Московс. Вѣд.» 1853 г. № 5) профессора Тихонравова, «Нѣсколько словъ о біографіи Гоголя» С. Аксакова, также «Хуторъ близъ Диканьки» Г. Данилевскаго («Моск. Вѣд.» 1852 г. № 124 и «Русскій Инвал.» 1853 г. № 26). Среди общихъ искреннихъ сожалѣній о Гоголѣ, выразившихся во многихъ некрологахъ и воспоминаніяхъ, рѣзкимъ диссонансомъ звучало лишь злобное шипѣніе «Сѣверной Пчелы», шедшей въ своихъ сужденіяхъ о Гоголѣ совершенно наперекоръ установившемуся общему мнѣнію и уже послѣ геніальной оцѣнки Бѣлинскаго не терявшей надежды низвести Гоголя съ пьедестала и втоптать его въ грязь. Выходки этой газеты въ фельетонахъ, принадлежавшихъ перу одного изъ издателей и подписанныхъ начальными буквами, переходили въ нападкахъ на память покойнаго писателя всякія границы и

въ настоящее время кажутся почти невѣроятными. Они продолжались упорно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, несмотря на возбуждаемое ими всеобщее негодованіе; голосъ «Сѣвер. Пчелы» оказался почти одинокимъ въ литературѣ, какъ показываютъ многія статьи ея противниковъ, проникнутыя уваженіемъ къ Гоголю и горячо взявшія его подъ защиту, если только такое выраженіе прилично въ примѣненіи къ Гоголю *). По прошествіи нѣкотораго времени послѣ смерти Гоголя прежніе горячіе споры наконецъ улеглись, (если не считать пасквиль Герсеванова, написанный въ Одессѣ также въ 1861 г. подъ заглавіемъ: «Гоголь передъ судомъ обличительной литературы», и вызванныя имъ опроверженія); наступила пора единодушнаго благоговѣнія передъ талантомъ Гоголя и началась понемногу болѣе спокойная разработка его біографіи, болѣе основательное опредѣленіе его значенія. Спустя три года послѣ смерти Гоголя начали появляться въ «Современникѣ» такъ называемые «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы». Нѣсколько позднѣе вышли въ свѣтъ извѣстныя «Записки о жизни Гоголя», напечатанныя П. А. Кулишемъ, подъ псевдонимомъ Н. М., и изданная имъ же

*) Нѣсколько лѣтъ спустя возгорѣлась еще разъ довольно рѣзкая и оживленная, хотя и не продолжительная, полемика между однимъ изъ лучшихъ друзей и горячихъ почитателей Гоголя, проф. Максимовичемъ, и самимъ издателемъ его сочиненій, Кулишемъ, прежде не менѣе безусловнымъ поклонникомъ его таланта. Но на этотъ разъ дѣло уже не касалось болѣе вопроса о литературномъ значеніи Гоголя, такъ-какъ послѣднее не подлежало больше сомнѣнію и давно считалось фактомъ рѣшеннымъ и общепризнаннымъ. Это было уже въ 1861 году; ареной полемической схватки явилась на этотъ разъ съ одной стороны газета И. С. Аксакова „День“, а съ другой украйнофильскій журналъ „Основа“, посвященный исключительно изученію малороссійской жизни и литературы. Въ „Основѣ“ появился рядъ статей, принадлежавшихъ перу Кулиша, неожиданно выступившаго съ упреками Гоголю въ недостаточномъ знакомствѣ съ малороссійскимъ бытомъ и невѣрномъ его изображеніи. Начало этихъ мнѣній было имъ высказано еще въ „Эпилогѣ къ Черной Радѣ“ („Русская Бесѣда,“ 1857,3). Впадая отчасти въ противорѣчіе съ высказываемыми не разъ прежде отзывами и сужденіями, Кулишъ находилъ теперь много возраженій противъ выбора Гоголемъ времени и мѣста дѣйствія для первыхъ его произведеній, напр. „Сорочинской Ярмарки“,

переписка покойнаго въ двухъ послѣднихъ томахъ полнаго собранія его сочиненій. Біографическій трудъ Кулиша, составлявшійся постепенно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и разросшійся изъ небольшой журнальной статьи, сначала въ цѣлую книгу подъ названіемъ «Опытъ біографіи Гоголя», а потомъ даже въ двѣ небольшія книги, являясь въ разныхъ видахъ, перешелъ нѣсколько фазисовъ. Въ своей послѣдней редакціи онъ представляетъ до сихъ поръ наиболѣе крупный трудъ о Гоголѣ и не перестаетъ служить главнымъ источникомъ многихъ составляемыхъ на основаніи его извлеченій и новыхъ статей о Гоголѣ. Столь же важное значеніе имѣло и изданіе писемъ, вызвавшее въ томъ же году нѣсколько статей въ наиболѣе уважаемыхъ и распространенныхъ журналахъ, въ «Современникѣ» и «Библіотекѣ для Чтенія». Въ «Современникѣ» былъ тогда же весьма удовлетворительно разъясненъ вопросъ о предполагаемомъ переломѣ. Послѣ того литература о Гоголѣ постоянно пополнялась отрывочными свѣдѣніями и воспоминаніями о немъ, сообщаемыми въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ въ видѣ статей, бѣглыхъ очерковъ и пр. Укажемъ въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшія: «Воспоминанія о Гоголѣ» (по поводу Опыта его біографіи) М.

противъ погрѣшностей въ самомъ изображеніи быта и нравовъ, забывая, что авторъ ея былъ 20-лѣтній юноша, и что онъ не задался безусловно точнымъ изображеніемъ быта (въ этнографическомъ отношеніи). По мнѣнію критика, Гоголь смотрѣлъ на изображенную жизнь простонародной украинской среды глазами барина, недостаточно съ нею освоившагося и несвободнаго отъ навязыванія иногда послѣдней чертъ, несвойственныхъ городскому и притомъ великорусскому населенію. Въ нѣкоторыхъ своихъ обвиненіяхъ Кулишъ удивительнымъ образомъ соглашается съ мнѣніемъ, высказаннымъ еще нѣкогда Полевымъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“, въ критической замѣткѣ по поводу только-что вышедшихъ „Вечеровъ на Хуторѣ“, который не затруднялся простирать свое сомнѣніе въ знаніи авторомъ малороссійскаго быта до утвержденія, что онъ только прикидывается украинцемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ москаль, да еще горожанинъ. Къ сожалѣнію, многіе затронутые въ этой полемикѣ вопросы и вѣскія мнѣнія, высказанныя съ обѣихъ сторонъ, впослѣдствіи были совершенно сданы въ архивъ и самая полемика прошла почти безъ слѣда.

Н. Лонгинова, («Совр.» 1854 г., № 3, т. 64), «Воспоминанія учителя» Кульжинскаго («Москвит.» 1854 г., № 21, Смѣсь). «Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя» доктора Тарасенкова («Отеч. Запис.» 1856 г. № 12), «Воспоминанія о Гоголѣ» П. В. Анненкова («Библіот. для Чтенія», 1857 г. № 2), и «Н. Я. Прокоповичъ и отношеніе его къ Гоголю» («Соврем.» 1858 г., т. LVII), Воспоминанія Л. Арнольди («Русск. Вѣстн.» 1862 г. № 1), Воспоминанія о Гоголѣ, Я. К. Грота («Русск. Арх.» 1864 г. ст. 1065—1068), Воспоминанія Погодина («Русск. Арх.» 1865 г., стр. 1270—1278). «Послѣдніе годы Гоголя», Чижова («Вѣстн. Евр.» 1872 г. № 7). Продолжалось также, хотя и въ небольшомъ количествѣ, печатаніе вновь отысканныхъ писемъ. Въ этомъ отношеніи наибольшую услугу оказали историческіе журналы и такія изданія, какъ «Библіографическія записки». Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о томъ, что въ самое недавнее время въ «Извѣстіяхъ Нѣжинскаго Филологическаго Института» (за 1882 г.) помѣщены составленныя г. Пономаревымъ, по случаю торжественнаго открытія въ Нѣжинѣ памятника Гоголю, подробныя библіографическія указанія всего, что было написано о Гоголѣ. Трудъ выполненъ съ образцовою добросовѣстностью и уваженіемъ къ памяти писателя. Въ немъ авторъ по-возможности старается дать полный перечень когда-либо вышедшихъ статей и замѣтокъ о Гоголѣ и его писемъ. Здѣсь не упущены изъ виду даже такія вещи, которыя нерѣдко состоятъ изъ какой-нибудь полустранички или нѣсколькихъ газетныхъ столбцовъ. Наконецъ въ 1883 г., въ приложеніи къ журналу «Русская Мысль», напечатанъ «Библіографическій указатель о Н. В. Гоголѣ отъ 1829 г. по 1882 г.» Я. Горожанскаго. Тщательное выполненіе задачи и въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, много облегчитъ работу будущихъ изслѣдователей жизни Гоголя.

Главнымъ результатомъ разработки фактическихъ данныхъ является пока убѣжденіе въ строгой послѣдовательности личнаго развитія Гоголя, не представлявшаго рѣзкихъ поворотовъ и особенно замѣтныхъ колебаній. Заключеніе это, впервые доказательно выраженное въ августовской книжкѣ «Соврем». за 1857 г., принимается и подтверждается А. Н. Пыпи-

нымъ въ его «Характеристикахъ литературныхъ мнѣній отъ 20 годовъ до 50-хъ» и профессоромъ Лавровскимъ въ его рѣчи по поводу открытія памятника Гоголю въ Нѣжинѣ. Оно при томъ совершенно согласно со словами самаго Гоголя: «Съ двѣнадцатилѣтняго, можетъ быть, возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаясь и не колеблясь никогда въ мнѣніяхъ главныхъ, не переходилъ изъ одного положенія въ другое» и пр. (письмо къ С. Т. Аксакову, соч. Гог. изданіе Кулиша, т. VI, стр. 73). То же самое свидѣтельствуетъ и близко знавшій Гоголя С. Т. Аксаковъ въ статьѣ «Моск. Вѣд». 1853 г., № 35. «Да не подумаютъ, что Гоголь мѣнялся въ своихъ убѣжденіяхъ; напротивъ съ юношескихъ лѣтъ онъ оставался имъ вѣренъ; но Гоголь шелъ постоянно впередъ: его христіанство становилось чище, строже и суровѣе и въ этомъ только смыслѣ Гоголь измѣнялся». Итакъ задача біографіи въ настоящее время прослѣдить это постепенное и послѣдовательное развитіе Гоголя, разумѣется, главнымъ образомъ, на основаніи писемъ. О важномъ значеніи писемъ Гоголя говоритъ С. Т. Аксаковъ въ той же статьѣ «Москов. Вѣд.»: «Гоголь выражается совершенно въ письмахъ; въ этомъ отношеніи они гораздо важнѣе его сочиненій». Таково-же и недавно высказанное мнѣніе проф. Лавровскаго. «Самую интересную и самую производительную часть матеріаловъ», говоритъ онъ въ упомянутой выше рѣчи,—«безъ сомнѣнія, составляютъ письма Гоголя особенно къ лицамъ наиболѣе близкимъ къ нему, которымъ онъ открываетъ свою душу. Въ этихъ письмахъ каждая черта, каждое слово, повидимому незначительныя, имѣютъ величайшую цѣну. То, что кажется незначительнымъ для одного, другого можетъ повести къ весьма важнымъ соображеніямъ и заключеніямъ». Дѣйствительно, не говоря уже о томъ, что всѣ остальные источники для знакомства съ личностью Гоголя, какъ напр. воспоминанія разныхъ близкихъ къ нему лицъ, даже при возможной полнотѣ, не могутъ дать такого удовлетворительнаго средства слѣдить за постепеннымъ ходомъ этого развитія, такъ какъ всегда оставалось бы много субъективнаго въ самомъ выборѣ и даже не-

редачѣ подробностей, которые могутъ зависѣть не только отъ произвола и личнаго взгляда разсказчика, но и отъ разныхъ случайныхъ причинъ, напр. отъ того, что случайно лучше сохранилось въ его памяти, что ему пріятно или непріятно было передавать;—помимо всего этого такія данныя во всякомъ случаѣ не имѣютъ полной убѣдительности несомнѣнныхъ фактовъ, какая неотъемлемо принадлежитъ письмамъ. Однимъ словомъ, если въ настоящее время возможно какое-нибудь болѣе обстоятельное разъясненіе личности Гоголя, то преимущественно на основаніи писемъ, которыя не только сами по себѣ представляютъ обильный и въ высшей степени цѣнный матеріалъ для знакомства съ задушевными мыслями и чувствами Гоголя, но, будучи сопоставлены съ разными мѣстами въ его сочиненіяхъ, могли бы, вѣроятно, еще теперь раскрыть многое, на что прежде не обращалось достаточно вниманія. Это соображеніе получаетъ особенное значеніе, если имѣть въ виду постоянное появленіе новаго, хотя еще не довольно богатаго пока матеріала въ нашихъ литературныхъ и историческихъ изданіяхъ. На пополненіе въ будущемъ существующихъ пробѣловъ въ письмахъ, казалось бы, также можно было бы надѣяться, особенно потому, что, по сознанію самого издателя, многія изъ нихъ не могли быть въ свое время опубликованы по разнымъ причинамъ, большею частью по самому характеру отношеній автора къ лицамъ, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ, тѣмъ болѣе, что многія изъ этихъ лицъ были живы во время выхода въ свѣтъ предпринятаго г. Кулишемъ изданія. Многихъ пропусковъ, по словамъ издателя, требовала часто самая скромность корреспондентовъ Гоголя, «не позволявшая обнаруживать передъ свѣтомъ душевныхъ достоинствъ, которыми онъ восхищался, и разныхъ семейныхъ отношеній, въ которыя онъ вникалъ, по своему всестороннему сочувствію». Наконецъ, нѣкоторыя письма могли быть не напечатаны вслѣдствіе цензурныхъ затрудненій, какъ предполагаетъ А. Н. Пыпинъ. Но, къ сожалѣнію, не слѣдуетъ забывать, что если такимъ образомъ г. Кулишъ поддерживаетъ въ предисловіи къ своему изданію писемъ надежду на

открытіе и обнародованіе въ будущемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя или не были у него подъ руками, но могли сохраниться у другихъ лицъ, или даже находились въ его распоряженіи, но не были своевременно напечатаны, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что многое съ тѣхъ поръ могло быть утрачено безвозвратно даже изъ его далеко неполной коллекціи. «Кто знаетъ, говоритъ Г. Лавровскій, цѣлы ли теперь тѣ письма, изъ которыхъ издателемъ были сдѣланы извлеченія, и сколько успѣло уже сойти съ житейской сцены лицъ, которыя могли бы своевременно сообщить много интересныхъ свѣдѣній по личнымъ сношеніямъ съ авторомъ». Проф. Лавровскій находитъ возможнымъ даже отчасти упрекать самого автора «Записокъ о жизни Гоголя» за сдѣланные имъ выпуски и сокращенія. Но кромѣ собственнаго сознанія г. Кулиша въ неполнотѣ его изданія, о степени пробѣловъ въ немъ, по крайней мѣрѣ относительно юношеской, ученической переписки Гоголя, можно до нѣкоторой степени судить по довольно частымъ, хотя и отрывочнымъ указаніямъ въ письмахъ на содержаніе утраченныхъ предшествовавшихъ писемъ. А между тѣмъ эти указанія совершенно случайны, слѣдовательно могли пропасть и такія письма, о существованіи которыхъ мы вовсе не можемъ ничего знать; впрочемъ такихъ, вѣроятно, было не очень много. Укажемъ въ подтвержденіе нашихъ словъ слѣдующіе факты. Въ неполнотѣ собранія мы могли бы убѣдиться уже на первыхъ страницахъ изданія г. Кулиша по письму Гоголя къ бабушкѣ, единственному во всемъ изданіи, хотя въ немъ Гоголь проситъ у нея извиненія за долгое молчаніе, что можетъ служить явнымъ доказательствомъ, что и съ бабушкой Гоголь велъ, хотя и небольшую и непродолжительную, дѣтскую переписку, до насъ совершенно не дошедшую. Въ письмѣ къ родителямъ, написанномъ въ августѣ 1821 г., Гоголь говоритъ о своей тоскѣ послѣ разлуки съ ними и о томъ, что если онъ писалъ до наступленія каникулъ, что ему хорошо въ новомъ для него заведеніи, то теперь онъ чувствовалъ себя въ немъ совершенно иначе; опять предшествующее письмо, о которомъ здѣсь упоминается, не сохранилось. Отъ второго года

пребыванія въ Нѣжинѣ сохранилось всего три письма, изъ которыхъ къ первой половинѣ года относится лишь одно отъ 7 января, а затѣмъ слѣдуетъ длинный промежутокъ до 10 октября,—больше девяти мѣсяцевъ. Въ письмѣ отъ 3 октября 1823 г. Гоголь напоминаетъ родителямъ просьбу прислать ему журналъ «Вѣстникъ Евр.» съ обѣщаніемъ вскорѣ возвратить его («Покорнѣйше прошу не позабыть мнѣ прислать «Вѣстникъ Европы», о которомъ я васъ просилъ въ предыдущемъ письмѣ»). Это опять новое ясное указаніе на недостающее письмо, можетъ быть затерянное въ дорогѣ и не дошедшее по назначенію. Въ письмѣ отъ 22 января 1824 г. Гоголь извиняется передъ родителями въ томъ, что не посылаетъ обѣщанныхъ картинъ, и тутъ-же объясняетъ, что родители его не совсѣмъ поняли, что картины, нарисованныя пастельнымъ карандашемъ, не могутъ двухъ дней пробыть, чтобы не потереться, если онѣ не вставлены въ рамки. Между тѣмъ на рождественскіе праздники Гоголь въ этомъ году домой не ѣздилъ (хотя, какъ видно изъ писемъ, поѣздка и предполагалась*) и, слѣдовательно, не могъ иначе обѣщать прислать картину, какъ въ письмѣ, но такого письма, гдѣ бы было это обѣщаніе, мы у Кулиша опять не находимъ. Въ томъ же году въ письмѣ отъ 13 іюня Гоголь говоритъ: «Я вамъ писалъ о пріятномъ путешествіи, которое мы скоро предпримемъ, о радостномъ нашемъ удовольствіи, о свиданіяхъ, которыя я буду вкушать. Развѣ это такой мелочной предметъ, который должно оставить безъ вниманія? Вѣрьте, любезные родители, что вся жизнь моя основана на этомъ. Сіе блаженное время я почитаю центромъ моихъ желаній, источникомъ моихъ удовольствій». Какъ ни мало серьезнаго значенія, по всей вѣроятности, заключается въ этихъ, почти еще дѣтскихъ строкахъ, но для наиболѣе полнаго знакомства съ исторіей внутренняго развитія нашего писателя было бы, можетъ быть, не безынтересно знать, на что онъ здѣсь намекаетъ, если только рѣчь идетъ въ данномъ слу-

*) Въ слѣдующемъ году передъ Рождествомъ Гоголь писалъ: „Вы сами знаете, что я еще ни разу на сей праздникъ не былъ дома“.

41934.
Шифр
Уральского

чаѣ не объ одной лишь поѣздкѣ домой и свиданіи съ родными. Нельзя, конечно, и тутъ не пожалѣть, что предыдущее письмо затеряно. Далѣе. Въ письмѣ, не имѣющемъ помѣты, но несомнѣнно относящемся къ половинѣ 1824 г., гдѣ оно и помѣщено въ изданіи Кулиша, читаемъ: «Извините меня, что я въ первомъ моемъ письмѣ не могъ обстоятельно описать пріѣздъ мой сюда». Дѣло, очевидно, идетъ о возвращеніи въ Нѣжинъ послѣ непродолжительнаго отпуска домой на лѣтнюю вакацію. Опять упоминаемаго и здѣсь письма въ изданіи Кулиша не находимъ. Довольно, кажется, этихъ нѣсколькихъ примѣровъ, взятыхъ притомъ лишь изъ перваго десятка страницъ, чтобы убѣдиться, что намъ неизвѣстны довольно многія письма Гоголя. Прибавимъ къ сдѣланному обзору только то, что многія письма могли пропасть на почтѣ, чрезвычайно неисправной въ то время, на что приходилось не разъ жаловаться Гоголю въ письмахъ къ матери изъ Нѣжина и послѣ, наконецъ, — что нѣкоторыя письма, доставляемыя помимо почты съ такъ называемой оказіей, весьма легко могли не доходить по назначенію, особенно когда довѣрялись такимъ аккуратнымъ исполнителямъ порученій, какъ нѣкто г. Тишевскій, о которомъ Гоголь пишетъ: «Досадно мнѣ было, что не получалъ такъ долго денегъ; большую нужду терпѣлъ въ нихъ; но теперь дѣло объяснилось: вы поручили письмо Тишевскому, такъ оно и теперь лежитъ въ Полтавѣ». (Письмо отъ 16 ноября 1826 г.). Не отразились ли подобныя впечатлѣнія и воспоминанія на той сценѣ «Ревизора», въ которой Растаковскій разсказываетъ Хлестакову, что слишкомъ долго не получалъ резолюціи по дѣлу о прибавочномъ пансіонѣ. «Я послалъ черезъ Сосулькина, Ивана Петровича, который ѣхалъ тогда въ Петербургъ; да онъто не слишкомъ надежный человѣкъ. Такъ, статься можетъ, что просьбу отнесъ не туда, куда слѣдуетъ. А оно, правда, ужъ немного и ждать осталось: тридцать лѣтъ прошло, стало быть, теперь скоро рѣшится». Тишевскій былъ также, какъ видно по тону письма, не то что недобросовѣстнымъ, а скорѣе неисправнымъ по своей безпечности коммиссіонеромъ. Таковы бывали и собственные повѣренные Гоголя. По-

сылались письма также черезъ другихъ знакомыхъ, Баженова, Черныша, черезъ какого-то Егора Ильича Баранова и черезъ людей его, черезъ товарища Гоголя, Данилевскаго, наконецъ черезъ собственныхъ крѣпостныхъ людей. Что подобныхъ случаевъ потери писемъ по милости чужой неаккуратности могло быть не мало, можно видѣть изъ того, что въ маѣ 1825 г. Гоголь говоритъ: «Я писалъ вамъ письмо черезъ людей господина Баранова, и не знаю, получили ли вы его». Не ясно ли, что случай, разсказанный Растаковскимъ, опирается на личныя воспоминанія Гоголя*). Почти черезъ годъ онъ удивляется (въ письмѣ отъ 14 мая 1826 г., стр. 32), что его письмо слишкомъ долго пробыло въ дорогѣ, и притомъ замѣчаетъ, что исправность почты вообще похвалить нельзя. Наконецъ въ письмѣ отъ 16 мая 1826 г. Гоголь говоритъ, что онъ въ первый разъ имѣлъ случай подивиться исправности полтавской почты. Также неисправно получались, конечно, Гоголемъ и отвѣтныя письма. Наконецъ сколько писемъ могло быть затеряно или уничтожено самими лицами, ихъ получившими... При всемъ томъ, повторяемъ, самымъ важнымъ изъ указанныхъ источниковъ слѣдуетъ считать все-таки переписку поэта, не преувеличивая, однако, слишкомъ ея значенія и помня слова самого Гоголя, что «письмо никогда не можетъ выразить и десятой доли человѣка». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ ней также нельзя еще видѣть полнаго отраженія хода духовнаго развитія Гоголя, для уясненія котораго во многихъ отношеніяхъ даютъ много матеріала его литературныя произведенія. Такъ напримѣръ, напрасно стали бы мы искать здѣсь болѣе или менѣе замѣтнаго проявленія характеристическихъ признаковъ, отличавшихъ впослѣдствіи талантъ Гоголя; въ этихъ письмахъ ему долго почти не представлялось случая обнаруживать свою необык-

*) Впослѣдствіи также повторялись подобные случаи. См. письмо отъ 4 января 1837 г.: „Вы не получали моего письма, посланнаго отъ 13 октября, при которомъ слѣдовала вамъ на девяносто рублей посылка. Это наводитъ на меня новое недоумѣніе. Вы никакъ не упускайте этого изъ виду, сдѣлайте полтавскому почтмейстеру строгій допросъ".

новенную наблюдательность, природное остроуміе и веселость, которыми онъ, несомнѣнно, отличался еще въ дѣтствѣ. Для пополненія пробѣла должны, очевидно, служить другіе источники, и П. А. Кулишъ показалъ прекрасный примѣръ, какъ ими пользоваться.

Настоятельная потребность разобраться въ накопившемся матеріалѣ, обѣщающемъ еще многое впереди для разработки біографическихъ данныхъ, и обязанность основательно изучить его не можетъ въ настоящее время подлежать никакому сомнѣнію. Едва ли оно противорѣчитъ уже и завѣщанію Гоголя «не спѣшить ни похвалою, ни осужденіемъ». Не задаваясь, разумѣется, самоувѣреннымъ притязаніемъ привести въ исполненіе намѣченную нами очень и очень нелегкую задачу, мы беремъ на себя смѣлость предложить общественному вниманію только скромную попытку составить небольшой обзоръ жизни Гоголя на основаніи матеріала, заключающагося преимущественно въ письмахъ, ограничиваясь пока временемъ его школьной жизни и первой порой жизни въ Петербургѣ до вступленія въ литературные кружки. При этомъ мы просимъ заранѣе извиненія въ мелочномъ характерѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній, недостаточной, можетъ быть, доказательности другихъ, съ которыми мы рѣшаемся однако выступить, въ увѣренности, что если не общая группировка, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя отдѣльныя сопоставленія могутъ хотя нѣсколько пригодиться впослѣдствіи для чьей-нибудь другой болѣе искусной и умѣлой разработки. Наша цѣль также по возможности свести и собрать въ одно все, что мы могли извлечь изъ многочисленныхъ замѣтокъ, разбросанныхъ и, такъ сказать, погребенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ старыхъ лѣтъ, высказать предположенія, возникающія при внимательномъ изученіи писемъ и подвергнуть ихъ провѣркѣ спеціалистовъ, и вообще людей, интересующихся біографіей Гоголя, наконецъ, по мѣрѣ силъ, хотя отчасти возстановить исторію его внутренняго развитія на основаніи имѣющихся данныхъ, стараясь при этомъ одинаково избѣгать какъ избитаго безусловно-панегирическаго тона, совершенно излишняго для незыблемой славы Гоголя, такъ особенно того дешеваго

и неосновательнаго глумленія, которое было въ такой модѣ въ недавніе годы и которое своею цѣлью ставило не только ниспроверженіе незаслуженныхъ авторитетовъ, но и самодовольное посягательство на тѣ имена, которыя должны быть святынею для каждаго образованнаго человѣка. Поставивши себѣ такую цѣль, мы сочли необходимымъ въ интересахъ точности и для облегченія удобной провѣрки каждымъ желающимъ нашихъ заключеній и выводовъ и опасаясь въ то же время подозрѣнія въ произвольности или невѣрности нѣкоторыхъ предположеній, для которыхъ мы, однако, имѣли свои основанія, сопровождать изложеніе частыми выписками и цитатами.

Мы сочли бы себя вполнѣ счастливыми, если бы намъ удалось хотя въ самой незначительной степени способствовать своей работой пробужденію нѣкотораго интереса къ жизни и перепискѣ великаго писателя, знакомство съ которыми въ настоящее время находится почему-то въ непонятномъ пренебреженіи, что такъ ясно доказывается совершеннымъ, повидимому, отсутствіемъ въ обществѣ потребности въ изданіи переписки и возобновленіи прежнихъ біографическихъ очерковъ, знакомящихъ съ жизнью одного изъ геніальнѣйшихъ представителей русской литературы.

I.

Предки Н. В. Гоголя, родители его. Личность и вліяніе матери.

Въ одномъ изъ раннихъ произведеній Гоголя въ слѣдующихъ вдохновенныхъ строкахъ выразилось живое сочувствіе юнаго писателя родной украинской старинѣ и своимъ малороссійскимъ предкамъ. «Эхъ, старина, старина! Что за радость, что за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впутается какой-нибудь родичъ, или дѣдъ, или прадѣдъ, ну, тогда и рукой махни»... То же пламенное увлеченіе національными преданіями внушило Гоголю впослѣдствіи цѣлую поэму, въ которой яркая художественная картина блестящей эпохи казачества была согрѣта огнемъ задушевнаго чувства, жившаго глубоко въ душѣ автора.

Этими восторженно-поэтическими симпатіями къ предкамъ, однако, и ограничивалось отношеніе къ нимъ Гоголя и, насколько извѣстно, онъ никогда не интересовался, подобно Пушкину, своей генеалогіей. Въ числѣ «родичей» его, правда, немного и нашлось бы людей не только выдающихся, но и вообще заслуживающихъ вниманія, хотя одинъ изъ нихъ былъ несомнѣнно замѣтнымъ дѣятелемъ своего времени и принималъ оживленное участіе въ политическихъ событіяхъ эпохи. Гоголь, конечно, увлекался больше общимъ поэтическимъ колоритомъ родной старины, не удѣляя особаго вниманія отдѣльнымъ лицамъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ о національномъ характерѣ и симпатіяхъ геніальнаго писателя, а также и объ отношеніяхъ его къ Украйнѣ и къ предкамъ

не можетъ не представляться интереснымъ и существеннымъ при его изученіи.

Украйна была исконнымъ мѣстомъ жительства рода Гоголей, на что указываетъ находившееся въ ней, неподалеку отъ Кіева, село *Гоголевъ*, не разъ упоминаемое въ историческихъ документахъ, относящихся ко второй половинѣ XVII вѣка. Около этого времени въ малороссійскихъ лѣтописяхъ встрѣчается и имя владѣльца этого села, Евстафія или Остапа Гоголя, сначала подольскаго полковника, позднѣе могилевскаго. Личность Остапа, несмотря на отсутствіе вполнѣ опредѣленныхъ извѣстій, несомнѣнно можетъ быть признана недюжинной по своей энергіи и дарованіямъ. Послѣднее обстоятельство получаетъ особенное значеніе въ виду факта, отмѣченнаго почтеннымъ историкомъ, изучившимъ эпоху Хмельницкаго, по словамъ котораго, «чѣмъ меньше въ это время власть гетмана связывалась народнымъ собраніемъ, или радой, тѣмъ деспотичнѣе была власть полковниковъ и сотниковъ, тѣмъ болѣе усиливалось ихъ вліяніе на общественныя дѣла». Въ монографіи Н. И. Костомарова, «Иванъ Выговскій», не разъ упоминается имя полковника Гоголя; о немъ и ближайшихъ его сподвижникахъ покойный историкъ отзывается, какъ о людяхъ, получившихъ извѣстное образованіе. Но краснорѣчивѣе всего говоритъ въ пользу Остапа расположеніе и близость къ нему знаменитаго гетмана, довѣрившаго ему управленіе полкомъ *).

Дѣятельность Остапа, какъ лица подвластнаго и вынужденнаго соображаться съ обстоятельствами и волей сильныхъ, носила характеръ не вполнѣ самостоятельный въ силу внѣшнихъ условій; мы видимъ его то на сторонѣ Польши, то Москвы; онъ постоянно готовъ былъ измѣнить ей, и если

---

*) Имя Остапа упоминается въ первый разъ подъ 1655 г. въ краткой исторіи Малороссіи,—обыкновенно прилагаемой къ извѣстной малороссійской лѣтописи Самовидца и потому несправедливо считавшейся ея продолженіемъ,—гдѣ отмѣчено, что въ этомъ году татары съ поляками облегли въ Умани христіанскіе полки, и въ томъ числѣ полкъ Гоголя, а потомъ двинулись противъ Хмельницкаго на Ставищи и осадили его въ полѣ, которое послѣ прозвано Дрижиполемъ.

не тяготѣлъ преимущественно къ Рѣчи Посполитой, то, быть можетъ, просто дѣйствовалъ, соображаясь съ обстоятельствами, оправдывая собой извѣстную невыгодную характеристику казаковъ его времени: «Черкасы—воровскіе люди».

По смерти знаменитаго его покровителя судьба Остапа была связана съ именами Выговскаго и особенно Дорошенка *).

Такимъ образомъ предки Николая Васильевича принадлежали къ старинному малороссійскому роду, получившему нѣкоторую извѣстность во времена Богдана Хмельницкаго.

Позднѣе родъ этотъ, подобно многимъ другимъ, подчинился чуждому вліянію и въ лицѣ двухъ своихъ представи-

*) Когда послѣ Хмельницкаго между казаками вспыхнула распря, обнаружившая затаенныя стремленія двухъ противоположныхъ партій, притихшихъ и на время успокоившихся при жизни славнаго гетмана, — между такъ называемыми „*значными*“ казаками скоро обнаружились сторонники союза съ Польшей на новыхъ, федеративныхъ, основаніяхъ, которыя гарантировали бы для Малороссіи сохраненіе относительной политической свободы. Къ этой-то партіи и примкнулъ Остапъ, который, вѣроятно, сочувствовалъ воодушевлявшей ея идеѣ еще при жизни Хмельницкаго, долго колебавшагося въ выборѣ между примиреніемъ Малороссіи съ Польшей и присоединеніемъ къ Московскому государству. Впослѣдствіи Остапъ является однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ помощниковъ Данилы Выговскаго (брата гетмана) при нападеніяхъ его на Кіевъ, когда Иванъ Выговскій, не оставляя своей уклончивой и лицемѣрной политики, прикрывался личиной преданности Москвѣ, замышляя во то же время воспользоваться враждебнымъ настроеніемъ Украйны противъ москалей, чтобы произвести возстаніе. Однажды московскій воевода Шереметевъ доносилъ, что подольскій полковникъ вмѣстѣ съ другими пытались незамѣтно для москалей подступить къ Кіеву, но когда съѣхались съ московскими холопями, то не пошли далѣе и остановились за рѣчкой Лыбедью въ трехъ верстахъ отъ Кіева. Наконецъ, когда, послѣ пораженія своей партіи, Данила Выговскій принужденъ былъ удалиться въ лодкѣ за Днѣпръ, то бѣжавшіе драгуны укрылись отъ преслѣдованій *въ селѣ Гоголевѣ*. При избраніи же въ Переяславлѣ на гетманство Юрія Хмельниченка Гоголь явно выказалъ свое недовольство, усмотрѣвъ въ переяславскихъ статьяхъ что-то „новоприданное“, небывалое. Послѣднія лѣтописныя извѣстія объ Остапѣ представляютъ его уже энергическимъ сообщникомъ Дорошенка, который пользовался имъ въ переговорахъ съ Крымомъ и Царьградомъ. Въ заключеніе своей карьеры онъ получилъ отъ польскаго короля помѣстье Ольховцы въ награду за услуги, оказанныя Рѣчи Посполитой.

телей вступилъ было въ ряды польскаго шляхетства, но вскорѣ возвратился къ православной вѣрѣ и родной Украйнѣ. Временное уклоненіе въ католицизмъ, очевидно, было вызвано щедрымъ королевскимъ даромъ Остапу, которымъ предоставлялось ему право наслѣдственнаго владѣнія надъ помѣстьемъ Ольховцами съ женой и сыномъ. Этимъ случайнымъ и эпизодическимъ обстоятельствомъ объясняется странное, повидимому, свидѣтельство дѣда нашего писателя, который, доказывая свое дворянское происхожденіе, выразился въ оффиціальномъ донесеніи, что «его предки, фамиліей Гоголи, польской націи». Онъ разумѣлъ въ данномъ случаѣ, очевидно, только ближайшихъ представителей рода, такъ какъ указаніе на ихъ права всего болѣе соотвѣтствовало его цѣлямъ. Это былъ тотъ именно дѣдъ Гоголя, который, по мнѣнію біографа нашего писателя, былъ изображенъ въ Аѳанасіи Ивановичѣ Товстогубѣ *), и который въ дѣйствительности носилъ имя Аѳанасія Демьяновича. Онъ былъ уже настоящій малороссъ и, конечно, не имѣлъ въ своемъ характерѣ ровно ничего польскаго.

Еще отецъ Аѳанасія Демьяновича былъ православный; онъ даже постригся, по окончаніи курса въ кіевской духовной семинаріи, въ священники въ родномъ селѣ Кононовкѣ (Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи), куда переселился изъ своихъ польскихъ помѣстій, «вышедши въ Россійскую сторону», родитель его, Янъ Гоголь, воспитанникъ той же академіи. Въ честь послѣдняго потомки его стали называться Гоголи-Яновскіе. Не слыхавъ, вѣроятно, о происхожденіи этой фамильной прибавки, Гоголь впослѣдствіи отбросилъ ее, говоря, что онъ не знаетъ, откуда она взялась, что ее «поляки выдумали». **)

Вотъ почти все, что извѣстно о предкахъ Гоголя. Такъ же скудны свѣдѣнія и объ отцѣ его, Василіи Аѳанасьевичѣ, о которомъ мы знаемъ только, что онъ отличался веселымъ, добродушнымъ характеромъ и обладалъ отчасти сценическимъ

*) По другимъ свѣдѣніямъ прототипомъ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны были старички Зарудные, сосѣди Гоголей.

**) См. „Русскій Архивъ“, 1875, 1, 439.

талантомъ. Произведенія его цѣнилъ его геніальный сынъ уже въ возрастѣ юноши, въ бытность свою въ Петербургѣ, а въ дѣтствѣ, при жизни отца, ему нерѣдко случалось во время хлопотъ о театрѣ обращаться къ нему за совѣтами, какъ любителю и знатоку, опытному какъ въ игрѣ, такъ особенно въ постановкѣ пьесъ *).

Какъ авторъ нѣсколькихъ комедій изъ малороссійскаго быта, разыгранныхъ на домашней сценѣ его родственника Трощинскаго, онъ, безъ сомнѣнія, не мало способствовалъ развитію въ мальчикѣ эстетическаго вкуса и наклонности къ юмору, но во всякомъ случаѣ онъ умеръ слишкомъ рано, чтобы имѣть серьезное вліяніе на сына, которое поэтому едва ли могло оставить болѣе или менѣе глубокіе слѣды. Участіе его въ развитіи ребенка, кромѣ наслѣдственности, могло имѣть значеніе не столько самостоятельное и рѣзко выдающееся, сколько какъ отдѣльное звено въ общей совокупности условій, согласно дѣйствовавшихъ въ смыслѣ образованія личности.

Но если нельзя допустить болѣе дѣйствительнаго вліянія на Гоголя со стороны его отца, то любовь его къ послѣднему видна какъ изъ писемъ, при жизни его, такъ съ особенною яркостью проявляется въ нѣкоторыхъ письмахъ къ матери вскорѣ послѣ его смерти. Въ одномъ изъ нихъ Гоголь съ грустью говоритъ напр. о томъ, что онъ хотѣлъ послать свое сочиненіе и нѣсколько картинокъ папенькѣ, но «видно ему не угодно было ихъ видѣть». Въ другомъ письмѣ, проникнутомъ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ, рядомъ съ изліяніемъ самыхъ пылкихъ мечтаній о будущемъ, онъ вдругъ вспоминаетъ съ чувствомъ объ отцѣ, образъ котораго, по его словамъ, «одушевляетъ его въ трудномъ пути жизни и въ минуты горя разсвѣтляетъ сгустившіяся думы».

*) Вмѣстѣ съ просьбой о присылкѣ полотна для театра Гоголь высказываетъ однажды надежду, что отецъ не откажется помочь ему въ приготовленіи костюмовъ.—О литературной дѣятельности Гоголя—отца см. въ „Русской Сценѣ“ 1865, № 6 и 7. „Гоголь—отецъ. „Очерки украинской драматич. литературы“ статья Маруси К. и въ „Основѣ“, 1862, № 2, „Гоголь—отецъ, его комедія „Простакъ“.

Не меньшею любовью Гоголя пользовалась и мать его, Марья Ивановна.

По нашему мнѣнію, отношенія Гоголя къ матери должны быть опредѣлены со всею точностью; они заслуживаютъ самаго тщательнаго и полнаго изученія, какъ по степени ихъ значенія, такъ и по мѣсту, занимаемому ими въ ряду вопросовъ, разъясненіе которыхъ еще возможно на основаніи существующихъ источниковъ. Много было говорено въ біографическихъ статьяхъ о Гоголѣ о вліяніи на его развитіе всей родственной среды, особенно отца и дѣда, наконецъ самой домашней обстановки, воспитавшей въ немъ любовь къ Малороссіи и сообщившей его творчеству нѣкоторыя черты національнаго юмора. Но при этомъ постоянно упускалось изъ виду, что подобнымъ вліяніемъ до нѣкоторой степени онъ могъ быть обязанъ и матери, напр. она также отличалась, по словамъ Гоголя (въ одномъ изъ первыхъ петербургскихъ писемъ), въ довольно почтенной степени знакомствомъ съ малороссійскимъ бытомъ *). Въ образованіи *нравственной личности Гоголя* изъ всѣхъ близкихъ къ нему людей едва ли не ей принадлежитъ главное мѣсто, о чемъ можно предполагать уже по продолжительности этого вліянія, сохранявшаго свою силу въ самый важный періодъ образованія характера сына. Во время его юности она являлась, какъ видно изъ писемъ, наиболѣе интимною его собесѣдницей, такъ какъ ей онъ повѣрялъ занимавшія его мысли и томившія заботы. Ее онъ называетъ въ письмѣ къ Косяровскому ангеломъ-хранителемъ своимъ, рѣдкою матерью, также великодушною, достойнѣйшею изъ всѣхъ матерей.

Важнѣйшія данныя для опредѣленія степени и характера вліянія на Гоголя его матери даетъ намъ одно изъ петербургскихъ его писемъ, когда онъ, уже въ зрѣломъ возрастѣ, оглядываясь на прошедшее, дѣлаетъ довольно обстоятельную оцѣнку первоначальнаго своего воспитанія. Искренній и сво-

*) „Вы имѣете тонкій, наблюдательный умъ, Вы много знаете правы и обычаи Малороссіянъ нашихъ“. (V т., стр. 81).

бодный отъ какой бы то ни было панегирики тонъ письма дѣлаетъ его особенно интереснымъ. Озабоченный будущностью одной изъ меньшихъ сестеръ и раздѣляя о ней попеченія матери, Гоголь даетъ послѣдней практическіе совѣты, то рекомендуя пользоваться уже испытанными на себѣ педагогическими пріемами, то напротивъ предостерегая отъ повторенія сдѣланныхъ уже однажды ошибокъ. Въ ряду мнѣній, высказанныхъ имъ по этому поводу, особенное вниманіе обращаетъ на себя между прочимъ, вѣроятно, не лишенный основанія упрекъ въ неумѣломъ обращеніи съ нимъ,—упрекъ, объясняющій многое въ сложившемся у него характерѣ. Изъ собственнаго сознанія Гоголя можно убѣдиться, что позднѣйшее его самомнѣніе было до нѣкоторой степени естественнымъ и даже обычнымъ плодомъ неумѣреннаго обожанія и излишней нѣжности, которыми часто окружаютъ своихъ первенцевъ неопытныя матери. «Я помню», говоритъ онъ, «я ничего сильно не чувствовалъ, глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданыя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого я особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохновила это чувство». При подобномъ воспитаніи подъ вліяніемъ различныхъ условій и неодинаковыхъ природныхъ задатковъ, какъ извѣстно, люди выходятъ или крайними эгоистами, или по крайней мѣрѣ чрезмѣрно самонадѣянными, если они не лишены души и сердца. Къ послѣдней категоріи слѣдуетъ, можетъ быть, отнести Гоголя. Въ общемъ сдѣланная имъ оцѣнка собственнаго воспитанія оказалась очень сочувственная и, конечно, не безъ основанія. Не стѣсняясь серьезно и искренно указывать нѣкоторые недостатки въ своемъ воспитаніи, онъ даетъ о немъ отзывъ, полный любви и благодарности, и съ увлеченіемъ восклицаетъ: «Я очень помню, какъ вы меня воспитывали. Дѣтство мое донынѣ часто представляется мнѣ. Вы употребляли все усиліе воспитать меня». Особенное одобреніе и сочувствіе возбуждаютъ въ немъ воспоминанія разсказовъ матери о страшномъ судѣ, которые въ немъ «потрясли и разбудили всю чувствительность, заронили впослѣдствіи самыя высокія мысли».

Основа религіознаго чувства, имѣвшаго столь важное значеніе въ жизни Гоголя и положившаго яркій отпечатокъ на всѣ его взгляды и убѣжденія, была заложена, слѣдовательно, по его собственному сознанію, еще въ раннемъ дѣтствѣ все тою же заботливою и любящею матерью. При несомнѣнно искреннемъ благочестіи она, естественно, не могла не обратить особеннаго вниманія на эту важнѣйшую задачу воспитанія. Впрочемъ путь и пріемы, которыми она стремилась возбудить въ ребенкѣ религіозное чувство, не были вполнѣ одобрены Гоголемъ, находившимъ, что родители рѣдко бываютъ вполнѣ хорошими воспитателями своихъ дѣтей, и что мать его не составляла исключенія изъ общаго правила. Высказывая эту мысль, Гоголь имѣлъ въ виду, кромѣ упомянутаго недостатка въ обращеніи съ нимъ, способствовавшаго, какъ мы видѣли, развитію самонадѣянности, также неправильное развитіе религіознаго чувства; онъ возражаетъ противъ излишняго формализма, выразившагося въ заботахъ пріучить ребенка прежде всего къ неуклонному почитанію обрядовой стороны, при невниманіи къ надлежащему объясненію непонятной для дитяти сущности религіи. «На все глядѣлъ я безстрастными глазами; я ходилъ въ церковь потому, что мнѣ приказывали, или носили меня, но, стоя въ ней, я ничего не видѣлъ, кромѣ ризъ, попа и противнаго ревѣнія дьячковъ. Я крестился потому, что видѣлъ, что всѣ крестятся»....

Такимъ образомъ въ разобранномъ письмѣ указаны до нѣкоторой степени свѣтлыя и темныя стороны первоначальнаго воспитанія нашего писателя матерью. Но если для насъ не можетъ не представлять извѣстнаго интереса этотъ искренній отзывъ, то съ другой стороны нѣтъ сомнѣнія, что случайная характеристика безъ другихъ свѣдѣній въ высшей степени недостаточна. Поэтому считаемъ умѣстнымъ привести нѣкоторыя данныя для знакомства съ личностью Маріи Ивановны Гоголь и ея отношеніями къ сыну на основаніи находящихся въ нашемъ распоряженіи неизданныхъ писемъ ея къ одному изъ наиболѣе близкихъ и любимыхъ ея родственниковъ, къ ея двоюродному брату, Петру Петровичу Косяровскому. По своему содержанію письма эти представляютъ

почти исключительно фамильный интересъ, но они могутъ имѣть значеніе по нѣкоторымъ заключающимся въ нихъ даннымъ, имѣющимъ цѣну въ качествѣ біографическаго матеріала *). Въ этихъ письмахъ передъ читателемъ живо рисуется простая, но въ то же время умная и симпатичная личность Марьи Ивановны и отчасти та патріархальная среда, въ которой росъ и воспитывался будущій нашъ первоклассный писатель.

Согласно личнымъ воспоминаніямъ людей, знавшихъ близко Марью Ивановну, и эти письма показываютъ въ ней женщину чрезвычайно добрую, всей душой преданную тѣсному кругу родныхъ и близкихъ знакомыхъ, съ характеромъ открытымъ и любящимъ. Это типъ скромной помѣщицы прежняго времени, интересы которой сосредоточивались на семейныхъ и хозяйственныхъ хлопотахъ съ одной стороны и на заботахъ о дѣлахъ благочестія съ другой. Свиданія съ родными, требовавшія частыхъ поѣздокъ въ сосѣднія деревни, пріемъ гостей у себя въ Васильевкѣ, встрѣчи и проводы старшихъ дѣтей, пріѣзжавшихъ домой на каникулы, уходъ за меньшими и заботы о нихъ, распоряженія по дому и хозяйству—все это совершенно наполняло время Марьи Ивановны и вмѣстѣ съ тѣмъ давало содержаніе и окраску ея интимной жизни. Тонъ писемъ, вездѣ одинаковый и ровный, даетъ возможность при однообразіи содержанія по нѣсколькимъ выдержкамъ охарактеризовать эту симпатичную личность и ея повседневную жизнь.

Вотъ какъ она сама изображаетъ въ одномъ письмѣ свой домашній бытъ: «Мало, что ѣзжу по хозяйственнымъ дѣламъ, и дрожки никогда не откладываются, а только перемѣняютъ лошадей: надобно еще смотрѣть за порядкомъ въ домѣ, за дѣтьми маленькими смотрѣть и о большихъ думать, и сверхъ того безпрестанно должна писать о разныхъ предметахъ и отвѣчать добрымъ пріятельницамъ, которыя закидываютъ

*) Въ нихъ, напримѣръ, находимъ драгоцѣнное свѣдѣніе о причинѣ, побудившей Гоголя поспѣшно вернуться изъ перваго заграничнаго путешествія. См. мой „Указатель къ письмамъ Гоголя,“ стр. 75.

меня письмами; еще я должна, хотя въ полгода одинъ разъ, сдѣлать визиты добрымъ сосѣдямъ моимъ, которыхъ, благодаря Бога, у меня много; у родителей моихъ каждую недѣлю бываю» и проч.

При чтеніи писемъ нельзя не удивиться энергической и подвижной натурѣ Марьи Ивановны; при всей любви своей къ спокойной жизни въ Васильевкѣ, которую она особенно неохотно покидала послѣ смерти мужа, она постоянно предпринимала по разнымъ дѣламъ поѣздки то къ знакомымъ въ сосѣднія деревни (Обуховку, Ярески, Грунь, Псёловку), то въ ближайшіе города, напр. въ Харьковъ, Полтаву, Миргородъ. Среди этихъ мелочныхъ и разнообразныхъ хлопотъ обыденной жизни, какъ видно изъ переписки съ родными, Марья Ивановна посвящала особое вниманіе предметамъ религіознымъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ находимъ ея разспросы и наставленія Косяровскому о приготовленіи плащаницы, предназначавшейся, вѣроятно, для сельской церкви въ Васильевкѣ. Косяровскому, какъ близкому родственнику и другу, было поручено приготовленіе плащаницы въ Одессѣ, гдѣ онъ служилъ въ то время; онъ слѣдилъ за исполненіемъ работы. Дѣло было, очевидно, весьма дорогое и близкое сердцу заказчицы, которая не переставала постоянно освѣдомляться о немъ въ продолженіе почти цѣлаго года.

Сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ.

«Плащаницу, мнѣ кажется, лучше сдѣлать по послѣднему описанію вашему, чтобы Спаситель нашъ нарисованъ былъ на гроденаплѣ, а слова бы были въ рамахъ, бархата же можно пришить и голубого — хорошаго цвѣту; впрочемъ, я отдаюсь совершенно на изящный вкусъ той особы, которая будетъ трудиться надъ приведеніемъ въ порядокъ сего богоугоднаго дѣла и, вѣрно, я буду восхищена плащаницей, когда ее увижу» (письмо отъ 26 іюня 1826 г.). Почти черезъ годъ (16 мая 1827 г.), она пишетъ въ послѣдній разъ о плащаницѣ по поводу окончанія дѣла: «Усерднѣйше благодарю васъ, милѣйшій братецъ, за попеченіе о плащаницѣ. Да вознаградитъ васъ Богъ! Мнѣ все въ ней нравится».

Въ отношеніяхъ къ окружающимъ любящая натура матери нашего писателя сказывается такъ или иначе въ каждомъ незначительномъ письмѣ, — то въ сочувствіи ихъ заботамъ и горю, то въ одобреніи и совѣтахъ, часто наивныхъ, и если способныхъ подѣйствовать успокоительно, то, конечно, только тѣмъ неподдѣльно ласковымъ, совершенно женскимъ участіемъ, которымъ вѣетъ отъ каждой строки, и которое бываетъ дорого именно своей неоцѣненной искренностью и теплотой. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія самый простодушно-дружескій тонъ писемъ. «Душевно обрадована была пріятнѣйшимъ письмомъ вашимъ, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ. Читая письмо ваше, я вообразила на минуту, что нахожусь вмѣстѣ съ вами. Какъ бы хорошо сдѣлали вы, милые друзья мои, когда бы пріѣхали къ намъ; но какъ на сіе нужны финансы, то не могу васъ и упрашивать. О, когда бы у меня было ихъ столько, чтобы мнѣ дѣлиться съ вами! какъ бы я была рада! Для меня единственная отрада быть съ родными вмѣстѣ!» Иногда случается ей дѣлиться въ письмахъ болѣе выдающимися впечатлѣніями. «Сейчасъ возвратились мы изъ церкви; слушали страданія Спасителя нашего и со свѣчами шли домой. Чрезвычайная ночь!»

Преданность волѣ Божіей и покорность Провидѣнію выражаются у Марьи Ивановны нерѣдко въ наивной и непосредственной формѣ, но показывающей ясно, что благочестивое настроеніе исходило изъ души ея и имѣло довольно существенное вліяніе на ея жизненныя правила и убѣжденія. На чистой и глубокой вѣрѣ основывался ея свѣтлый оптимистическій взглядъ на жизнь, несмотря на всѣ испытанія, — взглядъ, весьма часто высказываемый въ письмахъ. Не имѣя возможности помочь близкимъ болѣе существеннымъ образомъ, она не скупится на добрыя пожеланія, стараясь поддерживать въ нихъ бодрость въ житейскихъ испытаніяхъ и превратностяхъ. Она постоянно рекомендуетъ держаться излюбленной ею Панглосовой системы, заключающейся въ положеніи: «все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ». Такъ, успокоивая Коя-ровскаго, долго не находившаго службы, она пишетъ: «О службѣ вы не безпокойтесь; лѣта ваши еще не ушли. Вамъ

можно и въ штатскую; да еще лучше и безопаснѣе; и опредѣлиться тамъ же въ Одессѣ, когда сей городъ такъ нравится и, избравши себѣ по сердцу супругу, прелестную женщину душою и тѣломъ, — какое бы это было счастье для васъ!—пріѣхать въ Малороссію!» Такіе совѣты, часто даже противорѣчивые, не были, конечно, выраженіемъ опредѣленныхъ взглядовъ и взвѣшенныхъ соображеній. Въ одномъ письмѣ, напр., она сокрушается о губительномъ дѣйствіи климата Грузіи на здоровье своего родственника и совѣтуетъ ему, оставивъ военную службу, пріѣхать въ Малороссію; въ слѣдующемъ письмѣ, напротивъ, желаетъ тому же лицу всякихъ успѣховъ на поприщѣ военной службы. «Жалѣю душевно о безпрерывныхъ преградахъ вступить вамъ въ службу, но вы не безпокойтесь о семъ ни мало; держитесь Панглоссовой системы, что все, что ни дѣлается, все къ лучшему. Я и сама въ томъ совершенно увѣрена. Когда бы вы опредѣлились прежде, то, Богъ знаетъ, были ли бы вы уже на свѣтѣ о сю пору». Къ собственному горю Марья Ивановна относилась совершенно такъ же: «Машенька моя жестоко была больна; можно сказать, что изъ мертвыхъ воскресла, и вы можете себѣ представить, что я тогда чувствовала, но Богъ все устраиваетъ къ лучшему, иногда для того, чтобы больше чувствовать милосердіе Его».

Вотъ еще примѣръ подобныхъ утѣшеній:

Обстоятельства ваши поправятся и вы будете покойны; идите прямой дорогой и будьте всегда одинаково добры, и вы въ самомъ себѣ найдете большое утѣшеніе во всякое время... Я слышала, что Павлу Петровичу отказываютъ въ просьбѣ; когда это такъ, то ему остается жениться; видно, не судьба ему служить. Держитесь все Панглоссовой системы: вы пишете, что много больныхъ и раненыхъ; можетъ быть, и вамъ бы не миновать такой же участи; но лучше сидѣть въ скукѣ, нежели въ болѣзни. Вспомните, что Богъ никогда не оставляетъ уповающихъ, и я совершенно увѣрена, что Онъ меня выведетъ изъ нужды, терпимой мною, и рано или поздно успокоитъ, или же такъ быть должно, чтобы я здѣсь не

была спокойна, но зато въ будущемъ вознаградитъ меня. Съ этимъ счастьемъ что можетъ сравниться!»

Въ заключеніе характеристики Марьи Ивановны, остановимся на отношеніяхъ къ родственнику ея, вельможѣ и бывшему министру, Трощинскому.

Какъ богатый и знатный человѣкъ, жившій широко и обставленный совершенно по-барски, какъ помѣщикъ, содержавшій при себѣ цѣлое народонаселеніе, начиная отъ домашнихъ докторовъ и кончая шутами и многочисленной челядью, Трощинскій, естественно, былъ предметомъ благоговѣйнаго почитанія для всѣхъ родныхъ и сосѣдей. Легко себѣ представить, что его должны были окружать со всѣхъ сторонъ подобострастіе и зависть, тогда какъ за спиной у него происходили интриги, отъ которыхъ подчасъ жутко приходилось именно людямъ, пользовавшимся наибольшимъ расположеніемъ хлѣбосольнаго хозяина. Знакомые и родственники во множествѣ стекались въ домъ своего патрона въ торжественные дни для заявленія чувствъ преданности и расположенія, и гордились его вниманіемъ, если, въ свою очередь, онъ удостоивалъ ихъ своего посѣщенія. Въ послѣднемъ случаѣ изо всѣхъ силъ старались оправдать оказываемую честь пріемомъ, достойнымъ столь почетнаго гостя. Въ такихъ именно отношеніяхъ находилась къ Трощинскому Марья Ивановна. Обыкновенно въ ожиданіи пріѣзда именитаго родственника, котораго привыкли даже за глаза величать не иначе, какъ превосходительствомъ и благодѣтелемъ, въ домѣ поднимались суетливыя хлопоты и приготовленія, далеко не ограничивавшіяся обычной въ подобныхъ случаяхъ уборкой комнатъ. При многочисленности свиты, съ которой разъѣзжалъ Трощинскій, заботы о размѣщеніи ея заставляли нерѣдко Марью Ивановну отказывать себѣ въ привычномъ покоѣ и переселяться даже на время къ сосѣдямъ, а сына посылать за закупками и припасами изъ Васильевки въ Полтаву, Кременчугъ и дальше. Иногда приходилось приносить немаловажныя жертвы: такъ однажды она должна была отказать себѣ въ удовольствіи оказать помощь одному изъ наиболѣе любимыхъ родственниковъ, находившемуся въ бѣд-

ственномъ положеніи, и сдѣлать много тратъ въ ожиданіи несостоявшагося пріѣзда Трощинскаго, при чемъ приходилось располагать собой, своимъ временемъ и помѣщеніемъ, примѣняясь къ вкусамъ и привычкамъ высокаго гостя. «Къ Петру и Павлу ожидаемъ Дмитрія Прокофьевича со всѣмъ его семействомъ. Къ тому дню и мы должны ѣхать съ Варенькой *) въ Ярески. Она здорова; только скучаетъ, воображая, что пріѣдутъ сюда кибинскіе, и надобно будетъ больше съ ними жить въ продолженіе лѣта». Особенно тяжело было Марьѣ Ивановнѣ переламывать себя и жить среди веселаго общества въ Ярескахъ, тогда какъ послѣ смерти мужа ей было вовсе не до того. «Мнѣ очень мучительно», пишетъ она, «имѣя горесть въ сердцѣ, быть въ веселой компаніи, но я стараюсь какъ можно рѣже тамъ бывать и оставаться больше въ уединенной и спокойной моей Васильевкѣ».

Вотъ еще нѣсколько выписокъ, характеризующихъ отношенія Марьи Ивановны къ Д. П. Трощинскому.

«Я вамъ писала, что жду Дмитрія Прокофьевича; онъ у насъ былъ и чрезвычайно былъ доволенъ угощеніемъ; княжна **) не была по причинѣ пріѣзда къ ней отца ея, котораго Дмитрій Прокофьевичъ простилъ и они оставались въ Ярескахъ. Выпроводя ихъ, ѣздила я съ Варенькой къ Катенькѣ***), а тамъ должна была ѣхать на именины къ благодѣтелю моему (тѣмъ болѣе, что онъ былъ у меня), гдѣ провела время очень скучно» и проч.

«О Дмитріи Прокофьевичѣ я, кажется, писала вамъ, какъ онъ у насъ былъ, и старалась доставить ему всѣ тѣ удовольствія, которыя онъ любитъ».

«Никоша мой возвратился изъ Кременчуга и навезъ всего для угощенія Дмитрія Прокофьевича, и онъ не будетъ, потому что нѣтъ возможности пріѣхать по причинѣ тѣсноты. Теперь пріѣхали Шамшевы, Софья Алексѣевна и Ростиславъ; Иванъ Ефимовичъ возвратился изъ Кибинецъ. Я вообразила, что тогда еще будутъ въ Кибинцахъ, и Родзянки пріѣхали, и мнѣ никакъ не возможно ихъ помѣстить всѣхъ, и, призна-

*) Варварой Петровной Косяровской.

**) Сакенъ. См. „Указатель къ письмамъ Гоголя“, стр. 69.

***) Е. И. Ходаревскій. См. „Указатель“, стр. 47, внизу.

юсь, я и рада сему случаю; жаль только, что употреблено много денегъ: лучше бы послала вамъ». «Въ Кибинцахъ мы провели время и пріятно и грустно, — пріятно потому, что я имѣла особую комнатку, гдѣ могла свободно предаваться своимъ мыслямъ и обдумывать свои планы (я просила, чтобы мнѣ дали въ гостиномъ флигелѣ особую комнатку вмѣстѣ съ моей Машей, для того, что съ Ольгой Дмитріевной *) мнѣ надобно было помѣщаться съ Капнистами и съ другими женщинами и поздно слишкомъ ложиться, потому что послѣ ужина всѣ молодые люди всегда во флигелѣ собираются, а для моей Машеньки не годится поздно ложиться, и мы отъ ужина тотчасъ уходили въ свою квартиру). Одинъ Андрей Андреевичъ **), истинно какъ родной братъ, со мной обходился, а больше никто. Мнѣ казалось, что ужаснѣйшая зависть меня окружаетъ, а впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь, — Богъ знаетъ. Кажется, совсѣмъ нечего мнѣ завидовать: я ожидаю единственной и самой большой помощи отъ благодѣтеля моего Дмитрія Прокофьевича — рекомендательныхъ писемъ для моего сына къ тѣмъ особамъ, которыя ему будутъ нужны, а болѣе никакой помощи я не надѣюсь, потому что слишкомъ ужъ стараются отдалять его отъ моего сердца. О люди! Я теперь только ихъ узнаю; прежде мнѣ и въ голову не приходило, чтобы можно было говорить и писать не такъ, какъ чувствуешь».

«Ангелъ мой, благодѣтель Дмитрій Прокофьевичъ, платилъ за меня въ казну и рѣдко отъ меня принималъ, и, видно, для памяти писалъ у себя, сколько я ему должна, и вышло 4060 р., и сія записка нашлась, и мнѣ платить сіи деньги, но такъ какъ никакого средства ихъ нѣтъ мнѣ уплатить, то я предложила Андрею Андреевичу принять Ярсковское мое имѣніе, состоящее изъ десяти десятинъ. Онъ согласился, но только не даетъ по 30 р. десятину, и выходитъ, что имѣнія лишусь и долгу не уплачу; но да будетъ воля Божія: мы располагаемъ, а Богъ опредѣляетъ».

*) См. „Указатель“, стр. 59.

**) Трощинскій, родственникъ Дмитрія Прокофьевича и двоюродный братъ Маріи Ивановны Гоголь. См. „Указатель къ письмамъ Гоголя“, стр. 27.

Наконецъ вотъ извѣстіе о смерти Трощинскаго:

«Изъ Кибинецъ я возвратилась съ разбитымъ горестью сердцемъ, поклонилась гробу благодѣтеля моего, который такъ поставленъ что можно туда ходить и видѣть гробъ»....

II.

Краткія свѣдѣнія о дѣтствѣ Гоголя до поступленія въ школу. Переписка съ матерью. Отношенія къ матери и къ родственникамъ во время пребыванія въ школѣ. Слогъ писемъ.

Н. В. Гоголь родился 19 марта 1809 г. въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, находящемся на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго уѣздовъ. Случайное обстоятельство было причиной пріѣзда матери Гоголя передъ родами въ Сорочинцы: ее привело туда опасеніе, послѣ двухъ неудачныхъ родовъ, за жизнь будущаго ребенка и надежда на помощь и искусство мѣстнаго врача (Трофимовскаго). Вслѣдствіе той же боязни ею былъ данъ обѣтъ, если родится сынъ, назвать его Николаемъ въ честь чудотворнаго образа, называвшагося Николаемъ Диканьскимъ. Свѣдѣнія эти сообщены Г. Данилевскимъ на основаніи данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ, тогда какъ прежде родиной Николая Васильевича считали Васильевку, родовое имѣніе его отца (см. статью Кулиша, «Отеч. Зап.» 1852, 4. *) Въ статьѣ Данилевскаго есть также нѣкоторыя свѣдѣнія и о раннихъ годахъ дѣтства Гоголя, которыя могли бы быть драгоцѣнны при отсутствіи иныхъ данныхъ, если бы они не были до нѣкоторой степени разсчитаны на эффектъ разсказа,—о томъ, напр., что Гоголь, «*трехъ лѣтъ* отъ роду (!), не учась грамотѣ у учителя, уже

---

*) Въ свѣдѣніяхъ о времени рожденія Гоголя есть также разногласія и неточности. Годомъ рожденія сначала былъ указанъ въ статьѣ Кулиша 1808. Свѣдѣніе это могло быть заимствовано изъ предисловія къ французскому переводу повѣстей Луи Віардо, который составилъ предисловіе со словъ И. С. Тургенева.

бѣгло читалъ и писалъ слова мѣломъ, запомнивъ алфавитъ по рисованнымъ, игрушечнымъ буквамъ»; что онъ рано началъ писать стихи, и что однажды извѣстный поэтъ-сатирикъ Капнистъ, навѣщавшій по сосѣдству семейство Гоголей, захотѣлъ увидѣть эти стихотворческіе опыты и сталъ настаивать, чтобы Гоголь прочелъ ему что-нибудь; послѣ нѣкоторыхъ колебаній малютка-Гоголь будто бы съ важностью исполнилъ его просьбу, и Капнистъ призналъ въ немъ зародыши дарованія. Интереснѣе и правдоподобнѣе сообщеніе о томъ, что отецъ Гоголя во время прогулокъ заставлялъ своихъ дѣтей что-нибудь импровизировать, при чемъ всегда торжествовалъ Николай Васильевичъ, уже обнаруживавшій большую находчивость....

Около десяти лѣтъ отъ роду Гоголь былъ отвезенъ въ Полтаву и отданъ вмѣстѣ съ братомъ для приготовленія въ мѣстную гимназію къ одному изъ служившихъ въ ней учителей. Сношенія съ родной семьей, какъ письменныя, такъ и личныя, какъ видно изъ писемъ, были очень часты, что происходило отчасти потому, что состояніе здоровья ребенка было не надежно и самое ученье шло не совсѣмъ успѣшно, такъ что вскорѣ потребовались усиленныя занятія съ особенно приглашеннымъ для этой цѣли учителемъ.

Дальнѣйшихъ подробностей о жизни Гоголя въ это время мы не имѣемъ никакихъ, но съ *этой поры* является уже возможность для нашихъ цѣлей пользоваться его письмами *).

---

*) Въ трудѣ Кулиша мы находимъ одно и то очень краткое извѣстіе о первоначальномъ воспитаніи Гоголя. („Зап. о жизни Гоголя“ 1 гл. стр. 16). Тамъ сказано, что „Гоголь получилъ его сначала дома отъ наемнаго семинариста, а потомъ готовился къ поступленію въ гимназію въ Полтавѣ, на дому у одного учителя гимназіи вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Иваномъ. Но когда ихъ взяли на каникулы и младшій братъ умеръ, (9 лѣтъ отъ роду), Николай Васильевичъ, (будучи старше его годомъ) оставался нѣкоторое время дома, пока не отданъ былъ въ Нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ въ маѣ 1821 г.“ Слѣдовательно, братъ Гоголя скончался въ 1820 году лѣтомъ, а Н. В., не возвращавшійся больше въ Полтаву послѣ каникулъ, большую часть слѣдующаго учебнаго года провелъ дома. Но уже въ февралѣ было подано прошеніе о принятіи

Переписка Гоголя въ изданіи Кулиша начинается съ 1820 г., т. е. съ одиннадцати-лѣтняго возраста писателя. Первыя письма его въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ еще носятъ на себѣ всѣ слѣды дѣтства и не представляютъ особаго интереса по своему крайнему однообразію и скудному матеріалу, въ нихъ заключающемуся. Это, очевидно, только начальные опыты въ составленіи писемъ ребенка, недавно разставшагося впервые съ родителями. Самый кругъ переписки былъ пока тѣсно ограниченъ письменными сношеніями съ родителями и двумя дядями по матери (Косяровскими) и очень немногими письмами къ другимъ близкимъ людямъ. Впослѣдствіи, въ 1827 г., мы находимъ еще два письма къ пріятелю, бывшему школьному товарищу, Высоцкому.

Въ письмахъ къ матери всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе теплая родственная привязанность почтительнаго сына, оставшаяся на всю жизнь отличительной чертой Гоголя. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть нѣсколько писемъ его къ ней въ разные періоды жизни и сравнить ихъ съ письмами къ другимъ лицамъ.

Съ матерью Гоголь при полной дружеской откровенности и непринужденности обращенія никогда не позволяетъ себѣ ни фамильярности, ни даже шутливаго тона—признакъ въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, не только глубокаго уваженія, но и особаго характера самыхъ отношеній, неизмѣнно серьезныхъ, хотя и вполнѣ искреннихъ, безъ малѣйшей на-

Гоголя въ Нѣжинскую гимназію и въ маѣ онъ былъ ея ученикомъ. По свѣдѣніямъ же Справочнаго Энциклопедическаго словаря (т. III 1854 года) Гоголь пробылъ два года въ Полтавской гимназіи. Въ сборникѣ „Русскіе люди“ (изд. Вольфа Спб. 1866 г.) мы читаемъ также: „Гоголь первоначальное воспитаніе получилъ въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ, по окончаніи котораго учился два года въ первомъ классѣ Полтавской гимназіи“. Для насъ это противорѣчіе неважно, потому что словарь былъ составленъ въ 1854 году, раньше появленія книги Кулиша и, вѣроятно, черпалъ свои свѣдѣнія изъ его же прежнихъ замѣтокъ или статей, а изданіе „Русскіе люди“, очевидно, повторяетъ свѣдѣнія прежняго какого-нибудь источника. Такимъ образомъ нѣтъ причины сомнѣваться въ справедливости приведенныхъ словъ Кулиша, которыя мы находимъ въ его трудѣ, изданномъ уже въ 1856 г.

тянутости или скрытности. Нѣсколько инымъ характеромъ отличаются правда *немногія* письма уже конца сороковыхъ годовъ, когда подготовлявшійся въ Гоголѣ психическій процессъ не могъ отчасти не отразиться и на семейныхъ его отношеніяхъ. Впрочемъ, если въ эти годы мы встрѣчаемъ у Гоголя въ письмахъ къ матери иногда суровый, мѣстами, пожалуй, раздражительный тонъ, особенно тамъ, гдѣ онъ читаетъ поученія въ обличительномъ духѣ, или съ досадой упрекаетъ за слабость гордиться его славой *), то нигдѣ въ этихъ письмахъ нельзя найти ни малѣйшей тѣни неуваженія, ни малѣйшаго намека на равнодушіе. Но въ то же время мы не находимъ въ нихъ болѣе или менѣе замѣтнаго проявленія обычнаго его малороссійскаго веселаго юмора, его мѣткаго и живого слога, за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ характеристикъ незнакомыхъ матери городовъ, напр. Петербурга, Любека, Травемюнде, между тѣмъ какъ этими чертами изобилуютъ не только первыя его литературныя произведенія, но и нѣкоторыя изъ дѣтскихъ писемъ къ другимъ лицамъ, напр. къ дядѣ Павлу Петровичу Косяровскому. Особенно замѣтна разница тамъ, гдѣ между письмами къ матери вдругъ попадается какое нибудь шутливое письмецо или приписка къ какому нибудь другому лицу, отличающіяся совершеннымъ инымъ тономъ, переходящимъ почти въ шалость. (Таковы письма къ Варварѣ Петровнѣ Косяровской). Очевидно, что съ извѣстной степенью уваженія Гоголь считалъ несогласнымъ развязную шутливость, (охотно допускаемую, впрочемъ, въ другихъ случаяхъ), какъ и вообще всякое празднословіе. Указанную черту писемъ къ матери и разницу между ними и письмами къ другимъ лицамъ всего естественнѣе объяснить тѣмъ, что это были письма наиболѣе интимныя и въ то же время они обыкновенно не были легкими или незначительными по содержанію. Въ нихъ Гоголь неоднократно говоритъ о своихъ чувствахъ къ матери и нѣкоторые такіе отрывки проникнуты у него глубокимъ лиризмомъ, при которомъ нѣтъ уже мѣста профанирующей высокое чувство

*) „Старайтесь лучше во мнѣ видѣть христіанина и человѣка, нежели литератора“. (Соч. Гог., изд. Кул., VI т. стр. 86).

автора шуткѣ. Въ значительномъ большинствѣ другихъ онъ бесѣдуетъ съ нею о предметахъ наиболѣе нужныхъ и важныхъ. *) Понятно въ виду всѣхъ указанныхъ соображеній, почему мы почти вовсе не находимъ въ письмахъ поэта къ матери не только юмора, но и тѣхъ художественныхъ красокъ, которыя мы привыкли встрѣчать у Гоголя (послѣднихъ, конечно, нельзя собственно искать въ перепискѣ, но мѣстами, хотя и очень рѣдко, онѣ являются и въ ней). Любопытно сравнить въ этомъ отношеніи письма Гоголя къ матери съ письмами къ Павлу Петровичу Косяровскому. Въ послѣднихъ также раскрывается передъ нами прекрасная душа автора, но уже совершенно съ другой стороны: мы находимъ здѣсь самый развязный и свободный, самый веселый дружескій тонъ, отъ котораго отрадно и легко становится на душѣ, и который дышитъ неподдѣльной, неподражаемой искренностью и теплотой. Но зато сейчасъ же видно по несерьезности содержанія и даже по самому слогу, испещренному простонародными малороссійскими словами, или въ шутку употребленными иностранными, передѣланными на русскій ладъ, наконецъ особенно по нѣкоторымъ черезчуръ реальнымъ выраженіямъ,—что корреспондентъ принадлежалъ къ числу людей дорогихъ ему и очень имъ любимыхъ, но, вѣроятно, не такихъ, которымъ онъ сталъ бы повѣрять самыя сокровенныя, наиболѣе важныя для него чувства и мысли....

Письма Гоголя къ матери получаютъ интересъ особенно со времени кончины его отца. Съ этихъ поръ мы и начинаемъ болѣе подробный ихъ обзоръ.

*) Интимная жизнь Гоголя была вообще открыта для матери, хотя онъ и не касается въ бесѣдахъ съ нею того, чего она не могла раздѣлять, напр. недовольства мертвенностью и застоемъ уѣздной жизни въ Нѣжинѣ, или того, что относилось къ его литературнымъ работамъ. „Я никогда не вводилъ ни въ какія литературныя мои отношенія и не говорилъ съ ней о подобныхъ дѣлахъ“. (Соч. Гог. т. 6, стр. 5). „Пишу я, соображаясь съ моими силами, средствами, не ставлю ничего на срокъ, да и не люблю даже объ этомъ предметѣ разговаривать съ кѣмъ бы то ни было“. (V т., 239).

Первыя недѣли послѣ смерти отца положеніе Гоголя было чрезвычайно тяжелое: не легко было ему, пораженному страшнымъ извѣстіемъ, не находя мѣста отъ тоски, среди постороннихъ людей, равнодушныхъ къ его горю, не видѣть около себя никого, кто бы могъ принять въ немъ настоящее, сердечное участіе. Между тѣмъ онъ сознавалъ, что долженъ постоянно учиться, работать, а время отдыха и свиданія съ родными, необходимость которыхъ чувствовалась такъ настоятельно, хотя бы только для того, чтобы имѣть возможность и досугъ предаться вполнѣ охватывающимъ его чувствамъ,— время это такъ далеко! Уже изъ первыхъ писемъ матери послѣ рокового событія ему пришлось убѣдиться, что на него возлагается, въ случаѣ разстройства семейныхъ дѣлъ, обязанность заступить для младшихъ членовъ семьи мѣсто отца и сдѣлаться опорой всего дома. Ему представилась серьезная задача подумать объ успокоеніи матери и въ то же время необходимо было впервые серьезно взглянуть на себя и на свое будущее, а на такое сознательное обсужденіе своего нелегкаго положенія онъ уже былъ способенъ тогда по своему возрасту. Къ этому присоединились еще тревоги и заботы вслѣдствіе неполученія письма отъ матери. Все это не могло не отразиться весьма существеннымъ образомъ на его развитіи, о чемъ можно смѣло заключить на основаніи писемъ, становящихся съ этого времени значительно серьезнѣе и зрѣлѣе. Въ нравственномъ мірѣ Гоголя неизбѣжно должна была произойти перемѣна, и отчасти онъ самъ ее вскорѣ замѣчаетъ. «Ежели бы вы меня видѣли,» пишетъ онъ матери: «вы бы согласились, что я совсѣмъ перемѣнился: я теперь самъ не свой; бѣгаю съ мѣста на мѣсто, не могу ничѣмъ утѣшиться, ничѣмъ заняться, считаю каждую минуту, каждое мгновеніе, бѣгаю на почту, спрашиваю хоть малѣйшее извѣстіе, но вмѣсто отвѣта получаю *нѣтъ*! и возвращаюсь съ печальнымъ видомъ въ свое ненавистное жилище, которое мнѣ опротивѣло!»... Въ этихъ словахъ живо обрисовывается тогдашнее безотрадное состояніе Гоголя. Какъ понятно въ немъ, еще почти ребенкѣ, то чувство, подъ вліяніемъ котораго самое «жилище» кажется ему ненавистнымъ! Въ приведенныхъ строкахъ не-

обходимо отмѣтить еще одну черту: мы находимъ здѣсь уже совершенно равныя, дружескія отношенія къ матери въ смыслѣ непринужденной бесѣды съ ней, какъ съ лучшимъ другомъ, а вскорѣ онъ уже рѣшается давать ей совѣты и дѣлаетъ ласковые упреки за то, что она слишкомъ позволяетъ овладѣвать собою горю; напоминаетъ ей объ обязанностяхъ къ дѣтямъ, которыя отнимаютъ у нея право давать полную волю личной скорби. Съ этихъ поръ Гоголь, переставая быть ребенкомъ, все больше и больше принимаетъ живое участіе въ семейныхъ и домашнихъ дѣлахъ, и, убѣждая мать не отчаяваться, даетъ неоднократно энергическія обѣщанія посвятить ей всю жизнь. Онъ, очевидно, боится за мать; онъ не увѣренъ, будетъ ли она въ силахъ перенести постигшее ее несчастіе, и испытываетъ томительную потребность подѣлиться съ нею чувствами, возбужденными общими душевными ранами. Онъ съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждетъ свиданія съ нею на каникулахъ, высказывая свое желаніе въ каждомъ письмѣ *).

Въ это время Гоголь часто пишетъ матери, всячески пытаясь вызвать ее на отвѣтъ, но все было напрасно: ему суждено было мучиться неизвѣстностью въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но и тогда извѣстіе пришло только въ письмѣ къ товарищу его (Баранову), и уже вскорѣ затѣмъ онъ получилъ письмо и самъ. Такое продолжительное молчаніе при мучительномъ настроеніи Гоголя побудило его сказать однажды, что если онъ не получитъ наконецъ вѣсточки, то «прибѣгнетъ къ отчаянію, которое дастъ ему средство избавиться отъ мрачной неизвѣстности». Между тѣмъ настоящей причиной непонятнаго перерыва въ перепискѣ оказалась просто обычная неисправность почты. Въ одномъ письмѣ Марьи Ивановны къ Косяровскому она сообщаетъ: «теперь, благодаря Бога, на счетъ сына спокойна: получила отъ него письмо; видно, что онъ много писалъ ихъ ко мнѣ, но я не получала, такъ же, какъ и онъ моихъ, и даже съ

*) „Чего бы я не сдѣлалъ“, пишетъ онъ матери, „чтобы быть теперь съ вами, но пространство разлучаетъ насъ“.

деньгами ни одного не получилъ». Почти до самаго отъѣзда Гоголя въ Нѣжинъ длилось это недоразумѣніе. «Приближается время каникулъ», писалъ онъ уже черезъ два мѣсяца послѣ смерти отца, «и не знаю, буду ли счастливѣйшимъ или самымъ несчастнымъ человѣкомъ». Марья Ивановна, съ своей стороны чутко отзывавшаяся всегда на все, что такъ или иначе касалось нѣжно-любимаго сына, была иногда склонна, по свойственной всѣмъ матерямъ заботливости, преувеличивать важность всякаго сообщенія тревожнаго свойства, и этого также имѣлъ основаніе опасаться Гоголь.

Съ теченіемъ времени семейное горе наконецъ улеглось, и мать Гоголя, прежде столь убитая имъ, начала постепенно находить интересъ въ домашнихъ дѣлахъ и заботахъ и вникать больше въ хозяйство, которое она вела очень дѣятельно, не ограничиваясь мелочными текущими распоряженіями, но обдумывая и предпринимая разныя постройки, новыя домашнія заведенія, занимаясь даже винокуреніемъ и проч. Естественно, что между нею и сыномъ возникла и установилась потребность частой бесѣды въ письмахъ о вопросахъ, касающихся общихъ интересовъ семьи,—потребность, становившаяся тѣмъ сильнѣе, чѣмъ быстрѣе подвигалось развитіе сына. Гоголя, въ свою очередь, какъ видно изъ писемъ, все это также интересовало чрезвычайно живо: онъ часто прилагаетъ въ нихъ планы для построекъ и рисунки, примѣняя при этомъ на практикѣ успѣхи, сдѣланные имъ въ любимомъ искусствѣ *). Такимъ образомъ характеръ переписки нѣсколько расширяется и содержаніе ея становится гораздо разнообразнѣе и шире, сообщая намъ такія свѣдѣнія, которыя совершенно переносятъ насъ въ обстановку и отчасти семейныя отношенія поэта, насколько возможно знакомство съ ними на основаніи отрывочныхъ данныхъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ мы находимъ разспросы Гоголя о разныхъ подробностяхъ хозяйства, просьбы извѣщать его о всѣхъ предположеніяхъ и перемѣнахъ въ домашнихъ дѣлахъ и наконецъ собственные совѣты.

*) Рисованіи.

Просьбы дѣйствительно исполнялись, а также нерѣдко встрѣчали одобреніе и принимались къ свѣдѣнію и мнѣнія Гоголя, что, конечно, не могло его не радовать. Мысль юнаго поэта неизмѣнно стремится на родину, къ домашнему очагу, къ нѣжно-любимой матери и къ роднымъ. Онъ живетъ мечтами о свиданіи съ ними, находитъ въ этихъ мечтахъ отраду и освѣженіе отъ однообразной и непривлекательной нѣжинской жизни. Но всегда больше всего обращаетъ на себя вниманіе его искренное и горячее чувство любви къ матери. По словамъ его, мать для него всего священнѣе, ей онъ готовъ посвятить всю жизнь. Для нея онъ составилъ идеалъ спокойной жизни въ семьѣ, въ кругу близкихъ родныхъ, жизнь въ полномъ довольствѣ, хотя и дѣятельную и не лишенную заботъ, но по крайней мѣрѣ свободную отъ заботъ обременительныхъ и нарушающихъ нравственное спокойствіе. Все, касающееся матери, его живо интересуетъ; онъ желалъ бы чаще видѣть ее, говорить съ ней, повѣрять ей свои мысли и планы. Его тяготитъ и терзаетъ мысль о необходимости еще долго обращаться къ матери съ просьбами о матеріальной поддержкѣ, которая стоила ей тяжкихъ заботъ и лишеній. Онъ впадаетъ въ мучительное и безвыходное противорѣчіе съ самимъ собой, будучи неизбѣжно вынуждаемъ причинять ей все новыя тревоги, тогда какъ ему всего болѣе хотѣлось бы снять съ нея бремя заботъ. Наконецъ ему также приходилось нерѣдко быть невольнымъ виновникомъ многихъ другихъ ея безпокойствъ, которыхъ она не могла отъ него скрыть. Въ концѣ своей школьной жизни Гоголю пришлось позаботиться о пополненіи пробѣловъ и всего за полгода до окончанія курса онъ начинаетъ подумывать, какъ говорится, о «сведеніи концовъ съ концами», передъ самымъ выпускнымъ экзаменомъ. Тутъ-то вырвались у него слова, что онъ занимался неусердно и что теперь старается вознаградить упущенное, надѣясь въ полгода сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлалъ во все прежнее время ученія. Мать, какъ видно, отнеслась къ такому заявленію далеко не съ той степенью снисходительности и благодушія, какой ожидалъ Гоголь, и выразила даже сожалѣніе, что въ самомъ началѣ ученія никому его

не поручила. Широкіе замыслы сына *), въ которые она могла быть посвящена только отчасти, должны были казаться ей тѣмъ болѣе сомнительными, что она наталкивалась на поразительныя противорѣчія между словомъ и дѣломъ, между этими замыслами и роскошными обѣщаніями относительно будущаго и неутѣшительными свѣдѣніями о настоящемъ. Онъ говоритъ о своемъ трудолюбіи и надеждѣ при помощи желѣзнаго терпѣнія и усиленной энергіи пополнить накопившіеся за время ученія пробѣлы, съ радостью сообщаетъ уже и объ успѣхѣ, говоря, что онъ надѣется имъ «положить начало великаго предначертаннаго зданія», а матери, мало придававшей значенія неубѣдительнымъ для нея обѣщаніямъ, изъ всего этого очевидно лишь то, что школьное время слишкомъ дурно употреблено Гоголемъ, такъ что почти наканунѣ отчета ему приходится наскоро наверстывать упущенное. Полученный Гоголемъ отвѣтъ сильно задѣлъ за живое его самолюбіе и слѣдующее письмо его уже носитъ на себѣ отпечатокъ нѣкотораго затаеннаго недовольства, хотя онъ не позволяетъ себѣ выказать ни малѣйшей тѣни обидчивости. Въ эту пору образованія характера Гоголя мать его вообще нерѣдко высказывала свои взгляды и давала совѣты и наставленія **). Она убѣждала его быть бережливымъ въ образѣ жизни, называла его опрометчивымъ и мечтателемъ, предостерегала отъ увлеченій и даже пороковъ, при чемъ многія изъ этихъ наставленій могли быть вызваны упомянутымъ письмомъ передъ окончаніемъ курса. Оправдываясь и отвѣчая на упреки, Гоголь утверждалъ напротивъ, что онъ больше испытывалъ горя и нужды, нежели думала мать, что онъ даже нарочно будто бы показывалъ разсѣянность и своенравіе, когда бывалъ дома,

*) О нихъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

**) Впослѣдствіи, когда Гоголь жилъ уже въ Петербургѣ и находился на службѣ, мать его писала о немъ П. П. Косяровскому, что пишетъ ему „въ каждомъ письмѣ по нѣскольку строкъ морали“. „Николенькѣ надобно послать, сколько смогу: онъ еще не опредѣлился о сю пору. Я часто получаю отъ него письма и ему пишу по нѣскольку листовъ морали“.

чтобы думали, что онъ мало обтерся, мало былъ прижимаемъ зломъ *).

Таковы были отношенія Гоголя къ матери.

Отношенія Гоголя къ другимъ родственникамъ представляются по письмамъ также самыми теплыми, истинно дружескими. Къ нимъ Гоголь питалъ всегда искреннее расположеніе, о чемъ онъ говоритъ между прочимъ въ одномъ изъ писемъ къ матери въ отвѣтъ на неизвѣстно чѣмъ вызванные упреки въ холодности къ нимъ: «Я всегда любилъ родственниковъ и не чуждался ихъ, къ какому бы званію они ни принадлежали. Быть можетъ, неумышленное вы приняли за дѣйствительное». Догадка Гоголя оказалась не лишенною основанія: мать пеняла ему за то, что, заспѣшивъ и засуетясь, онъ позабылъ проститься съ родными по отъѣздѣ, о чемъ Гоголь выражаетъ потомъ искреннее сожалѣніе. «Мнѣ почувствовалось, будто я выѣхалъ изъ дому, что-то позабывши, да и впрямь я даже не простился ни съ кѣмъ». Гоголь по забывчивости вообще не соблюдалъ иногда нѣкоторыхъ внѣшнихъ формальностей прощанія. Въ другой разъ онъ пишетъ П. П. Косяровскому: «Ахъ, виноватъ, безцѣнный Павелъ Петровичъ! и забылъ передъ выѣздомъ проститься съ вами; впрочемъ не въ пустомъ обрядѣ заключается сила, и вы, я думаю, увѣрены, что мы другъ друга не забудемъ никогда».

Страшный ударъ, внезапно разразившійся надъ Гоголемъ, заставилъ его, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сильнѣе почувствовать связь со всей остальной семьей. Тотчасъ же послѣ смерти отца онъ начинаетъ принимать самое горячее, самое живое участіе въ судьбѣ сестеръ, разспрашиваетъ о нихъ, желаетъ ихъ скорѣе видѣть. Особеннымъ его расположеніемъ пользовались замужняя сестра, Марья Васильевна, и любимица Анна, а также вся семья Косяровскихъ **).

*) Замѣчательно, что при этомъ Гоголь сознается въ скрытности, въ привычкѣ прикрывать личиной безпечности и показной веселости настоящія свои чувства.

**) Родное село, имѣніе и все относящееся къ нему, семейныя и домашнія дѣла, также были всегда предметомъ особеннаго участія и нѣж-

Сильнымъ и искреннимъ чувствомъ проникнуты особенно письма Гоголя къ Петру Петровичу Косяровскому, котораго онъ цѣнилъ весьма высоко.

Какъ жалуется онъ на то, что дяди его пріѣзжаютъ въ его отсутствіе, и, немного прогостивши, уѣзжаютъ опять раньше его пріѣзда. Онъ часто освѣдомляется въ письмахъ объ ихъ пріѣздѣ; онъ желаетъ знать, долго ли они прогостили въ Васильевкѣ, какъ имъ понравилось новое мѣсто для житья и проч. Время наиболѣе интимнаго сближенія съ обоими дядями относится къ 1828 и 1829 годамъ. Возвращаясь по обыкновенію на вакаціонное время въ Васильевку, Гоголь два лѣта сряду заставалъ въ ней,—(очутившись снова въ кругу близкихъ родныхъ послѣ годового томленія въ Нѣжинѣ),—обоихъ любимыхъ дядей, свиданія съ которыми онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, соединеннымъ съ боязнью, чтобы оно не осуществилось вслѣдствіе возможности скораго ихъ отъѣзда изъ Васильевки. Въ ихъ обществѣ Гоголь проводилъ почти все время совмѣстной жизни и въ короткое время настолько къ нимъ успѣвалъ привязываться, что по возвращеніи въ Нѣжинъ долго вспоминалъ о времени, проведенномъ съ ними, чѣмъ разгонялъ на нѣкоторое время тоску, наводимую однообразіемъ и непривѣтливой жизнью въ стѣнахъ давно наскучившаго заведенія. Одна мысль о дорогихъ родственникахъ способна была, по словамъ Гоголя, развлечь и развеселить его. Вообще короткое пребываніе въ Васильевкѣ и все остальное время, проводимое въ нелюбимомъ Нѣжинѣ, представляли двѣ рѣзкія противоположности. Трудно вполнѣ возстановить по письмамъ картину веселаго задушевнаго времяпровожденія Гоголя въ своей семьѣ въ Васильевкѣ, но въ общихъ чертахъ характеръ его обрисовывается довольно живо. Съ внѣшней стороны оно представляется намъ задушевнымъ общеніемъ людей, связанныхъ взаимною искреннею привязанностью, проводящихъ время большею частью въ тѣсномъ кругу семьи,

ной заботливости Гоголя. „Уже вижу все милое сердцу, вижу милую родину, вижу тихій Пселъ, мерцающій сквозь легкое покрывало“.

въ мирномъ деревенскомъ уголкѣ, отдыхающихъ и наслаждающихся привольною жизнью въ дорогомъ по воспоминаніямъ дѣтства и всѣмъ завѣтнымъ симпатіямъ, благословенномъ краѣ Малороссіи. Прогулки цѣлымъ обществомъ по полямъ и окрестностямъ Васильевки до утомленія, вознаграждаемаго потомъ вечернимъ чаемъ въ пріятной бесѣдѣ за истребленіемъ множества арбузовъ и дынь, веселыя поѣздки на ярмарку въ село Ярески, дружныя работы въ саду, не всегда пріятное и отчасти стѣснительное житье по временамъ въ Кибинцахъ у Трощинскаго и привольное наслажденіе жизнью дома, самыя отправленія вмѣстѣ на ночлегъ «въ верхнее обиталище»,—однимъ словомъ, все до малѣйшихъ подробностей, касавшихся домашнихъ и даже дворовыхъ людей, какое-нибудь извѣстіе объ общихъ знакомыхъ, предметъ обычныхъ шутокъ и разговоровъ,—рѣшительно все, что могло напоминать любимыхъ родственниковъ и счастливое время жизни въ Васильевкѣ, было дорого сердцу юнаго нѣжинскаго школьника. Веселый и искренній тонъ писемъ убѣдительно свидѣтельствуетъ о томъ свѣтломъ, отрадномъ настроеніи, которое вызывалось въ Гоголѣ возможностью обмѣна мыслей съ дядями въ перепискѣ.

Мы разсмотрѣли письма Гоголя къ матери по содержанію; сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣтокъ объ ихъ слогѣ.

Внимательное изученіе писемъ наводитъ на мысль о томъ, что въ періодъ формированія слога Гоголь не мало заботился уже объ украшеніи рѣчи, и, что всего важнѣе, заботы эти были, повидимому, результатомъ не только желанія усвоить себѣ пріемы рѣчи образованнаго человѣка, но даже до нѣкоторой степени щегольнуть краснорѣчіемъ, для чего онъ добивался уже извѣстнаго литературнаго навыка. Послѣднее обнаруживается нерѣдко въ искусственномъ построеніи цѣлыхъ періодовъ, въ употребленіи нѣкоторыхъ реторическихъ фигуръ, напр. часто встрѣчающейся въ его дѣтскихъ письмахъ фигуры единоначалія, въ употребленіи цвѣтистыхъ и изысканныхъ фразъ съ явнымъ притязаніемъ на эффектъ, на кра-

соту выраженія. Еще въ первые годы переписки, при отсутствіи выработаннаго упражненіемъ навыка излагать на письмѣ свои мысли, рядомъ съ какимъ-нибудь выраженіемъ, совершенно дѣтскимъ по построенію фразы и по самой мысли, у Гоголя неожиданно является изящный оборотъ рѣчи, образное выраженіе и проч. Все это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о заботѣ автора относительно рѣчи и наглядно знакомитъ съ постепеннымъ формированіемъ слога нашего писателя.

Очень можетъ быть, что наставленія и примѣръ другихъ лицъ и особенно авторитетное вліяніе журнальной литературы, съ которой, какъ видно изъ писемъ, рано началъ знакомиться Гоголь, наконецъ —школы могли отразиться на сложившихся у него пріемахъ рѣчи. Нѣкоторая наклонность къ реторикѣ могла быть первоначально естественнымъ слѣдствіемъ справедливаго, но неправильно понимаемаго убѣжденія въ необходимости соблюденія приличнаго содержанію тона рѣчи, когда случалось говорить о чемъ-нибудь важномъ или возвышенномъ, вообще о предметахъ, выходившихъ изъ круга обыкновенныхъ *).

Нельзя отрицать, что при всей искренности сыновняго чувства у Гоголя въ выраженіи его въ дѣтскихъ письмахъ иногда замѣчается примѣсь реторики, особенно яркой своей противоположностью съ простымъ и естественнымъ тономъ остального изложенія. Самая форма обращеній къ обоимъ родителямъ въ началѣ первыхъ писемъ, обыкновенно заученная, однообразно-почтительная, повидимому, представляетъ результатъ указаній и примѣра старшихъ. Интересно срав-

*) Мы знаемъ изъ воспоминаній товарищей Гоголя о томъ, что онъ и и сотрудники его по изданію въ школѣ рукописнаго журнала бились изо всѣхъ силъ, чтобы писать высокимъ слогомъ („Библіогр. Зап.“ 1859, стр. 492). Профессоръ Никольскій, преподававшій русскую словесность, при своихъ воззрѣніяхъ на предметъ могъ только поощрять и поддерживать съ своей стороны это стремленіе. Самъ онъ писалъ донесенія въ конференцію по всѣмъ правиламъ реторики и, какъ преподаватель, по свидѣтельству своего собрата Кульжинскаго, за хлопотами жизни отсталъ отъ современнаго состоянія литературы и остановился на Херасковѣ и Державинѣ.

нить поздравительное письмо къ матери отъ 1 октября 1824 г., ко дню ея ангела, съ написаннымъ тогда же письмомъ къ отцу: въ противоположность совершенной простотѣ послѣдняго мы замѣчаемъ въ первомъ изысканность конструкціи и отдѣльныхъ выраженій, множество сравненій, предложенія съ фигурой единоначалія и пр. Причина ясная: письмо къ отцу было обыкновенное, будничное, а къ матери, по причинѣ ея именинъ, торжественное, праздничное.

Извѣстно, что нѣкоторыя письма Гоголя къ матери, особенно первое письмо послѣ полученія имъ извѣстія о смерти отца, многіе находили исполненными реторики. Но такъ какъ нѣтъ никакого основанія предполагать недостатокъ сыновней любви Гоголя и напротивъ есть много данныхъ и свидѣтельствъ, подтверждающихъ ее, то самое естественное и правдоподобное объясненіе замѣченнаго факта, по нашему мнѣнію, должно быть такое: резонерство и реторика, обнаружившіяся еще въ дѣтской перепискѣ Гоголя и потомъ проявлявшіяся изрѣдка въ письмахъ (въ разсужденіяхъ о многихъ отвлеченныхъ и особенно религіозныхъ и другихъ важныхъ вопросахъ), наконецъ дошедшія до поразительныхъ размѣровъ въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями», были отчасти не чужды его натурѣ, и отчасти еще очень рано усвоены Гоголемъ извнѣ, но до поры до времени сдерживались и подавлялись могучимъ талантомъ и живою юношескою впечатлительностью, пока съ наступленіемъ возраста менѣе пылкаго и легче поддающагося сухой разсудочности, въ свою очередь, не заглушили его *).

---

*) Нельзя не пожалѣть о томъ, что не сохранилось почти никакихъ, даже скудныхъ свѣдѣній о первыхъ, еще дѣтскихъ литературныхъ опытахъ Гоголя. Мы знаемъ единственно, что онъ, подобно своимъ товарищамъ, сильно заботился о высокомъ слогѣ, но намъ слишкомъ мало извѣстно о сюжетахъ, которые онъ заимствовалъ для этихъ опытовъ, и наконецъ о томъ, кому и какъ именно онъ подражалъ. Первые опыты почти каждаго дѣятеля, получающаго впослѣдствіи громкую извѣстность на литературномъ поприщѣ, состоятъ обыкновенно въ подражаніи, и иногда довольно рабскомъ, произведеніямъ предшественниковъ. Есте-

III.

Школьная жизнь Гоголя. Страсть къ чтенію и къ театру. Отношенія къ товарищу Высоцкому. Недовольство жизнью въ Нѣжинѣ и окружающими. Мечты о Петербургѣ и жизни за-границей.

Съ мая 1821 г. по іюнь 1828 Гоголь былъ ученикомъ Гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. Къ сожалѣнію, школьная жизнь его почти совсѣмъ не отражается въ письмахъ къ родителямъ. Составить удовлетворительное представленіе о ней всего больше мѣшаетъ самый возрастъ автора, еще не привыкшаго давать себѣ отчетъ въ переживаемыхъ впечатлѣ-

---

ственно, что самая любовь къ поэзіи возгорается подъ обаятельнымъ дѣйствіемъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ чтенія въ годы отрочества или ранней юности, которыя глубоко западаютъ въ молодую душу, и, возбуждаемыя страстнымъ сочувствіемъ красотамъ любимыхъ художественныхъ произведеній, сопровождаются болѣе или менѣе восторженнымъ поклоненіемъ самимъ ихъ авторамъ. Большею частью проходитъ не мало времени, пока начинающему писателю послѣ не одной невѣрной попытки удается наконецъ найти истинный путь, опредѣливъ свое истинное призваніе. Въ отношеніи къ Гоголю у насъ остается нѣкоторый пробѣлъ между самыми первыми его художественными впечатлѣніями, вынесенными впрочемъ не изъ чтенія, а изъ разсказовъ отца и изъ представленій его комедіи, и между „Луизой“ Фосса, внушившей Гоголю замыселъ его идилліи: „Гансъ Кюхельгартенъ“, уже передъ выпускомъ его изъ школы. Единственное мѣсто въ сочиненіяхъ Гоголя, дающее намъ возможность составить нѣкоторое представленіе о его школьныхъ опытахъ на основаніи его собственныхъ словъ, а не на сомнительныхъ и во всякомъ случаѣ недостаточно точныхъ воспоминаніяхъ товарищей, находится въ „Авторской Исповѣди“: „Первые мои опыты“, — говорилъ онъ тамъ—„первыя упражненія въ сочиненіяхъ, къ которымъ я получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ“. Этимъ признаніемъ, между прочимъ, рѣшительно опровергается неосновательное утвержденіе г. Пащенка, гимназическаго товарища Гоголя, относившаго къ нѣжинскому періоду первые замыслы „Вечеровъ на Хуторѣ“, а равно предположеніе другаго товарища его, Прокоповича, что „Гансъ Кюхельгартенъ“ принадлежитъ будто бы времени переѣзда автора въ Петербургъ.

ніяхъ и не чувствовавшаго потребности въ письменной бесѣдѣ, хотя бы съ самыми близкими людьми, о вопросахъ, не имѣвшихъ непосредственнаго отношенія къ практическимъ нуждамъ. Не усердно занимаясь преподаваемыми предметами, находясь на счету ученика лѣниваго и посредственнаго по успѣхамъ, дерзкаго и «неряшливаго» по поведенію, Гоголь не любилъ воспитавшую его школу *) и, мало ею интересуясь, не находилъ удовольствія и говорить о ней. Только въ послѣдніе годы жизни въ Нѣжинѣ, когда онъ уже значительно развился и созрѣлъ, мы находимъ въ письмахъ попытки подвести итоги вынесенному изъ школы, но и эти, крайне враждебные, отзывы были сдѣланы мимоходомъ, подъ вліяніемъ раздраженія, и вызывались необходимостью отвѣчать на упреки матери за потерянные годы. Къ тому же они не даютъ ни малѣйшаго представленія о разнородныхъ впечатлѣніяхъ, пережитыхъ имъ въ стѣнахъ заведенія за все школьное время. Исключеніе представляютъ только немногія строки, касающіяся ученическаго театра; кое-что мы узнаемъ также изъ двухъ писемъ къ Высоцкому.

Такимъ образомъ кромѣ писемъ къ матери при изученіи школьнаго періода жизни Гоголя мы должны обратиться къ другимъ источникамъ, напр. отзывамъ о Гоголѣ-отрокѣ его школьныхъ товарищей и наставниковъ и нѣкоторымъ оффиціальнымъ даннымъ.

Въ ряду источниковъ подобнаго рода первымъ по времени документомъ является прошеніе отца Гоголя о принятіи сына въ число воспитанниковъ Нѣжинской гимназіи въ письмѣ, адресованномъ къ директору Кукольнику (отцу извѣстнаго писателя). Письмо это не достигло цѣли: оно было получено уже по смерти Кукольника и отцу Гоголя пришлось вторично обратиться къ начальству гимназіи съ тою же просьбой, на которую уже послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ. Гоголь

*) Уже гораздо позднѣе отношенія Гоголя въ Лицею измѣнились; такъ Гоголь былъ сильно огорченъ и встревоженъ однажды несправедливыми слухами о пожарѣ въ нѣжинскомъ Лицеѣ (письмо къ Н. А. Бѣлозерскому, соч. Гог., Изд. Кулиша V т. стр. 251).

былъ помѣщенъ въ число своекоштныхъ пансіонеровъ, а черезъ годъ устроенъ на казенный счетъ, такъ какъ родители были не въ силахъ платить ежегодно тысячу рублей за его образованіе. Поступленіе его въ самомъ концѣ учебнаго года не должно насъ удивлять, если мы вспомнимъ, что Нѣжинская гимназія въ то время только начала свое существованіе и еще не получила правильной организаціи. Созданная наскоро и открытая лишь за полгода до поступленія Гоголя, она нуждалась даже въ учебномъ персоналѣ и была не богата воспитанниками; ей предстояло еще устройство почти всѣхъ частей школьнаго обихода *). Въ это-то время черниговскій губернскій прокуроръ Бажановъ, въ качествѣ хорошаго знакомаго, увѣдомилъ отца Гоголя объ открытіи въ Нѣжинѣ гимназіи и совѣтовалъ ему отдать сына въ находящійся при ней пансіонъ. Подготовка Гоголя оказалась крайне не блестящая: на пріемномъ испытаніи онъ обнаружилъ удовлетворительныя познанія единственно въ Законѣ Божіемъ. Поступленіе его при такихъ условіяхъ объясняется, конечно, только исключительнымъ положеніемъ только-что возникавшаго учебнаго заведенія, хотя Гоголь и попалъ даже въ среднее отдѣленіе изъ трехъ, на которыя были раздѣлены по познаніямъ вновь поступившіе воспитанники.

Уже тотчасъ по вступленіи въ школу Гоголь могъ чувствовать себя въ ней не совсѣмъ одинокимъ: въ числѣ товарищей онъ встрѣтилъ дѣтей короткихъ знакомыхъ отца, вслѣдствіи своихъ постоянныхъ спутниковъ въ поѣздахъ домой на каникулы. (Это были Барановъ и А. С. Данилевскій, оставшійся другомъ Гоголя въ продолженіе всей жизни). Сверхъ того при мальчикѣ находился еще дядька, котораго отецъ Гоголя получилъ позволеніе держать при пансіонѣ въ качествѣ служителя безплатно **). Постоянная близость любимаго и преданнаго дядьки была большимъ утѣшеніемъ для

---

*) Даже къ концу года въ ней было всего 52 ученика, которые всѣ учились въ одномъ классѣ.

**) Это былъ Симонъ, о которомъ Гоголь упоминаетъ въ одномъ изъ первыхъ нѣжинскихъ писемъ.

ребенка въ разлукѣ его съ родителями, особенно на первое время *). Заботливые родители, безкорыстно предлагая услуги своего дворовaго человѣка, должны были имѣть въ виду именно этотъ уходъ за сыномъ и возможное облегченіе для ребенка времени первоначальнаго ознакомленія и постепеннаго освоенія съ неизвѣстнымъ ему школьнымъ міромъ **).

Вскорѣ въ числѣ воспитателей Гоголя нашлись также люди, расположенные къ нему и отчасти бывшіе въ короткихъ отношеніяхъ съ его родителями. Самъ глава заведенія, Иванъ Семеновичъ Орлай, познакомился и сошелся съ семействомъ отца Гоголя въ Кибинцахъ у Трощинскаго, еще до назначенія своего въ Нѣжинъ. Степень близости отношеній Орлая къ Гоголю можетъ быть опредѣлена по характеру упоминаній о немъ въ письмахъ, (изъ которыхъ ясно, что онъ считался хорошимъ знакомымъ дома), и, главнымъ образомъ, по той заботливости и особенному участію, которое онъ принималъ въ частныхъ дѣлахъ своего питомца, приказывая ему чаще писать къ матери и проч.***).

Изъ другихъ наставниковъ Гоголя съ его родителями уже во время пребыванія его въ школѣ познакомился профессоръ физики и химіи Шапалинскій, для котораго Гоголь просилъ однажды выслать болѣе помѣстительный экипажъ, нежели обыкновенно, такъ какъ въ немъ нужно было помѣстить кромѣ обычныхъ спутниковъ товарищей еще упомянутаго профессора.

Такова была внѣшняя обстановка Гоголя въ заведеніи.

Обычное однообразіе школьной жизни прерывалось только театромъ въ стѣнахъ заведенія, и поѣздками домой на каникулы.

---

*) „Не забудьте добраго моего Симона, который такъ старается обо мнѣ, что не прошло ни одной почи, чтобы онъ не увѣщевалъ не плакать о васъ, дражайшіе родители, и непросиживалъ цѣлой почи надо мной". (Соч. Гоголя, V т., стр. 5).

**) Въ случаяхъ денежныхъ затрудненій тотъ же Симонъ является откупомъ Гоголя уже года три спустя. V т., стр. 25.

***) Изъ переписки видно, что въ случаѣ нужды въ деньгахъ Гоголь могъ свободно обращаться также къ нему. См. Соч. Гог., изд. Кул., V т., стр. 10, если только тамъ идетъ дѣло не объ Иванѣ Семеновичѣ Данилевскомъ, о которомъ впрочемъ въ это время не упоминается нигдѣ въ письмахъ.

Заботы Гоголя о гимназическомъ театрѣ и постановкѣ на сцену новыхъ пьесъ начались уже на второй годъ пребыванія его въ Нѣжинѣ *). Ему, безспорно, принадлежала иниціатива дѣла, съ которымъ изъ его товарищей врядъ ли кто и былъ знакомъ. Театръ, какъ видно, поглощалъ все вниманіе Гоголя: онъ заботится о немъ и съ радостью сообщаетъ объ удачахъ, при чемъ сила увлеченія видна уже изъ умѣнія организовать дѣло и изъ самой инициативы въ такомъ раннемъ возрастѣ. И дома Гоголь также хочетъ непремѣнно играть. «Сдѣлайте милость, объявите мнѣ, поѣду ли я домой на Рождество; то, по вашему обѣщанію, прошу мнѣ прислать роль. Будьте увѣрены, что я хорошо ее сыграю». Одинъ изъ школьныхъ товарищей Гоголя, г. Пашковъ, въ своихъ воспоминаніяхъ («Гоголь въ Нѣжинѣ», «Берегъ», 1880 г., № 268, дек. 18) свидѣтельствуетъ, что любовью къ театру и ко всему изящному Гоголь отличался въ школѣ и выдавался въ этомъ отношеніи между товарищами. Очевидно, что это была страсть, а не мгновенная вспышка обыкновеннаго ребенка **).

*) Театръ возникъ собственно только въ началѣ 1827 г. (См. „Извѣстія Историко-Филолог. Инст. въ Нѣжинѣ“, 1872, неоффиціальный отдѣлъ, стр. 152), но ученическія представленія существовали и раньше (см. Соч. Гог., V т., стр. 14).

**) Законность и польза существованія театра признавалась далеко не всѣми воспитателями или, вѣрнѣе, на этомъ вопросѣ всего ярче и съ наибольшимъ ожесточеніемъ отразились тѣ препирательства, которыми изобиловала въ то время жизнь нѣжинской педагогической корпораціи.

Интрига не замедлила примѣшаться и къ этому учрежденію, которое, казалось бы, должно было сблизить юношей и ихъ наставниковъ и при разумномъ руководствѣ оживить училищную жизнь. Вмѣсто того, ему суждено было внести разладъ и возбудить страсти самихъ учащихся и сдѣлать ихъ тоже причастными тому ожесточенію къ нѣкоторымъ изъ профессоровъ, которое сначала было, такъ сказать, домашнимъ дѣломъ послѣднихъ; а такъ какъ въ профессорскихъ интригахъ для учениковъ было мало назидательнаго, то понятно отсюда общее ослабленіе профессорскаго авторитета, доходившее иногда въ воспитанникахъ до презрѣнія къ нѣкимъ преподавателямъ, и усиленіе той распущенности, на которую они еще прежде жаловались въ своихъ донесеніяхъ конференціи. Въ числѣ недоброжелателей новой затѣи оказался прежде всего проф. Билевичъ, кото-

Но кромѣ страсти къ изящному и отчасти безсознательнаго накопленія матеріала для будущихъ произведеній изъ разсказовъ отца или дѣда и видѣнныхъ въ дѣтствѣ малороссійскихъ комедій, для будущей творческой дѣятельности Гоголя необходимъ былъ и иной запасъ, данный самой жизнью, и доставившій впослѣдствіи обильную пищу его фантазіи, уже получившей побужденіе работать въ извѣстномъ направленіи, и эту пищу онъ нашелъ, при необыкновенной врожденной наблюдательности, между прочимъ и въ путевыхъ впечатлѣніяхъ во время своихъ поѣздокъ въ Нѣжинъ и обратно въ

рый во избѣжаніе отвѣтственности за допущеніе имъ, какъ членомъ конференціи, учрежденія театра, счелъ нужнымъ довести о немъ до свѣдѣнія окружного и почетнаго попечителей съ запесеніемъ своего мнѣнія въ журналъ конференціи. Проф. словесности, Никольскій, вѣроятно обиженный тѣмъ, что театръ возникъ, если не безъ вѣдома его, то помимо его участія и руководства, въ особомъ рапортѣ, представленномъ въ конференцію, энергически настаивалъ, въ свою очередь, на разъясненіи вопроса о томъ, кѣмъ именно были разрѣшены театральныя зрѣлища и кто, слѣдовательно, долженъ за нихъ отвѣчать, также происходилъ-ли выборъ піесъ для представленій, и если происходилъ, то подъ чьимъ именно контролемъ. „Ежели сіе кому-либо частно одному предоставлено, то для чего конференціи за извѣстіе о томъ знать не дано; если же выборъ пьесъ предоставленъ вообще всей конференціи, то для чего и кѣмъ, безъ вѣдома оной, назначаемы были театральныя піесы, кои уже шесть лѣтъ разыгрывались, какъ слышно, съ какими-то собственными, только неизвѣстно чьими дополненіями и прибавленіями". (Пустивъ въ ходъ такимъ образомъ какой-то, вѣроятно многимъ понятный тогда намекъ, авторъ рапорта притворяется не вѣдающимъ о томъ, что по настоянію кого-нибудь изъ начальства, по всей вѣроятности самого директора Орлая, ученикамъ указывались и рекомендовались для ихъ театральнаго репертуара піесы, написанныя на французскомъ языкѣ). Наконецъ онъ высказываетъ догадку свою о стремленіи начальства расположить публику къ гимназіи и привлечь ее къ помѣщенію дѣтей въ находящійся при гимназіи пансіонъ, какъ о главной причинѣ возникновенія и поощренія театральныхъ зрѣлищъ, и выражаетъ свое убѣжденіе о возможности выбора для этой почтенной цѣли другихъ болѣе благородныхъ и благовидныхъ мѣръ. Послѣдніе намеки особенно заставляютъ,—если не будетъ слишкомъ смѣло строить предположенія на недостаточно еще разъясненныхъ фактахъ,—заподозрѣть въ Никольскомъ стремленіе набросить тѣнь на начальство, допускавшее, по мнѣнію составителя доклада, излишнія поблажки своимъ

Васильевку *). Искреннія, въ высшей степени прочувствованныя воспоминанія Гоголя о дѣтствѣ въ началѣ VI главы «Мертвыхъ Душъ» и особенно о поѣздкахъ и о дорогѣ имѣютъ, несомнѣнно, весьма важное автобіографическое значеніе. Всего важнѣе въ этомъ смыслѣ слѣдующія слова его послѣ длиннаго перечисленія предметовъ и людей, привлекавшихъ его вниманіе: «Я уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ». Изъ нихъ мы можемъ убѣдиться, что зародыши его великаго искусства проникать въ тайны внутренняго міра человѣка, дающія ему право на названіе поэта-мыслителя, его глубокое сочувствіе людскимъ несчастіямъ и способность «смѣяться сквозь слезы» имѣли свое начало еще въ дѣтской воспріимчивости и наблюдательности и воспитали въ немъ гуманное отношеніе къ падшему и ничтожному человѣку. Если припомнимъ, что въ другомъ мѣстѣ того же произведенія онъ говоритъ о дорогѣ: «сколько родилось въ ней чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній», то мы должны будемъ признать, что по крайней мѣрѣ извѣстная доля этихъ впечатлѣній накопилась въ чуткомъ дѣтскомъ возрастѣ, и несомнѣнно тогда развилась воспріимчивость къ нимъ, а равно и страстное сочувствіе впечатлѣніямъ длинной дороги зародилось навѣрно еще очень рано**).

питомцамъ и оказывавшееся нерадивымъ или несостоятельнымъ въ надлежащемъ выполненіи прямыхъ своихъ обязанностей. Никольскій, подобно Билевичу, кончаетъ свой рапортъ также просьбой довести его соображенія до свѣдѣнія господъ попечителей. Конференція однако отклонила оба ходатайства и тѣмъ еще болѣе распалила злобу въ противникахъ театра, такъ что вскорѣ обострившееся раздраженіе двухъ партій повело за собой цѣлую исторію ссоръ, доносовъ и препирательствъ, кончившихся трагически для иныхъ преподавателей, и что всего прискорбнѣе, вовлекшую въ принадлежность къ одной, хотя и лучшей (инспекторской) партіи противъ нѣкоторыхъ, хотя и менѣе достойныхъ профессоровъ, вооружавшихся противъ театра,—многихъ старшихъ воспитанниковъ, и прежде всего, конечно, такихъ горячихъ сторонниковъ театра, какимъ былъ Гоголь.

*) Также по порученію матери въ Кременчугъ и Полтаву; см. выше.

**) Въ письмѣ къ С. Т. Аксакову (V т. стр. 438) Гоголь также съ увлеченіемъ говоритъ о благотворномъ вліяніи на него дороги уже въ

Важнымъ дополненіемъ въ перепискѣ Гоголя съ матерью при изученіи школьнаго періода слѣдуетъ считать еще два письма къ Высоцкому. Изъ переписки съ матерью мы знакомимся преимущественно съ отношеніями Гоголя къ семейной жизни и ея интересамъ, но Гоголь могъ даже избѣгать бесѣды о нѣкоторыхъ сторонахъ школьнаго быта. Однимъ изъ стѣснительныхъ и щекотливыхъ пунктовъ было враждебное его отношеніе къ школѣ, въ которомъ ему сочувствовалъ товарищъ, но которое вовсе не расположена была раздѣлять мать. Сверхъ того, ее не могъ не коробить и рѣзкій критическій взглядъ сына на окружающихъ, къ которымъ принадлежали между прочимъ люди почтенные и уважаемые.

Сближеніе Гоголя съ Высоцкимъ имѣло, несомнѣнно, нѣкоторое вліяніе на образованіе его нравственной личности: оно въ значительной степени опредѣлило характеръ его отношеній къ окружающимъ, сообщило извѣстный взглядъ на самого себя и на свои силы, наконецъ на задачи будущей своей дѣятельности. Выборъ друга, если вѣрить словамъ Гоголя, былъ не случайный: нравственная связь въ данномъ случаѣ основывалась на сходствѣ взглядовъ и отношеній къ окружающему міру. Такъ какъ мы знаемъ изъ собственнаго признанія Гоголя и отзывовъ его друзей о ничтожныхъ результатахъ, вынесенныхъ имъ изъ школы, то, очевидно, слѣдуетъ допустить важность для его развитія бесѣдъ съ немногими избранными сверстниками, посвященными въ тайны его интимнаго міра. Подъ вліяніемъ Высоцкаго зародились у Гоголя самонадѣянныя мечты о будущемъ и рѣзкое осужденіе настоящаго. Письма къ Высоцкому многое объясняютъ въ развитіи Гоголя: изъ нихъ мы узнаемъ, съ какихъ поръ у него возникло недовольство нѣжинской жизнью и какъ именно могло постепенно совершиться превращеніе его изъ безпечнаго ребенка, занятаго сперва успѣхами въ рисованіи и картинками собственнаго произведенія, и позднѣе поглощеннаго театромъ и чте-

---

зрѣлыхъ годахъ: „Дорога, дорога! Я смѣло надѣюсь на дорогу она теперь будетъ для меня вдвойнѣ прекрасна“. Сравни въ VI т. стр. 247: „Дорога всегда мнѣ помогала“.

ніемъ въ молодого человѣка съ широкими замыслами и явными наклонностями къ критикѣ наблюдаемыхъ явленій.

Мы указали выше общее содержаніе писемъ Гоголя къ матери до обычнаго перерыва, наступившаго по случаю отъѣзда автора въ началѣ лѣтнихъ вакацій. Мы говорили о нетерпѣливомъ и страстномъ ожиданіи имъ писемъ изъ дому въ годъ кончины его отца. Но характеръ и степень оживленности переписки замѣтно измѣняется по возвращеніи Гоголя изъ дому въ школу осенью: насколько прежде живо и настоятельно ощущалась потребность въ обмѣнѣ мыслей и чувствъ, настолько теперь, напротивъ, съ обѣихъ сторонъ переписка становится на нѣкоторое время вялой и обыденной. Если прежде Гоголь скучалъ и томился, не получая долго извѣстій о матери, если онъ такъ живо интересовался тогда всѣмъ, что происходило дома: то теперь онъ живетъ, повидимому, замкнутой жизнью, мысль его работаетъ много, но надъ такими вопросами и предметами, о которыхъ онъ не имѣлъ обыкновенія или не находилъ удобнымъ бесѣдовать въ письмахъ. Причину указаннаго факта слѣдуетъ видѣть, конечно, не въ перемѣнѣ отношеній къ матери. Гоголь попрежнему хочетъ видѣть ее, чтобы имѣть возможность лично высказать ей многое, и еще въ началѣ октября заводитъ рѣчь о предстоящемъ свиданіи на Рождествѣ. Мы видимъ напротивъ, что отношенія Гоголя къ воспитавшему его заведенію существенно измѣнились: однажды пробудившаяся въ немъ дѣятельность мысли создала теперь потребность относиться критически ко всему окружающему, стать въ сознательныя отношенія къ внѣшнему міру, не замедлила оказать свое вліяніе на весь духовный складъ даровитаго юноши. Мы находимъ вскорѣ явные слѣды внутренней работы мысли и, какъ результатъ ея, признаки слагавшагося міросозерцанія, показывающіе, что Гоголь успѣлъ уже переступить за предѣлы отрочества. Работа мысли имѣла у него въ это время преимущественно отрицательный характеръ и побудила его жадно искать чего-то лучшаго, стремиться къ перемѣнѣ условій и обстановки.

Чѣмъ шире и возвышеннѣе были замыслы Гоголя, тѣмъ па

большее число лицъ распространялось его критическое отношеніе. Случалось даже, что искреннее и глубокое уваженіе Гоголя-ребенка замѣнялось насмѣшками и презрѣніемъ Гоголя-юноши. Въ большинствѣ лицъ, съ которыми приходилось сталкиваться Гоголю въ Нѣжинѣ, онъ начиналъ видѣть людей ничтожныхъ, ограниченныхъ, мѣтко названныхъ въ письмѣ къ Высоцкому, «существователями»: очевидно, зоркій глазъ подростка научился уже замѣчать въ старшихъ многое, чего не замѣчали сверстники. О самомъ Нѣжинѣ Гоголь отзывается большею частью холодно: «я осиротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ пустомъ Нѣжинѣ», пишетъ онъ: «я иностранецъ, забредшій на чужбину искать того, что находится только въ одной родинѣ» и проч.

Мы не знаемъ, какія причины могли заставить Гоголя совершенно перемѣнить свое мнѣніе и характеръ отношеній къ Орлаю, о которомъ онъ прежде отзывался всегда дружелюбно; но перемѣна эта была такъ рѣзка, что издатель писемъ Гоголя рѣшился даже скрыть имя Орлая во многихъ мѣстахъ подъ условной французской литерой (SS). Въ первый разъ проявляется у Гоголя чувство досады на Орлая по поводу отсрочки экзамена. «У насъ, гдѣ ничего нѣтъ постояннаго, пишетъ онъ, вздумалось *господину директору* отложить экзаменъ и сегодня насъ объ этомъ увѣдомили.» По отъѣздѣ Орлая директоромъ въ Одессу въ Ришельевскій музей Гоголь отзывается о немъ еще враждебнѣе: «Директоръ нашъ отправился въ Одессу! Теперь мы одни; однакожъ теперь все приняло другой порядокъ: пансіонъ сталъ улучшаться» и проч.

Интересна также перемѣна отношеній Гоголя къ Трощинскому. При первыхъ попыткахъ отнестись критически къ людямъ Гоголь долженъ былъ, конечно, составить какія-нибудь представленія положительнаго характера о немногихъ лицахъ, которыя были въ его глазахъ образцами. Къ такимъ людямъ, безъ сомнѣнія, онъ продолжалъ нѣкоторое время относить Трощинскаго, который представлялся ему человѣкомъ, принесшимъ въ болѣе или менѣе широкомъ смыслѣ пользу обществу, имѣвшимъ высокія и достойныя разумнаго существа стремленія и цѣли въ жизни. Недаромъ онъ называлъ его

не иначе, какъ благодѣтелемъ Малороссіи, раздѣляя такое мнѣніе съ цѣлымъ краемъ, гдѣ Трощинскаго единодушно признавали даровитымъ и полезнымъ государственнымъ человѣкомъ.

Для Гоголя дружескія отношенія Трощинскаго къ его семейству долго были предметомъ гордости. Но и въ примѣненіи къ этому, боготворимому прежде, человѣку едва ли не произошло въ немъ подобное же охлажденіе, какъ и къ Орлаю. Правда, перемѣна во взглядахъ на него не была такою рѣзкою и при бѣгломъ чтеніи переписки можетъ остаться незамѣченною, но она окажется ясною при сопоставленіи нѣсколькихъ отрывковъ изъ писемъ, раздѣленныхъ не особенно значительнымъ промежуткомъ времени. Какъ далеки въ письмахъ къ Косяровскимъ (см. V т. соч. Гог., изд. Кулиша и «Русскую Старину» 1876,1) подтруниванія и насмѣшливые отзывы надъ кибинскими обитателями и надъ самой жизнью въ Кибинцахъ отъ бывалаго восторженнаго преклоненія передъ Трощинскимъ, котораго еще годъ назадъ Гоголь называлъ заочно не иначе, какъ великимъ человѣкомъ и его превосходительствомъ. «Въ часы тоски и радости буду вспоминать то время,» пишетъ онъ Петру Петровичу Косяровскому, когда мы составляли дружное семейство и собирались къ домашнему незатѣйливому обѣду гораздо веселѣе и съ большимъ аппетитомъ, нежели въ Кибинцахъ къ тамошнему разноблюдному». Если это мѣсто можетъ показаться недостаточно подтверждающимъ нашу мысль, хотя въ тонѣ его уже проскользнула легкая насмѣшка, то еще замѣтнѣе проявляется она въ письмѣ слѣдующихъ строкахъ къ Павлу Петровичу Косяровскому: «Ну а тѣмъ (пропущено нѣсколько неудобныхъ для печати словъ) Кибинскимъ чего тамъ выть на насъ? вѣдь мы же сказали имъ, что скоро будемъ» и проч. и дальше: «располагаете ли быть въ Кибинцахъ, хотя, думаю, нескоро васъ туда залучатъ!» Интересъ къ Кибинцамъ еще сохранился (Гоголь неоднократно спрашиваетъ послѣ о томъ, что дѣлается въ Кибинцахъ), но куда дѣвалось прежнее безусловное благоговѣніе къ Дмитрію Прокофьевичу, выражавшееся прежде въ застѣнчивомъ желаніи «преподнести его превосходительству

не эфемерную мелочь, а сочиненіе, достойное просвѣщеннаго вниманія вельможи, благодѣтеля Малороссіи». Мы не знаемъ, что было причиной слегка непріязненной насмѣшливости къ кибинскимъ обитателямъ въ дядяхъ Гоголя, которые своимъ примѣромъ могли подавать поводъ къ подобнымъ же выходкамъ со стороны юнаго племянника; но для насъ важна уже самая возможность со стороны послѣдняго до нѣкоторой степени отрицательнаго отношенія къ лицу, возбуждавшему въ немъ прежде безграничное благоговѣніе. Послѣ перемѣны къ Орлаю и Трощинскому неудивительно, что большинство людей, съ которыми приходилось встрѣчаться Гоголю, не говоря уже о товарищахъ-ученикахъ, стали казаться ему достойными одного презрѣнія. Происходившая вслѣдствіе этого необщительность со многими и вызываемое ею недовольство были, вѣроятно, причиною нѣкоторыхъ невыгодныхъ и даже враждебныхъ отзывовъ о Гоголѣ наставниковъ и бывшихъ товарищей. Такъ г. Артыновъ утверждаетъ даже, что Гоголь казался въ школѣ просто посредственностью («Русск. Арх.», 1877, стр. 191). Очевидно, большинству товарищей задушевныя думы его оставались неизвѣстными (о наставникахъ здѣсь по различію возраста и многолюдства школы не можетъ быть и рѣчи), между тѣмъ какъ они были открыты лишь немногимъ избраннымъ. Наконецъ можно допустить и то, что развитіе Гоголя было позднее, хотя и быстрое *)...

Въ чемъ же заключались, однако, положительные идеалы Гоголя? чего онъ искалъ и къ чему стремился въ своемъ недовольствѣ окружающими людьми и настоящимъ положеніемъ? Мы узнаемъ изъ писемъ, что цѣлью его стремленій становится въ концѣ школьной жизни полезная общественная дѣятельность въ Петербургѣ. Едва ли можно сомнѣваться, что и эти стремленія въ столицу зародились у него подъ вліяніемъ того же Высоцкаго, какъ старшаго и уважаемаго

*) Въ самомъ дѣлѣ мы долго не находимъ въ отроческихъ письмахъ яркихъ проблесковъ геніальности Гоголя, которыя свидѣтельствовали бы о раннемъ развитіи его душевныхъ силъ, подобно тому, напр. какъ мы имѣемъ много данныхъ, чтобы убѣдиться въ замѣчательно раннемъ развитіи Лермонтова.

товарища, котораго сама жизнь должна была по его возрасту раньше натолкнуть на планы и предположенія о будущемъ. «Половина нашихъ думъ уже сбылась», пишетъ ему Гоголь въ Петербургъ: «ты уже на мѣстѣ, ты ужъ имѣешь сладкую увѣренность, что̀ существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ», читаемъ мы въ письмѣ отъ 17 января 1827 г. Такимъ образомъ чуть не одно появленіе въ Петербургѣ казалось Гоголю до нѣкоторой степени достиженіемъ цѣли: такъ много на него возлагалось надеждъ. Причину этого кромѣ безотчетнаго юношескаго увлеченія можно видѣть и въ привлекательности столицы для юнаго школьника, привыкшаго слышать о ней восторженные отзывы провинціаловъ. Напр. мать его «всегда интересовалась знать Петербургъ и *заочно* восхищалась имъ» *).

При извѣстномъ намъ настроеніи Гоголя переселеніе его друга въ столицу, въ Петербургъ, центръ умственной жизни Россіи, къ которому тогда были устремлены пламенные мечты и замыслы Гоголя, должно было, очевидно, дать новый толчокъ уже ясно обозначившемуся направленію его мыслей. Съ этихъ поръ Петербургъ надолго, до самаго времени непосредственнаго знакомства съ нимъ, становится для юноши обѣтованной землей, съ которой было связано осуществленіе его плановъ и надеждъ. Если Нѣжинъ казался ему мертвымъ и пустымъ, то Петербургъ привлекалъ не только блестящей карьерой и заманчивой будущностью, но и полной чашей наслажденій, приготовленныхъ для него, какъ онъ думалъ, судьбой: вмѣстѣ съ осуществленіемъ идеаловъ Петербургъ былъ долженъ, казалось юному мечтателю, дать также удовлетвореніе естественному влеченію юноши пользоваться молодостью. «Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ» и далѣе: «Какъ-то будете веселиться на масленицѣ? Ты мнѣ мало сказалъ про театръ, какъ онъ устроенъ, какъ отдѣланъ. Я думаю, ты дня не пропускаешь—всякій вечеръ

*) См. Соч. Гог., изд. Кул., V т., стр. 79.

тамъ. Чья музыка?..» Убѣжденіе въ несомнѣнности блаженства предстоящей петербургской жизни доходило у Гоголя до того, что, говоря объ отдаленности срока переѣзда въ столицу, онъ съ воплемъ восклицаетъ: «Зачѣмъ намъ такъ хочется увидѣть наше счастье? Зачѣмъ намъ такъ дано нетерпѣніе?» Мы не утверждаемъ однако, что Гоголь предавался исключительно радужнымъ мечтамъ, забывая объ ожидающихъ его заботахъ и возможныхъ неудачахъ, хотя и такое увлеченіе было бы слишкомъ естественно въ его годы, но нельзя не отмѣтить, что юношеская мысль его любила останавливаться преимущественно на свѣтлыхъ сторонахъ будущаго.

Съ другой стороны, въ то же самое время, когда мечты Гоголя съ надеждой останавливались на Петербургѣ, тѣ же смутные идеалы увлекали его въ другую сторону, заставляя по временамъ переносить энтузіазмъ на проэктируемую жизнь за-границей. Такая неустойчивость въ одномъ изъ существенныхъ пунктовъ составляемаго плана на будущее должна была отразиться на всемъ остальномъ. Уже по одному факту ея существованія можно смѣло утверждать, что, кромѣ одного, такъ сказать, общаго фона широкихъ замысловъ, для Гоголя еще ничего не опредѣлилось пока въ будущности, (а настоящаго своего призванія, по словамъ «Авторской Исповѣди», онъ и не подозрѣвалъ въ эти года). Такое колебаніе было весьма естественно при совершенномъ незнакомствѣ съ идеализируемымъ міромъ и съ предполагаемой ареной дѣятельности, и самымъ наглядным образомъ характеризуетъ какъ степень умственной зависимости Гоголя отъ Высоцкаго, такъ и совершенную еще незрѣлость обоихъ. «Куда ты, туда и я», говоритъ въ одномъ письмѣ Гоголь своему другу, дѣлавшему за него смѣлые планы и предположенія, въ то время, когда его руководитель, только-что водворившійся въ Петербургѣ, но уже начинавшій, повидимому, разочаровываться въ немъ, успѣлъ составить съ своими новыми, петербургскими, товарищами проэктъ заграничнаго путешествія, въ который не забылъ включить и своего нѣжинскаго пріятеля, будучи заранѣе увѣренъ въ возможности ввести его въ новый товарищескій кружокъ на правахъ самой тѣсной дружбы.

Въ этой заочной рекомендаціи, въ поспѣшной готовности обѣихъ сторонъ на основаніи увѣреній посредника взаимно сблизиться и заключить братскій союзъ, наконецъ въ быстро составленномъ широкомъ планѣ, по крайней мѣрѣ за два года до ближайшаго срока его исполненія, чрезвычайно много юношескаго, о чемъ всего краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ изумленіе самого Гоголя, конечно еще не успѣвшаго, подобно своему другу, охладѣть къ еще неизвѣстному Петербургу. «Ты уже успѣлъ за меня и слово дать о моемъ согласіи на ваше намѣреніе (ѣхать) за-границу. Смотри только впередъ не раскаяться! можетъ быть, мнѣ жизнь петербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь и вспомню поговорку: «не ищи того за моремъ, что сыщешь ближе». Какъ бы то ни было, съ этихъ поръ возникаютъ у Гоголя наравнѣ съ стремленіемъ въ Петербургъ такія же неопредѣленія порыванія за-границу, и мысль о чужихъ краяхъ все чаще представляется разгоряченному воображенію юноши по мѣрѣ приближенія его къ окончанію курса. Сначала, какъ мы видѣли, Гоголь встрѣтилъ далеко не съ безусловнымъ увлеченіемъ фантазію своего друга, такъ какъ Петербургъ еще сохранялъ для него весь свой престижъ и, вѣроятно, онъ тогда даже не противорѣчилъ другу лишь потому, что боялся его огорчить отказомъ, да и дѣло шло не о близкомъ будущемъ (во всякомъ случаѣ обаяніе первой мечты было еще во всей силѣ). «Такъ ужъ и быть», пишетъ Высоцкому Гоголь,—«ты далъ слово—нужно спустить твоей опрометчивости. Только когда еще это все будетъ! Еще годъ мнѣ нужно здѣсь, да годъ, думаю, въ Петербургѣ; но, вѣроятно, безъ тебя не останусь въ немъ» и проч. Впослѣдствіи, однако, Гоголь сталъ придавать этой мечтѣ большее значеніе. Въ письмѣ къ П. П. Косяровскому (отъ 3 октября 1827 г.), открывая дядѣ свои планы, онъ выражается такъ: «Къ тому времени, когда я возвращусь домой, можетъ быть, судьба загонитъ меня въ Петербургъ, откуда наврядъ ли залучу когда-либо въ Малороссію. Да, можетъ быть, цѣлый вѣкъ достанется жить въ Петербургѣ; по крайней мѣрѣ такую цѣль я начерталъ уже издавна». Но въ письмѣ къ нему же отъ 8

сент. 1828 г. онъ говоритъ между прочимъ: «можетъ быть, попаду въ чужіе края». Такимъ образомъ мечта, зародившаяся въ головѣ Высоцкаго, хотя и бывшая плодомъ мимолетнаго увлеченія, едва ли не послужила отдаленной причиной совершенной Гоголемъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ поѣздки за-границу. Заранѣе составленное представленіе Гоголя о Петербургѣ не измѣнилось и послѣ охлаждающаго письма Высоцкаго, который, видя преждевременное ослѣпленіе своего друга и, вѣроятно, уже убѣдившись въ неосновательности его увлеченія, не счелъ нужнымъ скрывать отъ Гоголя непривлекательныхъ сторонъ петербургской жизни. Онъ, вѣроятно, указалъ на нихъ со всею правдивостью, судя по впечатлѣнію, произведенному письмомъ на читавшихъ его товарищей Гоголя. Но Гоголя это письмо нисколько не поколебало: напротивъ онъ съ презрѣніемъ отзывается о напуганныхъ товарищахъ. Онъ снова пишетъ Высоцкому: «Люблю тебя еще болѣе, чѣмъ прежде, хотя ты ужаснулъ меня чудовищами всякихъ препятствій. Но они безсильны: или странное свойство человѣка!—чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ болѣе онъ летитъ туда. Вмѣсто того, чтобы остановить меня, они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе». Замѣчательно однако, что, какимъ эдемомъ ни представлялся Гоголю Петербургъ, перспектива разлуки съ Малороссіей ему казалась прискорбною, но въ то же время и необходимою вслѣдствіе отвращенія его къ безцѣльному, прозябательному существованію въ провинціи, и страха, что ему, доведется, быть можетъ, погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ. «Быть въ мірѣ», говоритъ онъ, «и не означить своего существованія—это для меня ужасно!» Вмѣстѣ съ этими пламенными мечтами принесенія всей жизни на пользу общества и родины, у Гоголя подъ вліяніемъ тѣхъ же благородныхъ побужденій и твердой увѣренности въ своихъ силахъ, возникаютъ заботы объ устройствѣ ближайшихъ родныхъ, является безкорыстное отреченіе въ ихъ пользу отъ собственныхъ правъ на наслѣдство. Подъ какими вліяніями могъ развиться такой благородный взглядъ на задачи своей жизни и что могло вызвать этотъ велико-

душный порывъ?—вотъ вопросъ, на который трудно дать иной отвѣтъ, кромѣ предположенія о высокомъ воспитательномъ значеніи семьи, глава которой была проникнута истиннымъ религіознымъ чувствомъ и готовностью самопожертвованія для блага близкихъ.

IV.

Окончаніе Гоголемъ курса въ Нѣжинѣ и переѣздъ его въ Петербургъ. Идиллія „Гансъ Кюхельгартенъ“.

Въ послѣдніе мѣсяцы 1827 года Гоголь дѣятельно принимается за приготовленія къ предстоящему выпускному экзамену, представлявшемуся ему въ то же время и бременемъ необходимаго, но тягостнаго, отчета за годы, проведенные въ школѣ, и послѣднимъ желаннымъ разсчетомъ съ школой, за стѣнами которой передъ нимъ открывалась заманчивая перспектива свободной и полезной жизни, безпрепятственнаго стремленія къ осуществленію давно лелѣемыхъ мечтаній и идеаловъ, возможности труда для пользы общей въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, какіе ему начертало пылкое юношеское воображеніе и высокое мнѣніе о своихъ силахъ. Теперь онъ долженъ на время подавить въ себѣ все, что привлекало его вниманіе, и, отложивъ мечты о будущемъ, углубиться въ запоздалыя занятія элементарными учебными курсами, и онъ работаетъ упорно, не позволяя себѣ ни отдыха, ни развлеченій. Конечно въ этой сосредоточенной по-неволѣ работѣ нельзя еще видѣть ничего выдающагося, но это была въ жизни юноши едва ли не первая напряженная дѣятельность, продолжавшаяся почти безъ перерывовъ цѣлые мѣсяцы, это была проба его силъ и энергіи.

Нѣжинскія письма Гоголя оканчиваются въ исходѣ мая 1828 года; послѣднее письмо помѣчено 30 числомъ этого мѣсяца. Въ коротенькой записочкѣ Гоголь вторично съ досадой извѣщаетъ объ отсрочкѣ экзамена, послѣ котораго онъ проситъ выслать за собой лошадей, назначая срокомъ для

ихъ прибытія 25 іюня, что совершенно совпадаетъ со свѣдѣніями о времени окончанія учебнаго года, заключающимися въ оффиціальныхъ документахъ Гимназіи высшихъ наукъ. Наступившій затѣмъ перерывъ въ перепискѣ Гоголя съ матерью продолжается болѣе полугода, до самаго отъѣзда его въ Петербургъ. Изъ двухъ-трехъ писемъ къ Петру Петровичу Косяровскому, единственныхъ, которыя относятся къ этому времени, мы узнаемъ, что, кромѣ приготовленія и сборовъ въ Петербургъ, мысли Гоголя были тогда также поглощены заботами объ обезпеченіи матери и объ устраненіи отъ нея, насколько возможно, тяжелаго гнета незавидной матеріальной обстановки и вѣчныхъ мелочныхъ невзгодъ, которыхъ, конечно, не мало выпадало на ея долю, при незначительныхъ средствахъ довольно многолюдной семьи. Тутъ, какъ и прежде, Гоголь является любящимъ и нѣжно-заботливымъ сыномъ, старающимся, чѣмъ возможно, облегчить положеніе матери и внутренно упрекающимъ себя за невольныя безпокойства, которыя ему нерѣдко приходилось причинять ей. Особенно интересно въ указанномъ отношеніи письмо отъ 8 сентября 1828 года, почти исключительно посвященное заботамъ о матери, такъ что даже предположенія юноши о собственномъ будущемъ отступаютъ здѣсь на второй планъ. Это письмо въ то же время можетъ дать намъ извѣстную основу для сужденія объ интересахъ, привлекавшихъ тогда его вниманіе, и служитъ для ближайшаго ознакомленія съ отношеніями его къ любимому дядѣ. Серьезный тонъ и содержаніе письма ясно заставляютъ насъ предполагать, что именно этого дядю уважалъ Гоголь больше другихъ, несомнѣнно любимыхъ имъ родственниковъ; именно этому дядѣ Гоголь иногда рѣшался повѣрять свои планы и мечты, именно съ нимъ онъ бесѣдовалъ о вещахъ, имѣвшихъ для него особенное значеніе. Неожиданно узнавъ о предположеніи Петра Петровича оставить Малороссію, племянникъ съ любовью упрекаетъ его за то, что тотъ имѣлъ намѣреніе покинуть родныхъ, которые его такъ любили, которыхъ онъ привязалъ къ себѣ, какъ будто только для того, чтобы потомъ разлука съ нимъ причинила послѣднимъ тяж-

кую печаль; умоляетъ его отмѣнить «грозное рѣшеніе» и пріѣхать опять въ Васильевку, чтобы по отъѣздѣ Гоголя въ Петербургъ быть матери его «ангеломъ-утѣшителемъ». Не для того только, чтобы высказаться подъ вліяніемъ потребности излить накипѣвшія чувства, не съ просьбой о совѣтѣ обращается къ дорогому дядѣ этотъ *скрытный* человѣкъ, *открывая* ему на этотъ разъ то, что было на душѣ: нѣтъ, онъ хочетъ напротивъ какъ бы выбрать дядю только сотрудникомъ въ исполненіи задуманнаго предположенія. Здѣсь уже сказывается извѣстная самостоятельность характера, привычка свободно, на собственный страхъ, распоряжаться своими дѣйствіями и даже привлекать старшихъ къ осуществленію своихъ плановъ; мы, очевидно, застаемъ Гоголя на той степени развитія, когда онъ былъ уже далеко не тѣмъ неопытнымъ юношей, почти ребенкомъ въ отношеніи жизненнаго опыта, какимъ онъ можетъ показаться намъ, если мы односторонне обратимъ вниманіе лишь на заглазное преждевременное увлеченіе его неизвѣданною и потому еще болѣе заманчивой петербургской жизнью. Не менѣе важно обратить вниманіе здѣсь и на ту раннюю практичность Гоголя, хотя и имѣвшую источникомъ своимъ искреннюю любовь и заботы о матери, которыя выразились въ его планѣ относительно собственныхъ дѣйствій для обезпеченія послѣдней. Собираясь оставить, можетъ быть навсегда, Малороссію для Петербурга и замышляемой въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ поѣздки за-границу, а, можетъ быть, даже жизни тамъ, которая, какъ казалось молодому мечтателю, могла продолжаться нѣсколько лѣтъ, такъ что о немъ, можетъ быть, долго «не будетъ ни слуху, ни духу»,— выраженіе это два раза повторено въ разсматриваемомъ письмѣ,—Николай Васильевичъ отказывается въ пользу матери отъ своей доли наслѣдства и даже принимаетъ мѣры, чтобы его наслѣдники, подъ которыми онъ подразумѣваетъ здѣсь между прочимъ любимыхъ сестеръ, не лишили ея мѣста, гдѣ она бы могла преклонить голову. «Почемъ знать, каковы еще будутъ мои сестры!»—вотъ какое восклицаніе вырывается изъ его любящей души подъ вліяніемъ заботъ о матери. Нѣжность къ ней доходитъ у него наконецъ до того,

что, по собственному сознанію, «его не беретъ охота возвращаться изъ Петербурга (Гоголь говоритъ о предположеніяхъ своихъ на счетъ будущаго) когда-либо домой, особенно бывши нѣсколько разъ свидѣтелемъ, какъ эта необыкновенная мать бьется, мучится, иногда даже о какой нибудь копѣйкѣ, какъ эти безпокойства убійственно разрушаютъ ея здоровье». Это обстоятельство, слѣдовательно, служило еще лишней причиной стремленія его вонъ изъ дома, вонъ изъ Малороссіи. *)

*) Догадываясь о содержаніи этого письма Гоголя къ его дядѣ, Марья Ивановна писала въ то же самое время тому же Петру Петровичу Косяровскому о великодушныхъ намѣреніяхъ сына слѣдующее:

„Я не читала Николино письмо къ вамъ; онъ принесъ его ко мнѣ уже запечатаннымъ, и даже нѣкогда было мнѣ спросить, что онъ писалъ. Дай Богъ, чтобы онъ былъ добръ и при томъ здоровъ и счастливъ. Онъ очень благоразумно ведетъ себя въ его лѣта.... Не знаю, что Богу будетъ угодно устроить дальше, повинуюсь во всемъ Его святой волѣ. Я догадываюсь, не писалъ ли мой Никоша къ вамъ на счетъ имѣнія. Онъ говоритъ,—не помнитъ, что писалъ. Назадъ тому мѣсяца два онъ меня удивилъ, убѣждая позволить записать мнѣ свою часть имѣнія, увѣряя притомъ, что это будетъ полезно и даже необходимо для спокойной моей жизни, на случай, если я не буду имѣть добрыхъ зятей, а онъ, можетъ быть, будетъ слишкомъ далеко отъ меня, и симъ поступкомъ тронулъ меня до слезъ. Какъ пріятны были тогда слезы. Дай Богъ, чтобы всѣ добрые въ такихъ только обстоятельствахъ проливали ихъ.“

Вотъ еще интересные отрывки изъ писемъ Марьѣ Ивановны Косяровскому о сынѣ:

„Никоша мой имѣетъ чинокъ въ рангѣ университетскихъ студентовъ 14 класса. Съ нимъ несправедливо поступили, такъ же, какъ и съ другими, въ его отдѣленіи бывшими, по причинѣ партій ихъ наставниковъ. Ему слѣдовало получать 12 классъ, но онъ нимало не въ претензіи, тѣмъ болѣе, что обѣ партіи сказали, что онъ достоинъ былъ получить даже 10 классъ, когда бы былъ плохъ онъ въ томъ училищѣ, а 12 по всѣмъ правамъ должно было ему дать. Главное, что надобно было болѣе ласкаться къ нимъ, а онъ никакъ не могъ сего сдѣлать.“

Передъ самымъ отъѣздомъ Гоголь писалъ П. П. Косяровскому:

„Отъѣзжая уже въ свою дорогу, почитаю обязанностью и долгомъ проститься съ вами, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ, и благодарить васъ за вашу пріязнь, за ваше дружеское расположеніе, за вашу помощь всѣмъ намъ, которую всегда готово было оказывать ваше рѣдкое сердце, наконецъ пожелать вамъ возможнаго счастья и достойнѣйшей награды за

Въ послѣднихъ числахъ 1828 года Гоголь былъ уже въ Петербургѣ. Съ этого времени начинается новый періодъ его жизни, имѣющій особый интересъ при изученіи его личнаго развитія. Это былъ вначалѣ періодъ броженія, неопредѣленныхъ порывовъ, постоянныхъ надеждъ и частыхъ разочарованій, стремленія къ широкой и полезной дѣятельности, отыскиванія себѣ высокой цѣли жизни и достойнаго призванія, на которомъ могли бы найти примѣненіе его замѣчательныя дарованія, и въ то же время годами тяжелыхъ испытаній, годами пріобрѣтенія въ настоящемъ смыслѣ жизненнаго опыта, наконецъ временемъ первыхъ шаговъ на литературномъ поприщѣ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что жизнь въ Петербургѣ произвела значительную перемѣну въ характерѣ Гоголя и что ему онъ въ большой степени былъ обязанъ своей будущностью, такъ какъ въ немъ и благодаря ему силы юноши развились и не заглохли безъ примѣненія, какъ легко могло бы случиться въ провинціальной глуши.

Перемѣна условій жизни и окружающей обстановки большею частью кладетъ замѣтный отпечатокъ на судьбу человѣка, рѣзко измѣняя внѣшнюю сферу его дѣятельности и до нѣкоторой степени реагируя даже на самую его нравственную личность, неизбѣжно поставленную въ необходимость найти себѣ иное опредѣленіе и провѣрить свои взгляды и наклонности среди новыхъ, созданныхъ измѣнившимся положеніемъ, обстоятельствъ. При этомъ, чѣмъ рѣзче бываетъ

добродѣтель. Неугасимо во мнѣ пылаетъ благодарность, и дай Богъ, чтобы она выразилась современемъ не въ пустыхъ словахъ, а до того, будьте увѣрены, почтеннѣйшій и любезнѣйшій дяденька, что никогда не изглажу изъ сердца того должнаго почтенія и преданности, съ которыми имѣю честь быть вѣчно признательнымъ

Николай Гоголь-Яновскій.

Изъ Петербурга буду писать къ вамъ; теперь я приготовляюсь и укладываюсь."

Гоголю долго не удавалось выѣхать изъ дому; еще за три мѣсяца мать писала о немъ:

„Никоша мой хочетъ непремѣнно черезъ 4 дня выѣхать, хотя и не все ему готово, но никакъ ужъ не могу удержать: надобно опредѣлиться ему до новаго года."

перемѣна, тѣмъ, естественно, ярче выступаютъ грани, раздѣляющія жизнь на отдѣльные періоды, которые кажутся на первый взглядъ иногда совершенно несходными. Въ дѣйствительности однако едва ли можно признать въ большинствѣ случаевъ существованіе такихъ рѣшительныхъ переворотовъ, и потому внимательное изученіе біографическаго матеріала обыкновенно приводитъ къ убѣжденію въ невѣрности заранѣе составившихся рельефныхъ, но неточныхъ обобщеній, и вызываетъ необходимость болѣе естественнаго и вѣрнаго освѣщенія уже извѣстныхъ фактическихъ данныхъ. Слѣдя за послѣдовательнымъ развитіемъ геніальной личности и ея судьбою, вниманіе изслѣдователя невольно останавливается прежде всего именно на замѣчаемыхъ въ ней рѣзкихъ перемѣнахъ, но затѣмъ, отмѣтивъ послѣднія, оно не должно забывать и другой стороны дѣла — отысканія и уясненія сходныхъ сторонъ, несомнѣнно существующихъ въ разное время въ жизни одного и того же человѣка; въ противномъ случаѣ внѣшнія обстоятельства легко могутъ заслонить собою существенныя черты внутренняго развитія. Это должно быть справедливо и въ примѣненіи къ Гоголю. Поэтому слова г. Кулиша, что «съ переселеніемъ Гоголя съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія, рѣзко отличный отъ предшествовавшаго», дѣйствительно справедливы, насколько они касаются внѣшней стороны дѣла, и особенно въ связи съ послѣдующимъ сравненіемъ, *) но, по нашему мнѣнію, они нѣсколько грѣшатъ односторонностью, такъ какъ именно представляютъ не совсѣмъ точное обобщеніе, сдѣланное на основаніи однихъ внѣшнихъ признаковъ. Велика была, безъ сомѣненія, разница между жизнью Гоголя въ школѣ, когда онъ былъ юношей не очень прилежнымъ, но страстно отдававшимся возможнымъ и доступнымъ для него художественнымъ наслажденіямъ, юношей, еще только

---

*) „Съ переселеніемъ его съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія, столь рѣзко отличный отъ предшествовавшаго, какъ отличается у птицъ время опереннаго состоянія отъ времени неподвижнаго сидѣнья въ родномъ гнѣздѣ“ („Зап. о жизни Гоголя“, 1, стр. 59).

мечтавшимъ о предстоящей самостоятельной жизни, и съ другой стороны хотя бы первыми невѣрными шагами его на поприщѣ послѣдней въ Петербургѣ, когда для него настало время уже *дѣятельной провѣрки* заранѣе составленныхъ идеаловъ и приспособленія къ условіямъ окружающей обстановки (не говоря уже о дальнѣйшей жизни въ столицѣ); но, повторяемъ, *главный* интересъ изслѣдованія долженъ заключаться скорѣе въ отысканіи нити, связывающей оба отмѣченныхъ періода, нежели въ констатированіи и безъ того рѣзко бросающагося въ глаза различія. Если не пришло еще, быть можетъ, время «слить разныя мелочи въ одну стройную картину», то не худо во всякомъ случаѣ поискать между ними связи и по возможности разобраться въ нихъ. Припомнимъ, что совершенно параллельно съ рѣзкой перемѣной въ жизни Гоголя со времени переѣзда его въ Петербургъ можно было бы, пожалуй, съ такимъ же правомъ отмѣтить и перемѣну въ характерѣ его творчества;—достаточно назвать «Ганца Кюхельгартена» и «Вечера на Хуторѣ»; — пришлось бы предположить, что въ Петербургѣ Гоголь сдѣлался совершенно инымъ человѣкомъ, что между его школьными годами и первыми шагами на жизненномъ поприщѣ лежитъ цѣлая бездна. Но такъ какъ подобнаго перерожденія, конечно, допустить невозможно, то наша задача найти между этими двумя, повидимому, столь «рѣзко отличными періодами», извѣстныя точки соприкосновенія. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что духовный складъ личности Гоголя оставался во все разсматриваемое время въ сущности одинъ и тотъ же, такъ какъ онъ долженъ былъ въ значительной степени опредѣлиться въ годы ранней юности писателя, — и это имѣетъ въ настоящемъ случаѣ существенное значеніе въ виду чрезвычайно послѣдовательнаго и вѣрнаго себѣ характера его развитія,—мы дѣйствительно можемъ въ оба указанные періода, особенно сближая ихъ болѣе смежные пункты, отмѣтить разительное сходство во взглядахъ Гоголя на вопросы, наиболѣе интересовавшіе его и казавшіеся ему особенно важными. Пріѣхавъ въ Петербургъ съ богатымъ запасомъ свѣжихъ впечатлѣній, результатомъ пережитого воспріимчиваго

возраста, оказывающаго всегда такое рѣшительное вліяніе на образованіе личности человѣка, и съ тонко развитою наблюдательностью, для которой, по собственному признанію автора, съ приближеніемъ зрѣлыхъ лѣтъ наступаетъ менѣе благопріятная пора, и наконецъ съ извѣстнымъ міросозерцаніемъ и сложившимися взглядами на назначеніе своей жизни и будущей дѣятельности,—міросозерцаніемъ, составлявшимъ, каково бы ни было его дѣйствительное достоинство, — внутреннее содержаніе юноши, могъ ли Гоголь тотчасъ совершенно измѣниться и порвать съ своимъ прошлымъ? Если бы это было такъ, то неизбѣжно послѣдовало бы заключеніе, что стремленія его были не только не глубоки, смутны и туманны, чего дѣйствительно нельзя отрицать, но и неискренни, что они наконецъ были всецѣло навѣяны со стороны и не могли назваться въ настоящемъ смыслѣ его достояніемъ. Но кромѣ многихъ мѣстъ въ его перепискѣ, относящихся къ первымъ годамъ его петербургской жизни и представляющихъ несомнѣнное сходство съ прежними, нѣжинскими, взглядами, мы имѣемъ еще не мало вѣскихъ соображеній въ пользу противоположнаго мнѣнія. Точно то же не безъ основанія можно было бы утверждать и относительно его поэтической дѣятельности, съ тою только разницей, что дѣйствіе измѣнившихся обстоятельствъ въ этой сферѣ сказалось рѣзче и рѣшительнѣе, преимущественно въ смыслѣ ихъ вліянія на способъ, характеръ и самый выборъ предметовъ для творчества; но и здѣсь преемственная связь можетъ быть усмотрѣна и констатирована въ довольно обширномъ запасѣ готовыхъ художественныхъ образовъ, рано сложившихся въ фантазіи Гоголя на почвѣ впечатлѣній чуткой отроческой души и впослѣдствіи въ значительной степени лишь мастерски выработанныхъ и обогащенныхъ новыми красотами при болѣе или менѣе разнообразномъ ихъ выраженіи въ первыхъ его произведеніяхъ.

Чрезвычайно интересно для разъясненія занимающаго насъ вопроса обратиться къ самому раннему изъ извѣстныхъ произведеній юношеской фантазіи нашего писателя. Мы говоримъ о рѣдко вспоминаемомъ и едва ли не мало извѣстномъ

у насъ «Ганцѣ Кюхельгартенѣ». Далеко не отличаясь яркими художественными достоинствами, которыя мы привыкли находить даже въ самыхъ незрѣлыхъ и несовершенныхъ произведеніяхъ Гоголя, сурово принятая современной критикой и почти вслѣдъ затѣмъ уничтоженная рукою самого автора, наконецъ исключенная изъ всѣхъ послѣднихъ изданій полнаго собранія его сочиненій,—эта приторно-сентиментальная идиллія никогда особенно и не обращала на себя вниманія, хотя г. Кулишъ справедливо указалъ на присутствіе въ ней рядомъ съ многими очень и очень слабыми мѣстами такихъ картинъ, которыя уже обнаруживаютъ проблески будущаго таланта Гоголя. Г. Кулишъ указываетъ преимущественно на небольшіе отрывки описательнаго характера, напр. на изображеніе дома мызника Вильгельма Бауха, картину моря и на нѣсколько другихъ картинъ, въ которыхъ мысль автора съ любовью переносится въ страны классическаго міра; можно было бы прибавить еще описаніе утра и домика пастора въ самомъ началѣ первой картины, описаніе жаркаго дня и вообще весь конецъ той же картины, и большую часть шестой картины.

Идиллія все-таки на нашъ взглядъ заслуживаетъ изученія со стороны біографическаго матеріала, который, хотя и въ очень незначительныхъ дозахъ, могъ бы быть извлеченъ также и изъ нея. Для насъ важно въ данномъ случаѣ то, что здѣсь мы находимъ съ одной стороны явные слѣды тѣхъ юношескихъ мечтаній Гоголя, о которыхъ мы говорили раньше, а съ другой — подтвержденіе собственныхъ позднѣйшихъ признаній его о годахъ юности. Сверхъ того, если не ошибаемся, внимательный разборъ идилліи могъ бы показать съ наглядной очевидностью, что въ ней нашелъ себѣ выраженіе упомянутый запасъ сложившихся готовыхъ художественныхъ образовъ, отчасти отразившійся, но уже въ истинно-художественной формѣ, потомъ въ другихъ, сравнительно болѣе зрѣлыхъ, преимущественно ближайшихъ по времени произведеніяхъ, особенно въ «Вечерахъ на Хуторѣ». Попытаемся привести нѣкоторыя соображенія въ пользу обоихъ нашихъ предположеній, для чего прибѣгнемъ къ сличеніямъ нѣкоторыхъ от-

рывковъ изъ «Ганца» съ другими произведеніями и съ письмами Гоголя.

Первымъ вопросомъ при изученіи «Ганца Кюхельгартена» является точное опредѣленіе года его написанія: съ только-что указанной біографической точки зрѣнія этотъ вопросъ получаетъ весьма существенное значеніе. Самъ поэтъ, какъ извѣстно, обозначилъ на рукописи 1827 г., но затѣмъ, согласно извѣстному мнѣнію Прокоповича, приведенному въ «Запискахъ о жизни Гоголя», это показаніе, казалось бы, не можетъ считаться достовѣрнымъ и должно уступить предположенію о томъ, что Гоголь писалъ идиллію въ началѣ своей жизни въ Петербургѣ, «когда онъ проживалъ въ немъ безъ дѣла». Едва ли однако это справедливо; намъ кажется, что на основаніи нижеслѣдующихъ соображеній можно скорѣе признать справедливою помѣтку самого писателя, которому, при томъ, конечно не было причины никого мистифировать, какъ склоненъ былъ предполагать покойный его школьный товарищъ. Достойно вниманія, что въ идилліи мы замѣчаемъ явные слѣды тѣхъ мыслей, которыя занимали Гоголя подъ конецъ его нѣжинской жизни и притомъ преимущественно въ 1827 г. Въ «Ганцѣ» мы находимъ то же неопредѣленное, не совсѣмъ выяснившееся стремленіе героя въ далекія и чуждыя страны, манящія его предполагаемымъ просторомъ для дѣятельнаго служенія добру, ожидаемымъ богатствомъ высокихъ эстетическихъ наслажденій, которыя можно тамъ найти, далѣе размышленія Ганца о будущей своей судьбѣ и желаніе разгадать «незнаемый удѣлъ», наконецъ такое же точно, какъ у самого Гоголя, опасеніе за возможность осуществленія своихъ высокихъ стремленій и боязнь ничтожества общаго жребія съ большинствомъ такъ называемыхъ дюжинныхъ людей и проч. Особенно поразительно совпаденіе въ VIII картинѣ идилліи (въ пѣснѣ Ганца) и нѣкоторыхъ письмахъ 1827 года,— совпаденіе, доходящее до мелочей, до буквальнаго почти сходства, простирающагося на отдѣльныя выраженія: это послѣднее обстоятельство едва ли кто рѣшится назвать случайностью. Сдѣлаемъ сличеніе:

Все рѣшено. Теперь ужели
Мнѣ здѣсь душою погибать,
И не узнать иной мнѣ цѣли,
И цѣли лучшей не искать,
Себя обречь безславно въ жертву,
При жизни быть для міра мертву?
(„Ганцъ Кюхельгартенъ“, VIII картина, пѣснь Ганца).

Какъ тяжело быть зарыту вмѣстѣ съ созданіями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольства высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться (V томъ Гоголя, изд. Кулиша, стр. 56). Исполнятся ли мои высокія предначертанія? *или неизвѣстность зароетъ ихъ въ мрачной тучѣ своей?* (Письмо къ Петру Петровичу Косяровскому, „Русская Старина“ 1876 г., 1 кн., стр. 42).

Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, или неумолимое веретено судьбы *зашвырнетъ меня съ толпой самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ* (V т. Гог., стр. 58, письмо къ Высоцкому).

Душой ли, славу полюбившей
Ничтожность въ мірѣ полюбить?
Душою къ счастью не остывшей
Волненья міра не испить?
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить,
Существованья не отмѣтить?

Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимой ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожная мысль, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принести хоть малѣйшую пользу, бросала меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ, при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, *не означивъ своего имени* ни однимъ прекраснымъ дѣломъ—*быть въ мірѣ и не означить своего существованія* была для меня мысль ужасная. (Письмо къ Петру Петровичу Косяровскому отъ 3 октября 1827 года „Русская Старина“, 1876 г., I т. стр. 41).

Остальныя строфы той же пѣсни Ганца въ равной мѣрѣ могли бы быть примѣнены къ характеристикѣ душевнаго состоянія и взглядовъ Гоголя именно за 1827 г.; укажемъ лишь слѣдующіе стихи:

Зачѣмъ влечете такъ къ себѣ вы,
Земли роскошные края?

Также: И онъ спадетъ, покровъ неясный,
Подъ коимъ знала васъ мечта,
И міръ прекрасный, міръ прекрасный
Отворитъ дивныя врата,
Привѣтитъ юношу готовый
И въ наслажденьяхъ вѣчно новый....

Или: Я вашъ, я вашъ! Изъ сей пустыни
Я вниду въ райскія мѣста

(рѣчь идетъ о поѣздкѣ въ чужіе края; замѣтимъ, что Гоголь называлъ райскимъ мѣстомъ въ письмѣ къ Высоцкому Петербургъ, пользуясь совершенно тождественнымъ выраженіемъ съ приведеннымъ).

Въ общемъ настроеніи выписанной строфы и выраженныхъ въ ней мысляхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію сходство съ нѣкоторыми мѣстами писемъ къ Высоцкому. Такимъ образомъ можно считать доказаннымъ, что именно тѣ же самыя мысли и стремленія волновали Гоголя въ 1827 году, которыя выражены въ приведенной пѣснѣ Ганца, причемъ не случайно и то, что указанное совпаденіе обнаруживается какъ разъ въ самыхъ задушевныхъ мечтахъ автора и героя его перваго произведенія. Позднѣе, въ Петербургѣ, взгляды Гоголя во многомъ значительно измѣнились или по меньшей мѣрѣ приняли иное направленіе, и уже по отношенію къ петербургскому времени, конечно, никакъ не возможно было бы допустить такого поразительнаго сходства, доходящаго почти до полнаго совпаденія въ приведенныхъ цитатахъ. Было бы весьма интересно сравнить для большаго подтвержденія сказаннаго разбираемую идиллію съ «Луизой» Фосса, въ переводѣ Теряева, такъ какъ эта пьеса служила въ настоящемъ случаѣ образцомъ для Гоголя, но намъ, къ со-

жалѣнію, не удалось достать этой книги, сдѣлавшейся въ настоящее время библіографической рѣдкостью...

Считая первое наше предположеніе достаточно обоснованнымъ, переходимъ ко второму. Здѣсь также удобнѣе всего можно подтвердить вышесказанное наглядными сопоставленіями поражающихъ своимъ сходствомъ отрывковъ, хотя на этотъ разъ ихъ можно привести лишь немного. Вотъ примѣры:

Свѣтаетъ. Вотъ проглянула деревня,
Дома, сады. Все видно, все свѣтло.
Вся въ золотѣ сіяетъ колокольня,
И блещетъ лучъ на старенькомъ заборѣ.
Плывительно оборотилось все
Внизъ головой, въ серебряной водѣ;
Заборъ и домъ, и садикъ въ ней такіе-жъ;
Все движется въ серебряной водѣ.
Синѣетъ сводъ, и волны облакъ ходятъ
И лѣсъ живой—вотъ только не шумитъ.

(Начальные стихи Ганца Кюхельгартена, сочин. Гоголя. изд. Кулиша, т. I, стр. 234).

Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, *и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ!*

Величественно сыплется громъ украинскаго соловья. („Утопленница“).

На небѣ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя нѣ-

Небо, зеленые и синіе лѣса, люди, воза съ горшками, мельницы — все *опрокинулось, стояло и ходило вверхъ ногами, не падая въ голубую прекрасную бездну.* (Изд. Кулиша т. I, стр. 14, „Сорочинская Ярмарка“).

Съ изумленіемъ глядѣлъ Левко въ неподвижныя воды пруда: старинный господскій домъ, *опрокинувшись внизъ*, виденъ былъ чистъ и въ какомъ-то ясномъ величіи и проч.

(Изд. Кулиша, т. I, стр. 79, „Майская ночь“ или „Утопленница“).

Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ.

Какъ безсильный старецъ, держалъ прудъ въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое темное небо, осыпая ледянымъ поцѣлуями огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли среди темнаго ночного воздуха и проч. („Утопленница“).

Все было тихо; въ глубокой чащѣ лѣса слышались только раскаты соловья.

Какой же день! Веселые вились
И пѣли жаворонки; ходили волны
Отъ вѣтру золотого въ полѣ хлѣба,
Спустились вотъ надъ ними дерева;

сии летятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки, или зеленаго перепела отдается въ степи... *Сѣрыя скирды сна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости.* Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешень, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало—рѣка въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ....

На нихъ плоды предъ солнцемъ наливались
Прозрачные; вдали темнѣли воды
Зеленыя; сквозь радужный туманъ
Неслись моря душистыхъ ароматовъ
и проч. („Ганцъ Кюхельгартенъ“).
Скирды хлѣба то тамъ, то сямъ, словно казацкія шапки, пестрѣли по полю. („Вечеръ наканунѣ Ив. Куп.“).
Дѣвственныя чащи черемухъ и черешень пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечутъ листьями..(„Утопленница“).
Рѣка-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленыя кудри деревъ. („Сороч. Ярм.“).

Подобныя черты сходства отмѣтимъ кстати въ нѣкоторыхъ мѣстахъ другихъ раннихъ произведеній Гоголя, — сходство едва ли случайное.

Лѣнивою рукою обтиралъ онъ катившійся градомъ потъ съ смирнаго лица и даже капавшій съ длинныхъ усовъ, напудренныхъ тѣмъ неумолимымъ парикмахеромъ, который безъ зову является и къ красавицѣ, и къ уроду, и насильно пудритъ нѣсколько тысячъ лѣтъ уже весь родъ человѣческій. (Соч. Гоголя I часть, стр. 12, „Сороч. Ярм.“).

Въ лицѣ ея, тронутомъ рѣзкою кистью, которою съ незапамятныхъ временъ расписываетъ родъ человѣческій и которую, Богъ знаетъ съ какихъ поръ, называютъ морщиною. (Соч. Гог., т. I, „Учитель“, стр. 282).

Далѣе. Уже въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя мы встрѣчаемъ нерѣдко любимые и опредѣленно сложившіеся, выношенные художественные образы и пріемы. Припомнимъ художественныя изображенія граціозной позы то предающейся безпечной радости, то погруженной въ глубокую думу красивой молодой женщины, отчаянно-веселой пляски иногда уже стараго казака, охваченнаго беззавѣтнымъ увлеченіемъ, захватывающимъ душу и возвышающимся до степени заразительнаго обаянія, противъ котораго не могутъ устоять всѣ тѣ, которымъ приходилось быть зрителями этой картины, нако-

нецъ смѣну обаянія чувствомъ тихой и глубокой грусти и вообще склонность къ переходамъ отъ задушевнаго веселья къ столь же задушевной скорби. Въ изображеніи природы укажемъ еще картины очаровательно-ясныхъ ночей съ серебрянымъ свѣтомъ мѣсяца, покрытыхъ мракомъ садовъ и лѣса и т. п. Изъ установившихся пріемовъ слѣдуетъ отмѣтить неожиданно-юмористическія сопоставленія серьезнаго съ комическимъ, восклицательную форму рѣчи *).

Приведемъ примѣры:

Подпершн локтемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Параска, одна сидя въ хатѣ. Много грезъ обвивалось около русой головы и проч.

На мигъ остолбенѣвъ, какъ прекрасная статуя, смотрѣла она ему въ очи. (Тарасъ Бульба).

Сходныя изображенія можно указать въ «Ночи передъ Рождествомъ». (*Оксана*) и въ «Майской Ночи».

Странное, непзъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе. Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притоптывали ногами и вздрагивали плечами. Все неслось, все танцовало. Но еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіемъ могилы, толкавшихся между новымъ, смѣющимся, живымъ человѣкомъ. Безпечныя! даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія покачивали охмѣлѣвшими головами. Громъ, хохотъ, пѣсни слышались тише и тише. Смычокъ умиралъ, слабѣя и терялъ неясные зву-

Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхо слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, поодиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного, старинаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу и нечѣмъ помочь ему! („Сороч. Ярм.“).

*) „Какъ не разсѣяться! въ первый разъ на ярмаркѣ! Дѣвушка въ восемнадцать лѣтъ въ первый разъ на ярмаркѣ!“

ки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо.

Бросила прочь она отъ себя платокъ, отвернула падающіе на очи длинные волосы свои и вся разлилась въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись въ прекрасный вечеръ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника, — зашелестятъ, зазвучатъ и *понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятной грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго стука проѣзжающей телѣги.* („Тарасъ Бульба“, конецъ VI главы).

Вездѣ, гдѣ-бы то ни было въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-блѣдныхъ и неопрятно плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ хоть разъ встрѣтится на пути человѣку явленье, не похожее на все то, что случилось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, не похожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, вдругъ, неожиданно пронесется среди бѣдной деревушки, не видѣвшей ничего кромѣ сельской телѣги, *и долго мужики стоятъ, зѣвая, съ открытыми ртами* и проч.

Для сравненія съ приведенными выдержками напомнимъ еще самыя размышленія Чичикова послѣ встрѣчи съ губернаторскою дочкой, описаніе чувствъ юноши, пораженнаго подобною же предполагаемою встрѣчей. («Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ, вперивши безсмысленно очи вдаль, позабывъ и дорогу, и всѣ ожидающіе впереди выговоры, и себя, и службу, и міръ, и все, что ни есть въ мірѣ!») Наконецъ послѣднія заключительныя слова «Сорочинской Ярмарки» можно сопоставить съ задушевнымъ, исполненнымъ глубокой грусти восклицаніемъ, оканчивающимъ собою веселую повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ («Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!») Не заключается ли уже въ этомъ трагическомъ ceterum censeo проявленія въ зародышѣ той особенности таланта Гоголя, которую онъ называлъ смѣхомъ сквозь слезы.

Напомнимъ наконецъ, что сходство въ поэтическихъ пріемахъ иногда, въ немногихъ единичныхъ случаяхъ, объясняется подражаніями одному и тому же источнику. Такъ въ началѣ своей литературной карьеры Гоголю не разъ случалось пользоваться одинаковыми сюжетами, несомнѣнно заимствованными и потомъ переработанными изъ комедій его отца, произведеній Нарѣжнаго, наконецъ особенно изъ малороссійскихъ пѣсенъ и народныхъ преданій. Таковы пріемъ Хиврей поповича Аѳанасія Ивановича въ VI главѣ «Сорочинской Ярмарки» и пріемъ Солохой дьячка Осипа Никифоровича въ «Ночи передъ Рождествомъ» (передѣлка сценъ изъ пьесы отца Гоголя: «Романъ и Параска»), изображеніе ограниченныхъ интересовъ мелкой помѣщичьей среды въ «Учителѣ» (стр. 283) и впослѣдствіи въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ». Въ примѣръ вліянія на Гоголя народныхъ пѣсенъ можно привести два сходные отрывка изъ «Вечера наканунѣ Ивана Купалы»: «И родной отецъ—врагъ мнѣ: неволитъ идти за нелюбого ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовятъ, только не будетъ музыки на нашей свадьбѣ: будутъ дьяки пѣть, вмѣсто кобзъ и сопилокъ. Не пойду я танцовать съ женихомъ своимъ: понесутъ меня! Темная, темная моя будетъ хата: изъ кленового дерева, и, вмѣсто трубы, крестъ будетъ стоять на крышѣ!» (слова Пидорки). «Будетъ и у меня свадьба! только дьяковъ не будетъ на той свадьбѣ: воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надъ мною; гладкое поле будетъ моя хата»... (слова Петруся). Не станемъ уже послѣ цѣлаго ряда сдѣланныхъ указаній приводить, можетъ быть, рискованныхъ сближеній между «Ночными Видѣніями» Ганца Кюхельгартена и сходными описаніями, хотя и безконечно болѣе художественными и опредѣленными въ «Майской Ночи», и многихъ другихъ.

---

*) Другія заимствованія изъ народной поэзіи можно видѣть въ изображеніи прощанія казачки съ сыномъ, отправляющимся на битву (въ „Страшной Мести“, въ описаніи Днѣпра и въ концѣ первой главы „Тараса Бульбы“). Заимствованіе въ картинѣ ночи на Днѣпрѣ образовъ изъ „Голубиной книги“ слишкомъ извѣстно.

V.

Первыя впечатлѣнія Гоголя въ Петербургѣ и первыя его произведенія.

Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1828 года. По свидѣтельству г. Данилевскаго, онъ былъ привезенъ туда его дядей... Съ этихъ поръ началась для него новая жизнь, во многомъ отличающаяся отъ прежней, школьной, но въ сущности представляющая столько очевидныхъ чертъ сходства, что она является скорѣе послѣдовательнымъ продолженіемъ развитія, начавшагося въ предыдущемъ періодѣ, нежели какимъ-нибудь рѣшительнымъ и рѣзкимъ поворотомъ въ иномъ направленіи. Правда, развитіе это подъ вліяніемъ цѣлой совокупности обстоятельствъ, которыхъ не ожидалъ Гоголь и на которыя не могъ разсчитывать во время своихъ мечтаній въ Нѣжинѣ, но которыя, однако, не замедлили тотчасъ же самымъ настоятельнымъ образомъ заявить о себѣ по пріѣздѣ его въ столицу,—было значительно иначе направлено жизнью, нежели какъ ему представлялось заранѣе, но отнюдь не мѣняло существеннаго своего характера, такъ что первые годы жизни Гоголя въ Петербургѣ mutatis mutandis относились къ годамъ его ранней юности, какъ попытки привести въ исполненіе задуманный и постепенно измѣненный планъ къ первоначальному его замыслу, и въ этомъ-то отношеніи дѣйствительно справедливы приведенныя раньше слова Кулиша. («Съ переселеніемъ съ юга на сѣверъ для Гоголя начинается новый періодъ его существованія, столь рѣзко отличный отъ предшествовавшаго, какъ отличается у птицъ время опереннаго состоянія отъ времени неподвижнаго сидѣнія въ родномъ гнѣздѣ»). Конечно, не тотчасъ стало возможно Гоголю твердо и увѣренно испытать свои силы въ томъ направленіи, которое зависѣло отъ сложившагося міросозерцанія его и нажитыхъ убѣжденій; должно было пройти не мало времени, пока онъ примѣнился къ требованіямъ извѣстной доли внѣшнихъ условій петербургской жизни, именно тѣхъ, которыя были не добровольно из-

браны имъ, а, такъ сказать, *даны* судьбою, независимо отъ его воли. Въ Петербургѣ Гоголя ожидали всевозможныя неудачи съ разныхъ сторонъ. Въ причинахъ для разочарованія не было недостатка на самыхъ первыхъ порахъ: неудачи обрушивались на него одна тяжелѣе другой, и общее впечатлѣніе было самое невыгодное и безотрадное. Рѣзкимъ показался ему переходъ отъ привольной домашней жизни къ стѣсненіямъ столицы. Какъ-бы въ насмѣшку надъ преждевременными увлеченіями, жизненныя невзгоды и трудности первоначальнаго устройства тотчасъ-же даютъ себя знать столь чувствительнымъ образомъ, что при одномъ воспоминаніи о нихъ въ первомъ письмѣ изъ Петербурга у Гоголя вырываются рѣзкія несдержанныя выраженія. Матеріальныя затрудненія, какъ видно изъ этого письма, сказались во всѣхъ подробностяхъ житейскаго обихода, начиная отъ найма квартиры и кончая условіями съ мелкими комиссіонерами, къ услугамъ которыхъ приходилось обратиться для доставки привезенныхъ изъ дому писемъ къ разнымъ «покровителямъ». Въ нѣсколькихъ письмахъ Гоголь подробно исчисляетъ всѣ неизбѣжныя издержки на дорогу и на обзаведеніе, отчасти въ видѣ отчета о своихъ дѣлахъ, отчасти въ видѣ жалобы на совокупность обрушившихся на него неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ была даже потеря по курсу, понесенная имъ при отправленіи изъ родины тотчасъ по выѣздѣ изъ Чернигова. Первое письмо проникнуто сильнымъ раздраженіемъ и почти все наполнено извѣстіями практически-житейскаго характера, которыя повторяются отчасти и въ слѣдующихъ письмахъ, но уже не занимаютъ тамъ главнаго мѣста, уступая мѣсто мыслямъ и впечатлѣніямъ иного рода.

Неудачи были такъ неожиданны и въ то же время такъ жестоки по своимъ размѣрамъ, что онѣ не могли не произвести на Гоголя самаго подавляющаго дѣйствія. Онѣ повергли его на нѣкоторое время въ состояніе тяжелой апатіи, близкой къ отчаянію, изъ которой онъ, однако, скоро нашелъ выходъ благодаря своей дѣятельной и самоувѣренной натурѣ. Степень его подавленности видна изъ собственнаго

сознанія его тотчасъ по пріѣздѣ, когда онъ жалуется на хандру, помѣшавшую ему не только заняться приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ, но даже писать письма. Какъ видно, онъ совершенно опустилъ руки сначала, но не надолго *).

Словомъ, это было первое столкновеніе юношескихъ мечтаній съ дѣйствительностью, на этотъ разъ оказавшейся по истинѣ суровой. Но если, вступивши въ чуждую для себя сферу совершеннымъ новичкомъ, Гоголь позволяетъ овладѣть собою разочарованію, то потомъ душевная боль остраго характера постепенно смягчается и послѣ продолжительной энергической борьбы съ неудачами, ему удается, наконецъ, умѣривши энтузіазмъ и вооружившись терпѣніемъ, овладѣть обстоятельствами и подчинить ихъ теченіе преслѣдованію цѣлей, составлявшихъ для него главную задачу существованія. Не легко было ему убѣдиться въ неосновательности своихъ иллюзій относительно Петербурга, послѣ того какъ онъ привыкъ соединять съ самымъ представленіемъ о немъ всѣ лучшія свои надежды, но тѣмъ больше чести его энергіи, чѣмъ рѣшительнѣе и неожиданнѣе былъ выдержанный имъ ударъ **). «Что за бѣда,—посидѣть какую нибудь недѣлю безъ обѣда? того ли еще будетъ на жизненной дорогѣ?» Это уже не фразы незнакомаго съ жизнью школьника, а сознательныя слова человѣка, приготовляющагося къ тяжелымъ испытаніямъ жизни, переставшаго воображать, что на его долю достанутся одни трофеи и лавры. Если первыя петербургскія письма продолжаютъ, повидимому, носить на себѣ отпечатокъ такой же неудовлетворительности и тревожнаго состоянія духа, той же досады на всякаго рода неудачи и препятствія, какими были проникнуты послѣднія письма изъ Нѣжина, то съ другой стороны мы замѣчаемъ въ то же время въ перепискѣ явные слѣды благотворнаго

*) Не отразилось ли его тогдашнее душевное состояніе, эта смѣна восторга глубокою печалью въ приведенныхъ заключительныхъ строкахъ перваго его петербургскаго произведенія „Сорочинская Ярмарка“?

**) Ср. въ нѣжинскомъ письмѣ къ матери: „Развѣ я не умѣю трудиться? развѣ я не имѣю твердаго непоколебимаго намѣренія къ достиженію цѣли, съ которымъ можно будетъ все побѣждать“. Соч. Гог. изд. Кул. V т. стр. 68).

вліянія большей степени самостоятельности, которою пользовался Гоголь теперь впервые въ своей жизни: при болѣе внимательномъ сравненіи легко убѣдиться, что вмѣсто нетерпѣливаго и безотрадно удрученнаго настроенія послѣднихъ лѣтъ школьной жизни подъ тяжкимъ гнетомъ не поддающихся никакимъ перемѣнамъ условій, онъ получалъ теперь полный просторъ для попытокъ къ осуществленію своихъ плановъ на дѣлѣ, въ самой жизни, въ чемъ, естественно, должна была заключаться для его энергической натуры нѣкоторая прелесть и во всякомъ случаѣ обильный источникъ надеждъ и утѣшеній. Испытанія казались ему только неизбѣжнымъ временнымъ зломъ, своего рода школой, преддверіемъ къ настоящей жизни, освѣщенной достойнаго разумнаго существа цѣлью. Такимъ образомъ первыя впечатлѣнія Гоголя въ Петербургѣ и его быстрое разочарованіе въ немъ не только интересны, какъ фактъ, но имѣютъ и несравненно важнѣйшее значеніе для біографіи, показывая намъ юношу въ рѣшительную минуту испытанія, когда должна была выясниться степень прочности и глубины убѣжденій, уже не разъ имъ прежде высказанныхъ въ интимныхъ бесѣдахъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, съ разными наиболѣе близкими людьми. Теперь ему самому представлялся случай провѣрить ихъ достоинства, испытать свои силы и состоятельность составленныхъ плановъ и выработаннаго идеала. Таковы были первыя впечатлѣнія Гоголя въ столицѣ.

Два обстоятельства особенно обращаютъ на себя вниманіе въ первыхъ письмахъ Гоголя изъ Петербурга. Во-первыхъ сразу обнаружилось, до какой невѣроятной степени доходило незнакомство домашняго круга Гоголя и его самого съ отдаленной столицей и наивное представленіе о ея фантастическомъ блескѣ, великолѣпіи и удобствахъ жизни *), и во вторыхъ, послѣ быстраго разочарованія Петербургомъ въ Гоголѣ пробуждается страстная потребность предаться воспоминаніямъ прошлаго, оцѣнить только-что покинутую ро-

*) „Вы, казалось мнѣ, всегда интересовались знать его и восхищались имъ“ (письмо отъ 30 апр. 1829, V т. стр. 79).

дину и все то, что онъ готовъ былъ недавно считать какою-то мрачной могилой, возбуждавшей въ немъ только желчь и отвращеніе. Описанія Петербурга, заключающіяся въ этихъ письмахъ, поражаютъ въ то же время и наблюдательностью автора и самымъ характеромъ сообщаемыхъ о немъ свѣдѣній, показывающихъ, что авторъ предполагалъ въ своей корреспонденткѣ-матери, несмотря на большой интересъ къ Петербургу, полнѣйшее отсутствіе сколько-нибудь удовлетворительнаго представленія объ этомъ городѣ *). Благодаря этой провинціальной наивности, къ безпощаднымъ ударамъ общихъ условій столичной жизни не замедлили присоединиться во множествѣ и мелкія непріятныя случайности. Все вмѣстѣ такъ подѣйствовало на Гоголя, что даже внѣшнимъ видомъ Петербурга онъ не остался доволенъ, говоря, что «воображалъ его гораздо красивѣе и великолѣпнѣе», и рѣшилъ, что всѣ слухи, которые о немъ распускали, были лживы... Но такое недовольство настоящимъ и разочарованіе въ боготворимой прежде столицѣ заставили Гоголя оглянуться назадъ: въ немъ снова вспыхнуло чувство горячей любви къ родной Малороссіи со всею непосредственностью горячаго молодого увлеченія. Примкнувъ въ Петербургѣ къ малороссійскому кружку, состоявшему отчасти изъ бывшихъ школьныхъ товарищей, и поощряемый встрѣченной въ петербургскомъ обществѣ симпатіей и интересомъ къ малороссійской жизни и быту, Гоголь скоро почувствовалъ живую потребность оживить въ своей памяти просящіеся наружу образы и, какъ человѣкъ практическій, вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не понять, какъ кстати было воспользоваться такимъ настроеніемъ и, удовлетворяя своимъ художественнымъ стремленіямъ, въ то же время извлечь матеріальныя выгоды, столь важныя для

*) Еще удивительнѣе, что даже давно поселившійся въ Петербургѣ дядя Гоголя, Иванъ Косяровскій, оказался совершенно незнакомымъ съ жизнью въ немъ, такъ что практическій племянникъ съ неудовольствіемъ отозвался о немъ, что „онъ знаетъ въ петербургскомъ житьѣ столько же толку, сколько всякій провинціалъ“.—„Не понимаю, какъ они живутъ здѣсь, ничего не видя и не слыша,“ продолжаетъ онъ пзливать свою досаду на дядю.

него при тогдашнихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Можетъ быть, объ этомъ своемъ предположеніи говоритъ Гоголь въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ второго письма. «Въ Петербургѣ менѣе 120 р. никогда мнѣ не обходится въ мѣсяцъ. Какъ въ этомъ случаѣ не приняться за умъ, за вымыселъ, какъ бы добыть этихъ проклятыхъ подлыхъ денегъ, которыхъ хуже я ничего не знаю въ мірѣ? вотъ я и рѣшился... Когда наши въ полѣ—не робѣютъ. Но какъ много еще и отъ меня закрыто тайною, и я съ нетерпѣніемъ желаю вздернуть таинственный покровъ, то въ слѣдующемъ письмѣ извѣщу васъ о удачахъ или неудачахъ». Правда, мы читаемъ затѣмъ въ слѣдующемъ письмѣ, въ самомъ его началѣ, какъ бы обѣщанное извѣщеніе объ исходѣ блеснувшихъ надеждъ, въ которомъ Гоголь говоритъ о предполагавшейся и едва не осуществившейся даже поѣздкѣ за-границу, но едва ли эта поѣздка могла имѣть какое-либо отношеніе къ пріобрѣтенію денегъ и къ ней въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, конечно, не могла быть примѣнена приведенная Гоголемъ пословица *). Между тѣмъ въ томъ же письмѣ, хотя и въ другой части его, гораздо ниже, Гоголь уже обращается къ матери съ извѣстной просьбой о доставленіи ему подробныхъ свѣдѣній о Малороссіи, для чего между прочимъ проситъ ее имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ своего повѣта. Особенно подтверждаютъ нашу догадку слова слѣдующаго письма: «Я думаю, вы не забудете моей просьбы извѣщать меня постоянно объ обычаяхъ Малороссіянъ. Я все съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего письма. Время свое я такъ расположилъ, что и самое отдохновеніе, если не теперь, то въ скорости принесетъ мнѣ существенную пользу». Наконецъ въ томъ же письмѣ отъ 30 апрѣля Гоголь высказываетъ весьма опре-

*) Быстрое и неожиданное возвращеніе Гоголя изъ-за границы, считавшееся прежде загадочнымъ, объясняется простымъ приказаніемъ матери, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ письма ея къ П. П. Косяровскому": „Николай мой много занималъ меня своими письмами изъ Германіи, описывая все, что достойно было его примѣчанія, очень занимательно, но несмотря на то, я ему велѣла возвратиться въ Петербургъ и вступить въ службу" и проч. (См. „Указатель къ письмамъ Гоголя", стр. 75).

дѣленно занимавшія его въ то время мысли и предположенія. «Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папенькины малороссійскія комедіи: «Овца-Собака» и «Романъ и Параска». Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ. За это по крайней мѣрѣ достался бы мнѣ хотя небольшой сборъ; а, по моему мнѣнію, ничего не должно пренебрегать, на все нужно обращать вниманіе. Если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему—и такъ далѣе. Самая малость иногда служитъ большою помощью». Такъ преимущественно съ практической точки зрѣнія смотрѣлъ сначала Гоголь на свои литературные опыты, на малороссійскія повѣсти, не придавая имъ, можетъ быть, того значенія, какое онъ придавалъ прежде «Ганцу Кюхельгартену», и не предвидя еще своего будущаго призванія. Тѣмъ не менѣе результатомъ обращенія къ воспоминаніямъ о родинѣ и о впечатлѣніяхъ отрочества являются чудныя страницы въ «Сорочинской Ярмаркѣ». Замѣчательно художественныя описанія природы, описанія родныхъ мѣстъ, связанныхъ съ воспоминаніями юности (Пселъ, самыя Сорочинцы), картина ярмарки—все это было, безъ всякаго сомнѣнія, воспроизведеніемъ наиболѣе яркихъ и глубокихъ впечатлѣній, таившихся въ его душѣ. Эту повѣсть, несмотря на вліяніе комедій отца, откуда взяты многіе эпиграфы и цѣлая комическая сцена, слѣдуетъ однако считать гораздо болѣе самостоятельною, нежели слѣдующую «Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы». «Сорочинская Ярмарка» была написана во второй половинѣ 1829 г., судя по тому, что Гоголь, сочиняя ее, уже имѣлъ подъ руками комедіи своего отца, которыя онъ проситъ прислать ему въ письмѣ отъ 30 апрѣля этого года. Напротивъ «Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы», написанный гораздо позднѣе, на основаніи уже доставленныхъ изъ дому источниковъ, за которые въ первый разъ благодаритъ Гоголь свою мать въ письмѣ отъ 24 іюля 1829 г., повидимому, представляетъ трудъ компилятивный, мозаичный, составленный наскоро на основаніи нѣсколькихъ источниковъ, едва ли не предпринятый, главнымъ образомъ, изъ соображеній эконо-

мическаго характера и потому блѣдный въ сравненіи съ первымъ опытомъ, какъ представлявшимъ переработку собственныхъ впечатлѣній. Въ самомъ дѣлѣ, во второмъ письмѣ изъ Петербурга Гоголь довольно подробно намѣчаетъ ту программу, которой должны придерживаться его мать и другіе собиратели необходимыхъ для него свѣдѣній и уже, очевидно, имѣетъ въ виду опредѣленный сюжетъ, для котораго подыскиваетъ матеріалъ, но когда желаніе его было исполнено, то оказалось, что почти все содержаніе повѣсти составилось изъ разныхъ отрывковъ, слѣды сшивки которыхъ могутъ быть легко замѣчены при нѣсколько внимательномъ разсмотрѣніи. Гоголь проситъ напр. въ письмѣ прислать описаніе костюма и указать точное и вѣрное названіе платья до временъ гетманскихъ, особенно костюма дьячка, далѣе самое подробное описаніе свадьбы и наконецъ разсказы о повѣріяхъ, духахъ и домовыхъ, при чемъ прямо и прежде всего указываетъ кромѣ коляды на обряды объ Иванѣ Купалѣ. Въ повѣсти мы также находимъ описанія костюмовъ въ двухъ мѣстахъ: краткое въ началѣ и подробное при описаніи свадьбы, далѣе подробно разсказаны повѣрія объ Иванѣ Купалѣ и наконецъ въ серединѣ повѣсти мы находимъ цѣлый эпизодъ, заключающій въ себѣ описаніе свадьбы со всѣми подробностями, — эпизодъ довольно мало и притомъ искусственно связанный съ остальнымъ изложеніемъ, такъ что онъ, по нашему мнѣнію, даже нарушаетъ отчасти единство и цѣлость всей повѣсти. Но въ слѣдующихъ повѣстяхъ Гоголя мы опять замѣчаемъ несомнѣнно больше самостоятельности и таланта.

Въ то же время жажда разумной дѣятельности, не мѣшавшая Гоголю иногда легко и свысока относиться къ нѣкоторымъ принятымъ на себя скромнымъ обязанностямъ, искала для себя удовлетворенія на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ и должна была поставить его сначала въ высшей степени тягостное и неопредѣленное положеніе какого-то безпрерывнаго блужданія, до тѣхъ поръ, пока съ теченіемъ времени для него не разъяснился понемногу вопросъ о направленіи своей будущей дѣятельности и способѣ примѣне-

нія силъ для осуществленія своего идеала. Поэтому мы должны строго различать въ его петербургской жизни прежде всего этотъ періодъ мучительныхъ колебаній и постепеннаго уясненія неопредѣленныхъ стремленій, періодъ, ярко характеризуемый постоянными порываніями и невѣрными шагами, вѣроятно самый тяжелый въ его жизни, кромѣ послѣдняго десятилѣтія,—періодъ, представляющій непрерывную борьбу съ самимъ собой и внѣшними обстоятельствами, при чемъ каждый шагъ на пути превращенія первоначальныхъ фантастическихъ мечтаній въ сколько нибудь реальные образы заключалъ въ себѣ серьезное пріобрѣтеніе, взятое съ бою.

Семилѣтняя жизнь Гоголя въ Петербургѣ, обнимающая все время первой его молодости, по отношенію ко внутреннему развитію писателя, представляетъ послѣдовательно сперва столкновеніе извѣстныхъ намъ неопредѣленно-гуманныхъ стремленій его юности съ дѣйствительностью и непродолжительное разочарованіе, затѣмъ подъ вліяніемъ встрѣтившихся обстоятельствъ постепенную переработку и видоизмѣненіе этихъ мечтаній, наконецъ послѣ долгихъ колебаній и уклоненій въ разныя стороны и особенно временныхъ увлеченій исторіей, представлявшейся Гоголю одно время настоящимъ его призваніемъ, его спеціальностью, потомъ опредѣленіе имъ истиннаго своего призванія и окончательное поглощеніе мечтаній дѣйствительностью. Самыя отношенія Гоголя къ негостепріимной столицѣ, съ которою въ значительной степени были связаны эти мечтанія, въ разсматриваемый промежутокъ времени также неодинаковы: прежнее убѣжденіе въ ничѣмъ незамѣнимой важности Петербурга для людей, желающихъ посвятить свои силы высокому общественному служенію, оставаясь незыблемымъ въ своемъ основаніи, теряетъ, однако, подъ конецъ значительную долю приписываемаго ей исключительнаго значенія. По крайней мѣрѣ, какъ безотчетное увлеченіе Петербургомъ, такъ и сознательное предпочтеніе его родному югу (см. письма къ Данилевскому) *), и даже

*) Въ письмѣ къ Данилевскому отъ 10 марта 1832 года, Гоголь говоритъ: „если-бы я былъ, какъ ты, военный человѣкъ, я бы съ оружіемъ въ рукахъ, доказалъ бы тебѣ, что сѣверная повелительница моего южнаго

пламенно-любимой Малороссіи, не надолго омраченное на первыхъ порахъ легкимъ разочарованіемъ, лишь нескоро уступаетъ мѣсто обратному стремленію изъ него въ любимый край, и то вовсе не вслѣдствіе недовольства самой столицей, а только невозможнымъ ея климатомъ. Такимъ образомъ и подъ вліяніемъ горячей любви къ родинѣ, не особенно продолжительное пребываніе Гоголя въ Петербургѣ составляетъ цѣлый періодъ его жизни, который можетъ быть раздѣленъ, въ свою очередь, на нѣсколько небольшихъ, поддающихся болѣе или менѣе естественному и отчетливому разграниченію отдѣловъ. При изученіи этого періода необходимо установить для болѣе удовлетворительнаго уясненія послѣдующаго изложенія исходную точку отправленія, затѣмъ отмѣтить извѣстныя грани, и, наконецъ, остановившись на нихъ подробнѣе, прослѣдить въ общихъ чертахъ развитіе Гоголя со времени самаго пріѣзда его въ Петербургъ.

VI.

Краткій обзоръ писемъ Гоголя къ матери 1829—1831 года.

Переписка Гоголя съ матерью отъ 1829 года до 1831 г. все еще далеко не можетъ быть названа ни разнообразной

сердца томительнѣе и блистательнѣе твоей кавказской. Жаль, что ты не ѣдешь въ Петербургъ; но если ты находишь выгоду въ Одессѣ, то нечего дѣлать".

Жалобы на дурную весну мы находимъ уже въ самый годъ пріѣзда Гоголя въ Петербургъ („приходъ весны въ нашу пыльную столицу, которая вовсе непохожа на весну, заставляетъ меня съ сожалѣніемъ вспоминать о нашей малороссійской веснѣ"); впослѣдствіи онѣ повторялись все чаще, чѣмъ нестерпимѣе становился для Гоголя „водяной городъ". Въ письмѣ отъ 30 марта 1832 г. (Соч. Гог., V т., 150 стр.) читаемъ: „Напиши, съ котораго времени начинается у васъ весна. Я давно не нюхалъ этого купанья", а черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ прямо говоритъ: „здѣшній проклятый климатъ убійственъ" и въ письмѣ къ матери: „здѣшній климатъ не Малороссія". Съ этихъ поръ Гоголя все болѣе начинаетъ тянуть вонъ изъ Петербурга и мысль его охотно останавливается не только на мечтахъ о жизни въ Кіевѣ, но даже въ Москвѣ.

по содержанію, ни богатой интересными для біографіи фактами. Въ этомъ отношеніи она пока представляетъ замѣтную противоположность съ послѣдующими годами его петербургской жизни, когда, сдѣлавшись человѣкомъ уже извѣстнымъ и составивъ себѣ опредѣленное положеніе, онъ вступилъ въ сферу болѣе широкихъ интересовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самый кругъ его знакомства значительно увеличился. Неудивительно поэтому, что глава, посвященная г. Кулишемъ, указанному двухлѣтію, состоитъ изъ сплошныхъ выписокъ наиболѣе важныхъ мѣстъ съ прибавленіемъ къ нимъ лишь изрѣдка, главнымъ образомъ ради связи, короткихъ замѣчаній, наполняющихъ собою перерывы. Не менѣе ощутительною является крайняя скудость воспоминаній о Гоголѣ другихъ лицъ, касающихся этого времени, изъ которыхъ кромѣ небольшой замѣтки Мундта — въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1861 г. № 235), о попыткѣ Гоголя поступить въ актеры— можно указать единственно небольшую газетную статейку въ «Берегѣ», свѣдѣнія которой почерпнуты авторомъ изъ разсказовъ товарища и сожителя Гоголя въ Петербургѣ, г. Пащенка, поселившагося въ первое время втроемъ съ Гоголемъ и Данилевскимъ *). Несмотря на свое неточное заглавіе «Гоголь въ Нѣжинѣ», статейка заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя воспоминанія и о послѣдующей его жизни. Далѣе можно указать замѣтку о службѣ Гоголя въ министерствѣ удѣловъ въ «Сборникѣ студентовъ с.-петербургскаго университета» (1857 г., т. I), заслуживающую вниманія въ томъ отношеніи, что въ ней находится извлеченіе изъ оффиціальныхъ документовъ названнаго департамента. Наконецъ остаются, нѣкоторыя мѣста изъ «Авторской Исповѣди»—и только!

Въ самыхъ письмахъ, большею частью значительныхъ по объему, много недомолвокъ и сообщеній на столько неясныхъ,

*) Впрочемъ въ письмахъ Гоголя и въ біографіи его г. Кулиша объ этомъ сожительствѣ не упоминается ни разу и даже по многимъ отрывочнымъ указаніямъ можно думать, что Гоголь жилъ только съ Данилевскимъ. Напр. на стр. 80. „Когда еще стоялъ я вмѣстѣ съ Данилевскимъ, тогда еще ничего, а теперь очень ощутительно для кармана: что тогда платили пополамъ, за то самое плачу теперь одинъ“.

что даже корреспондентка Гоголя не разъ затруднялась удовлетворительнымъ пониманіемъ и, случалось, настаивала на болѣе подробномъ и обстоятельномъ разъясненіи того, о чемъ Гоголь упоминалъ сначала только мимоходомъ. Наконецъ положеніе Гоголя, неопредѣленное и неустановившееся, въ связи съ нѣсколько смутнымъ міросодержаніемъ служитъ немалымъ затрудненіемъ для разъясненія многихъ жившихъ въ немъ противорѣчій, оставшихся большею частью неясными для него самого въ продолженіе всей жизни. Въ разсматриваемое время Гоголь рѣшительно не зналъ, какъ распорядиться собою и къ чему себя пристроить. «Прежде, чѣмъ вступить на поприще писателя—говоритъ онъ,—я перемѣнилъ множество разныхъ мѣстъ и должностей, чтобы узнать, къ которой изъ нихъ я былъ больше способенъ; но не былъ доволенъ ни службой, ни собой, ни тѣми, которые надо мною были поставлены».

Важно однако то, что въ письмахъ разсѣяно не мало отдѣльныхъ намековъ и указаній, на которые необходимо обратить вниманіе, особенно въ виду соотвѣтствія ихъ съ разсказами г. Пащенка и собственными показаніями Гоголя, и, по нашему мнѣнію, необходимо тщательно воспользоваться этими немногочисленными обрывками для цѣлей біографіи. Задача будущей полной біографіи должна заключаться, между прочимъ, въ опредѣленіи на основаніи столь скудныхъ источниковъ, что можетъ быть выдѣлено и принято изъ показаній Гоголя въ его «Авторской Исповѣди» за достовѣрное, что было имъ дѣйствительно сознаваемо и правдиво передано, и что явилось подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ мнѣній и нападокъ, посыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ и заставившихъ его во многихъ отношеніяхъ посмотрѣть на себя и на свое прошедшее иначе, нежели онъ смотрѣлъ бы независимо отъ этой причины. Особенное затрудненіе для изученія фактовъ въ данномъ случаѣ представляетъ туманность нѣкоторыхъ мѣстъ «Исповѣди», являвшаяся естественнымъ слѣдствіемъ туманности самыхъ воззрѣній автора, и та отличительная черта переписки Гоголя разсматриваемаго времени, благодаря которой онъ не любилъ преждевременно и притомъ въ опредѣ-

ленной формѣ сообщать о своихъ планахъ и предположеніяхъ, между прочимъ изъ опасенія возможныхъ неудачъ. А между тѣмъ въ разсматриваемые два года, особенно въ первый изъ нихъ, онъ дѣйствительно жилъ еще одними планами. «Наскучилъ я вамъ разсказами о себѣ», говоритъ онъ однажды матери (письмо отъ 16 апрѣля 1831 г. V т. изд. Кул., стр. 130). «Человѣкъ, какъ, кажется, съ виду ни исполненъ самоотверженія, а всегда на дѣлѣ эгоистъ, всегда охотнѣе заговаривается о себѣ». Сильно развитое самолюбіе, несомнѣнно, также часто не позволяло Гоголю ставить себя преждевременными извѣщеніями въ смѣшное или рискованное положеніе хотя бы передъ столь любимою матерью, и нельзя не согласиться, что при его самомнѣніи и широкихъ замыслахъ для такого опасенія не было недостатка въ основаніи. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ переписки, отчасти указаннымъ раньше, можно полагать, что и мать Гоголя мало была расположена выслушивать ничѣмъ не оправдываемыя мечтанія, въ чемъ ему приходилось убѣждаться и прежде, хотя она же позднѣе такъ легко поддавалась искушенію говорить объ извѣстности и дарованіяхъ своего кумира. Гоголь хорошо сознавалъ, что вполнѣ откровенное сознаніе въ занимавшихъ его мечтахъ многимъ, даже самымъ близкимъ и доброжелательнымъ людямъ, могло казаться неосновательнымъ хвастовствомъ; наконецъ онъ, можетъ быть, просто не любилъ распространяться о томъ, что относилось къ области проэктовъ, избѣгая лишнихъ разговоровъ. «Ежели для настоящаго пріобрѣтенія знаній», пишетъ онъ Петру Петровичу Косяровскому 8 сент. 1828 г. —«не буду имѣть всѣхъ способовъ, могу прибѣгнуть покуда къ другому; вы еще не знаете всѣхъ моихъ достоинствъ». (Далѣе слѣдуетъ перечень извѣстныхъ ему ремеслъ). «А что еще болѣе, за что я всегда благодарю Бога, это за свою настойчивость и терпѣніе, которыми прежде мало обладалъ: теперь ничего изъ начатого мною я не оставляю, пока совершенно не кончу. Не для того, чтобы хвалить себя, я говорю это, но чтобы обезпечить васъ насчетъ моей будущей участи». Тѣмъ не менѣе эти слова чрезвычайно похожи на похвальбу.... Были примѣры, что къ увѣреніямъ подобнаго рода мать относилась холодно; но какъ же было этого

избѣгнуть помимо скрытности при томъ высокомъ о себѣ мнѣніи, какое имѣлъ Гоголь? Впрочемъ, если въ письмахъ къ матери и проявляется такимъ образомъ сдержанность, а отчасти, и врожденная скромность нашего писателя, то она не даетъ намъ права однако относить это къ *личной* неоткровенности его къ матери, съ которой онъ всегда дѣлился своими задушевными мыслями и надеждами, но только сообщалъ о нихъ обыкновенно въ формѣ нѣсколько отвлеченной, такъ сказать, алгебраической, безъ точнаго указанія на имена и факты. Современемъ, когда исходъ его предначертаній становился извѣстенъ, то онъ немедленно и ясно, хотя и коротко, сообщалъ о немъ матери. Мы увѣрены, что при внимательномъ вниканіи удалось бы постепенно разъяснить почти все, что въ эту пору особенно занимало его мысли. Едва ли усомнится въ нашихъ выводахъ тотъ, кто возьметъ на себя трудъ прослѣдить ихъ, хотя бы при помощи бѣглаго пересмотра нѣсколькихъ писемъ, обративъ вниманіе на нѣкоторыя загадочныя выраженія въ непосредственно слѣдующихъ одно за другимъ письмахъ, очевидная связь которыхъ предстала бы въ такомъ случаѣ съ достаточною наглядностью. Надо помнить, что вообще опредѣленность и ясность непосредственно выступаютъ у Гоголя лишь тамъ, гдѣ онъ говоритъ о вещахъ обыкновенныхъ, о нуждахъ и просьбахъ, или описываетъ какую нибудь мѣстность, городъ, гулянье. Остальныя части писемъ обыкновенно или проникнуты мистическими размышленіями о своей участи и о дѣйствіи Промысла, проявляющагося въ каждомъ шагѣ юноши и въ каждомъ выдающемся событіи его жизни, или состоятъ изъ лирическихъ изліяній въ изъявленіяхъ благодарности матери за ея постоянныя попеченія и въ заботахъ о ея настоящемъ и будущемъ.

Въ свою очередь, и мать Гоголя, отпустивъ его на чужбину, естественно, относится къ нему съ величайшею заботливостью. Къ сожалѣнію, она не была чужда извѣстныхъ недостатковъ, свойственныхъ многимъ любящимъ матерямъ. Свою попечительность она простирала нерѣдко до мелочей и, смотря на вещи съ своей точки зрѣнія, склонна была придавать значеніе многому, что было ничтожнымъ въ глазахъ

сына, и, наоборотъ, игнорировать или перетолковывать по своему, иногда въ непріятномъ для сына смыслѣ, то, что составляло предметъ его особенныхъ увлеченій. Слѣды нѣкотораго взаимнаго непониманія встрѣчаются нерѣдко въ перепискѣ. Иногда, не удовлетворяясь слишкомъ короткими сообщеніями сына, мать требуетъ отъ него болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, и даже отчета, и Гоголь находитъ умѣстнымъ отвѣчать ей на запросы по пунктамъ, въ числѣ которыхъ оказываются между прочимъ свидѣтельствующіе о томъ, что ея любопытство простиралось иногда на мелочи. Такъ она желаетъ не только знать о времени поступленія сына на службу въ департаментъ удѣловъ (даже объ этомъ Н. В. не сообщилъ ей раньше ничего опредѣленнаго), но и имена всѣхъ его начальниковъ, о чемъ Гоголь и доводитъ тотчасъ же до ея свѣдѣнія, ограничиваясь однимъ голымъ перечнемъ именъ и не дѣлая никакихъ характеристикъ. Интересовалась ли мать его одною внѣшнею стороною дѣла, что и вызвало съ его стороны подобный отвѣтъ, или, напротивъ, причиной такой странности была вина несообщительнаго сына,— съ увѣренностью сказать трудно, но, повидимому, болѣе вѣроятно первое (см. письмо отъ 3 іюня 1830 г.). Часто Марья Ивановна разстроивалась и озабочивалась совершенно безразличными вещами; невозможно было предвидѣть, что ее встревожитъ, огорчитъ и обезпокоитъ. «Ваше благословеніе неотлучно со мною. Прошу только васъ не давать поселяться въ сердцѣ вашемъ безпокойству насчетъ меня. Въ письмѣ вашемъ между прочимъ вы безпокоитесь, что квартира моя на пятомъ этажѣ. Это здѣсь не значитъ ничего, и, вѣрьте, во мнѣ не производитъ ни малѣйшей усталости. Самъ государь занимаетъ комнаты не ниже моихъ; напротивъ, вверху гораздо чище и здоровѣе воздухъ» и потомъ прибавляетъ успокоеніе о начальникахъ, увѣряя, что они люди вполнѣ хорошіе и что онъ съ своей стороны ими также доволенъ. Вѣроятно, вслѣдствіе той же недостаточной сообщительности Гоголя, а также и по своей мнительной натурѣ Марья Ивановна была чрезвычайно склонна къ подозрѣніямъ и преувеличенію доходившихъ до нея извѣстій, при чемъ какъ-то слишкомъ легко вѣрила

всякимъ слухамъ. То ей представится вдругъ безъ всякаго основанія мысль, что пасквильная статья, прочитанная ею въ журналѣ, написана ея любимымъ сыномъ, и она не стѣсняется тотчасъ высказать свое нелестное предположеніе, не обращая даже вниманія на то, что статья и подписана-то другимъ именемъ и что притомъ сынъ уже предупреждалъ ее, что въ присылаемой книжкѣ его статей нѣтъ; — то она готова вѣрить разсказамъ о невоздержномъ образѣ его жизни, о несоблюденіи имъ самыхъ простыхъ правилъ вѣжливости и проч. На такіе случаи проявленія ея подозрительности приходится наталкиваться довольно часто при чтеніи писемъ. (См. особенное письмо отъ 19 дек. 1830 г., цѣликомъ посвященное Гоголемъ вынужденнымъ оправданіямъ). Незаслуженная, или по меньшей мѣрѣ преувеличенная, недовѣрчивость матери иногда заставляетъ его оправдываться и тотчасъ послѣ этого вновь извиняться въ томъ, что его оправданіе походитъ будто бы на выговоръ, тогда какъ въ сущности оно чрезвычайно сдержанно и самое рѣзкое въ немъ составляютъ два-три довольно почтительныхъ и кроткихъ упрека. «Мнѣ больно то, что вы сами, маменька, обо мнѣ говорите худое?» Или: «Не знаю, чѣмъ я утратилъ ваше ко мнѣ довѣріе; я вамъ говорилъ, что вы не встрѣтите въ присылаемомъ вамъ журналѣ ничего моего; вы мнѣ не повѣрили) *). Нѣсколько болѣе рѣзкое мѣсто встрѣчается въ одномъ письмѣ 1832 года. «Еще слово о вашемъ письмѣ: ради Бога, не будьте такъ мнительны. Если бы вы хорошенько вникнули въ мое письмо, вы бы увидѣли, что это было сказано совершенно не въ томъ смыслѣ, и вовсе не серьезно о томъ, что вы имѣете причину скрывать отъ меня. Мнѣ, просто, было досадно на вашу забывчивость, и *чтобы отомстить вамъ*

*) Впрочемъ и этимъ извиненіемъ Гоголь не ограничился; далѣе онъ прибавляетъ: „Но чувствую, что я заговорился много о пустякахъ, и мое оправданье походитъ даже нѣсколько на выговоръ. Простите, великодушная моя маменька, оскорбленному нѣкотораго рода самолюбію, которое таится у всякаго человѣка и заставляетъ его защищать себя отъ часто несправедливо возводимыхъ худыхъ качествъ“ и проч. Кажется, самый взыскательный судья не могъ бы усмотрѣть въ приводимыхъ строкахъ признаковъ сыновней непочтительности.

и разсердитъ васъ, я написалъ это». Если бы кому-нибудь попались на глаза однѣ эти строки, безъ связи съ контекстомъ, то они могли бы подать поводъ усомниться въ вѣрности освѣщенія фактовъ въ нашей группировкѣ отдѣльныхъ мѣстъ; но, чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, достаточно справиться съ тѣмъ, о чемъ говоритъ Гоголь въ предшествующемъ письмѣ, гдѣ мы читаемъ слѣдующія строки: «Признаюсь, хотя бы мнѣ очень желалось знать званіе жениха сестры, откуда онъ, отчего живетъ въ нашихъ мѣстахъ, имя, по крайней мѣрѣ фамилію; но такъ какъ вы почитаете за нужное не объявлять мнѣ это, то я и не смѣю требовать, будучи твердо увѣренъ, что вы, вѣрно, имѣете на то основательныя причины» *). Интересно знать, что увидѣла ужаснаго въ этихъ словахъ, «мать слабая, подобно всѣмъ матерямъ», но нѣтъ сомнѣнія по крайней мѣрѣ въ томъ, что она, по извѣстной пословицѣ, «изъ мухи сдѣлала слона» и что по временамъ была скупа на важныя извѣстія не меньше сына, хотя бы это происходило отъ простой разсѣянности. При такой чрезмѣрной мнительности ея удивительно не то, что Гоголь не сообщалъ ей о своихъ планахъ съ полной ясностью, но удивительна скорѣе его благородная сыновняя довѣрчивость и глубокая потребность обмѣна чувствъ, которая замѣтна на каждой страницѣ. Сдержанность и у него проявлялась до нѣкоторой степени и относилась преимущественно къ области тѣхъ мечтаній, которыя могли и не осуществиться, но въ остальномъ онъ былъ, кажется, вполнѣ откровененъ, и въ бесѣдахъ съ матерью у него вырываются-таки иногда и не совсѣмъ скромныя, но естественныя и извинительныя въ интимной перепискѣ увѣренія въ своей твердости и энергіи, качествахъ, которыми онъ, повидимому, гордился больше всего,

*) Рѣчь идетъ о предстоявшей свадьбѣ старшей сестры Гоголя, Маріи Васильевны, съ Павломъ Осиповичемъ Трушковскимъ, о которомъ см. въ „Указателѣ къ письмамъ Гоголя“, стр. 60. Объ этомъ бракѣ Марья Ивановна извѣщала П. П. Косяровскаго въ слѣдующихъ строкахъ: „По волѣ Божіей у меня теперь перемѣна въ семействѣ: дочь моя, Машенька, вышла замужъ за уроженца краковскаго, служащаго въ Полтавѣ“.

какъ видно и изъ письма къ Петру Косяровскому. «Вы знаете, что я одаренъ твердостью, даже рѣдкою въ молодомъ человѣкѣ». Или въ письмѣ къ матери: «Чего не извѣдалъ я въ короткое время? Иному во всю жизнь не случалось имѣть такого разнообразія. Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого, я думаю, рѣдкій царь могъ имѣть. Зато какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ! какая неуклонная твердость и мужествовъ душѣ моей! Неугасимо горятъ во мнѣ стремленія—польза. Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства» и проч... *).

Возвращаясь опять къ характеристикѣ отношеній матери къ Гоголю, отмѣтимъ еще нѣсколько однородныхъ фактовъ, чтобы имѣть право сдѣлать окончательный выводъ и отклонить отъ себя возможное обвиненіе въ пристрастномъ отношеніи къ нашему писателю. Мы видѣли раньше, что стоило Гоголю, еще бывши гимназистомъ, заикнуться о своихъ опасеніяхъ относительно предстоящаго экзамена, и матери уже представлялось, что все время школьнаго обученія для него пропало даромъ; то же самое было и теперь: едва только она узнала изъ письма о его болѣзни, какъ ей тотчасъ приходитъ на мысль, что его постигла именно самая мучительная и позорная болѣзнь, и она, не долго думая, рѣшается высказать ни на чемъ не основанное подозрѣніе. «Въ первый разъ въ жизни, и дай Богъ, чтобы въ послѣдній, получилъ такое страшное письмо. Мнѣ казалось все равно, какъ-будто я слышу проклятіе», отвѣчалъ на это Гоголь. Неудивительно послѣ этого, что въ другой разъ по поводу безпокойства, вызваннаго сообщеніемъ о пораненіи руки стекломъ, Гоголь уже самъ успокоиваетъ мать. «До сихъ поръ не могу постичь, отчего произошло недоумѣніе и безпокойство, услышавши, что я обрѣзалъ стекломъ себѣ руку (еще бы ничего, если бы кинжаломъ, ножемъ или другимъ какимъ орудіемъ). Не представлялось ли вамъ, почтеннѣйшая маменька, что я гдѣ-нибудь на вакхической пирушкѣ, въ припадкѣ излишней веселости, вздумалъ поколотить рюмки и бутылки, или, чего

*) См. „Указатель къ письмамъ Гоголя“, стр. 78.

добраго, не пожелалось ли мнѣ пролѣзть куда-нибудь въ окошко?» Неудивительно также, что ему приходится наконецъ увѣрять, что «нравственность его въ бытность въ Петербургѣ была чище, нежели въ заведеніи и дома».

VII.

Попытки Гоголя найти опредѣленное поприще дѣятельности въ Петербургѣ.

«Труднѣе всѣхъ на свѣтѣ тому», говоритъ Гоголь въ «Авторской Исповѣди», «кто не прикрѣпилъ себя къ мѣсту, не опредѣлилъ себѣ, въ чемъ его должность. Ему труднѣе всѣхъ примѣнить къ себѣ законъ Христовъ, который (существуетъ) на то, чтобы исполнять его на землѣ, а не на воздухѣ; а потому и жизнь должна быть для него загадкою». Эти слова, вышедшія изъ устъ писателя въ такую минуту, когда онъ всего менѣе могъ быть расположенъ къ притворству, высказывая съ горечью, что давно уже наболѣло на сердцѣ и было плодомъ давняго убѣжденія, заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, вниманія какъ вообще, такъ особенно въ примѣненіи къ первымъ годамъ его жизни въ Петербургѣ. Кромѣ естественнаго психологическаго основанія насъ убѣждаетъ въ томъ и собственное невольное признаніе автора, хотя онъ совсѣмъ не думалъ примѣнять приведенныя слова къ себѣ, считая себя, можетъ быть, возвысившимся надъ изображеннымъ въ нихъ положеніемъ *). Не будемъ говорить о не-

*) Надо помнить, что онъ постоянно чувствовалъ то склонность къ самому искреннему самовозвеличенію, то потребность каяться въ гордыхъ помыслахъ, особенно въ случаѣ какой-нибудь неудачи, и эти противорѣчивыя побужденія удивительнымъ образомъ переплетаются между собой иногда на одной и той же страницѣ какъ въ юношеской перепискѣ, такъ и въ „Исповѣди“. Приведенныя строки, внесенныя въ данномъ случаѣ къ другимъ, но выраженныя въ формѣ сентенціи общаго характера, могли быть въ другой разъ отнесены авторомъ къ самому себѣ, какъ и все, что онъ говоритъ передъ этими строками объ истинномъ христіанинѣ.

сомнѣнномъ сходствѣ, которое обнаруживается въ эти раздѣленные между собою почти двадцатилѣтнимъ промежуткомъ признанія сходства во взглядѣ на свое назначеніе, въ религіозной основѣ міросозерцанія и проч., но именно мучительная неопредѣленность стремленій остается почти та же*). Недаромъ онъ сравниваетъ и отождествляетъ самъ свои стремленія и нравственное состояніе съ тѣмъ, въ которомъ онъ находился послѣ страшнаго разочарованія, причиненнаго неуспѣхомъ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями»; недаромъ онъ говоритъ, что «внутренне никогда не мѣнялся». Какъ въ ранней юности, такъ точно и на склонѣ своей дѣятельности, Гоголя воодушевляла отвлеченная идея служенія родинѣ, но вопросъ о выборѣ опредѣленнаго поприща для дѣятельности былъ въ его глазахъ всегда второстепеннымъ. Въ эпоху «Авторской Исповѣди» для него всѣ должности были равны и ему хотѣлось служить *въ какой бы то ни было*, самой мелкой и незамѣтной должности, но служить землѣ своей такъ, какъ онъ хотѣлъ въ дни юности, и даже гораздо лучше, нежели тогда хотѣлъ». «Послѣ долгихъ лѣтъ и трудовъ и опытовъ и размышленій, идя видимо впередъ, говоритъ онъ, «я пришелъ къ тому, о чемъ уже помышлялъ во время моего дѣтства: что назначеніе человѣка—служить и что вся жизнь наша есть служба. Не забывать только нужно того, что взято мѣсто затѣмъ, чтобы служить Государю небесному. Только такъ служа, можно угодить всѣмъ: и государю, и народу, и землѣ своей». Можно только удивляться, какъ мало все-таки измѣнился въ продолженіе двадцати лѣтъ въ своихъ главныхъ чертахъ внутренній міръ поэта и какъ мало вліяли на него внѣшнія отношенія, его *связи* съ передовыми людьми своего времени и самый жизненный опытъ, казалось бы, столь богатый и разносторонній при его умѣ и наблюдательности. Разница замѣтна однако въ томъ, что, впослѣдствіи Гоголю казались всѣ должности равны, тогда какъ въ юношеской

*) Точнѣе: Гоголь въ половинѣ сороковыхъ годовъ, такъ сказать, сбитый съ позиціи, разбитый и измученный, возвращается къ тому же состоянію, которое имъ было уже когда-то пережито.

перепискѣ его мы находимъ презрительные отзывы о незначительныхъ должностяхъ.

Смутное представленіе о способѣ осуществленія лучшихъ своихъ стремленій не могла, конечно, не сдѣлаться для Гоголя источникомъ тяжкихъ нравственныхъ мученій при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Необходимость опредѣлить точно родъ будущей дѣятельности представилась Гоголю еще до окончанія курса, и тогда ему казалось, что задача уже рѣшена, хотя вскорѣ послѣ того пришлось въ томъ разубѣдиться и составлять новые планы. «Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія», пишетъ онъ дядѣ, «всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ — на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только могу я быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъ блага. Два года занимался я постоянно изученіемъ правъ другихъ народовъ и естественныхъ, какъ основныхъ для всѣхъ законовъ; теперь занимаюсь естественными». Авторъ предназначалъ себя къ дѣятельности въ юридической сферѣ. Но такое рѣшеніе, исходя изъ отвлеченныхъ соображеній и не основываясь на влеченіи къ избираемой профессіи, естественно не могло быть прочнымъ и вскорѣ было оставлено навсегда.

Положеніе Гоголя въ первое время послѣ переселенія въ Петербургъ напоминаетъ отчасти положеніе Тентетникова при вступленіи въ жизнь и послѣ первыхъ невзгодъ по службѣ. «Молодость», говоритъ онъ въ началѣ второй части «Мертвыхъ Душъ», «счастлива тѣмъ, что у нея есть будущее». «По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце Тентетникова билось. Онъ говорилъ себѣ: «Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленіе къ жизни, настоящая жизнь на службѣ: тамъ подвиги. И по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, онъ понесся въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится отъ всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь». Черезъ нѣсколько времени мы видимъ въ Тентетниковѣ такъ же, какъ

и въ Гоголѣ, разочарованіе въ надеждахъ и охлажденіе къ службѣ. «Скоро Тентетниковъ свыкнулся со службою, но только она сдѣлалась для него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить оставшимися минутами». Не то же ли было и съ Гоголемъ? *) О службѣ Гоголя г. Пашковъ сообщаетъ слѣдующее:

«Не имѣя ни призванія, ни охоты къ службѣ, Гоголь тяготился ею, скучалъ, и потому часто пропускалъ служебные дни, въ которые онъ занимался на квартирѣ литературою. Вотъ послѣ двухъ-трехъ дней пропуска является онъ въ департаментъ, и секретарь или начальникъ отдѣленія дѣлаютъ ему замѣчанія: «такъ служить нельзя, Николай Васильевичъ; службой надо заниматься серьезно. Гоголь вынимаетъ изъ кармана загодя приготовленное на Высочайшее имя прошеніе объ увольненіи отъ службы и подаетъ. Увольняется и опредѣляется нѣсколько разъ».

Марья Ивановна, какъ мы видѣли, старалась, насколько могла, окружить сына покровительствомъ сильныхъ міра, въ чемъ ей помогали между прочимъ такія лица, какъ Трощинскій, который, по словамъ Пащенка, далъ ему рекомендательное письмо къ министру народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ Гоголь вовсе не былъ оставленъ на произволъ судьбы и могъ надѣяться не на однѣ собственныя силы; несомнѣнно даже, что именно «покровители» помогли ему такъ скоро найти обезпечивающее мѣсто въ министерствѣ удѣловъ. Правда, въ силу ли незначительности обѣщанной протекціи, или собственной непредпріимчивости Гоголя въ смыслѣ искательства, долгое время она не принесла нашему писателю никакой существенной пользы, но, повидимому, онъ не отклонялъ ее, хотя и пользовался ею довольно вяло и неохотно **). Въ-

*) Извѣстные факты изъ жизни и дѣятельности другихъ писателей позволяютъ предполагать и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненій Гоголя, если не воспоминанія, имѣющія автобіографическое значеніе, то, можетъ быть, безсознательное отраженіе того, что было пережито авторомъ.

**) Въ числѣ другихъ рекомендательныхъ писемъ у Гоголя было также письмо Трощинскаго къ Логину Ивановичу Голенищеву-Кутузову. Слѣду-

роятно, надеждой на протекцію объясняется до нѣкоторой степени его прихотливая разборчивость въ отношеніи къ предлагаемымъ занятіямъ. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ изъ Петербурга этотъ *нуждающійся* молодой человѣкъ смотритъ свысока на мѣсто въ тысячу рублей жалованья. «Можетъ быть, на дняхъ откроется мѣсто повыгоднѣе и поблагороднѣе», говоритъ онъ, «но, признаюсь, ежели и тамъ нужно будетъ употреблять столько времени на глупыя занятія, то я—слуга покорный». Такой успѣхъ на первыхъ шагахъ не мѣшаетъ, однако, Гоголю утверждать потомъ, что «вездѣ совершенно встрѣчалъ онъ однѣ неудачи, и, что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я, съ помощью своихъ *покровителей,* не могъ достигнуть». А между тѣмъ изъ слѣдующаго письма оказывается, что должность, о которой онъ говоритъ, не только могла доставить ему годовое содержаніе, но даже возможность помогать матери, что было тогда его задушевной мечтой. Правда, вскорѣ оказывается также, что вмѣсто тысячи рублей онъ

етъ замѣтить по этому поводу нѣсколько строкъ изъ одного письма Гоголя къ матери пропущеннаго въ изданіи Кулиша, но сохранившагося въ извлеченіи въ письмѣ Маріи Ивановны къ П. П. Косяровскому: „Николенька мой о сю пору не опредѣленъ еще на службу. Покойный благодѣтель нашъ, Дмитрій Прокофьевичъ, говорилъ мнѣ, чтобы я не скучала его нескорымъ опредѣленіемъ, потому что Кутузовъ выискиваетъ для него хорошую и выгодную должность, что чрезвычайно трудно теперь на штатской службѣ, гдѣ совершенно набито людей. Я о семъ писала Николѣ своему, чтобы онъ не наскучилъ Кутузову и положился бы съ терпѣніемъ на его стараніе, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: *„Вы мнѣ совѣтуете не безпокоить Логина Ивановича моимъ опредѣленіемъ: оно бы и хорошо, когда бы я могъ ничего не ѣсть, не нанимать квартиры и не изнашивать сапогъ, но такъ какъ я не имѣю сихъ талантовъ, т. е. жить воздухомъ, то и скучаю своимъ бездѣйствіемъ, сидя въ холодной комнатѣ и имѣя величайшее несчасшіе просить у васъ денегъ, знавши теперешнія Ваши обстоятельства“*. И я должна была опять занять и послать ему денегъ. Видно, онъ былъ въ самомъ тревожномъ положеніи, что прибавилъ: *„Недаромъ я не любилъ никакихъ протекцій: безъ нихъ давно бы я опредѣлился къ мѣсту“*. („Указатель къ письмамъ Гоголя“, стр. 43—45).

получалъ первое время только половину и что «послѣ безконечныхъ исканій ему удалось достать мѣсто незавидное, что важной протекціи онъ не имѣлъ, что «*покровители*» водили его до тѣхъ поръ, пока не заставили его усомниться въ самой возможности осуществленія («сбыточности») ихъ обѣщаній, но вѣдь этого предвидѣть заранѣе онъ не могъ и къ тому же скоро онъ опять надѣется получить штатное мѣсто, до котораго «многіе по пяти лѣтъ дослуживаются, а иные даже по десяти, и не получаютъ».

Нравственное состояніе Гоголя во все это время было самое неопредѣленное и неровное. Онъ постоянно переходитъ отъ надежды къ разочарованію и снова затѣмъ возвращался къ свѣтлому настроенію, не давая овладѣвать собою отчаянію. Въ трудностяхъ жизни его поддерживалъ оптимизмъ, находившій себѣ основу и оправданіе въ его увѣренности въ высокомъ своемъ призваніи и склонности толковать случайности въ свою пользу. Этимъ объясняется и его кажущаяся безпечность при томъ подавленномъ состояніи, которое онъ не разъ характеризуетъ самъ въ своихъ письмахъ. «Мысли тучами налегаютъ одна на другую, не давая одна другой мѣста, и непонятная сила нудитъ и вмѣстѣ отталкиваетъ ихъ излиться передъ вами и высказать всю глубину истерзанной души». Въ другой разъ онъ пишетъ матери: «Простите своему несчастному сыну, который одного только желалъ бы нынѣ—повергнуться въ объятія ваши и излить передъ вами изрытую и опустошенную бурями душу свою, разсказать всю тяжкую повѣсть свою». Въ то же время, по воспоминаніямъ товарища, Гоголь вмѣстѣ съ Кукольникомъ были душою веселаго малороссійскаго кружка, состоявшаго изъ десяти товарищей-однокашниковъ» (въ томъ числѣ были: Прокоповичъ, Данилевскій, Пащенко, Кукольникъ, Базили, Гребенка, Мокрицкій и другіе). «Товарищи», разсказываетъ г. Пашковъ, «сходились у кого нибудь изъ своихъ, составляя тѣсный, пріятельскій кружокъ, и весело проводили время». Хандру тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ слѣдуетъ считать, очевидно, явленіемъ мимолетнымъ, не оставившимъ послѣ себя серьезныхъ слѣдовъ, кромѣ развѣ нѣкоторой распущенности, помѣ-

шавшей Гоголю воспользоваться протекціей Трощинскаго. «Пріѣхали они въ Петербургъ», продолжаетъ г. Пашковъ, «остановились въ скромной гостинницѣ и заняли въ ней одну комнату съ передней (Гоголь, Данилевскій и Пащенко). Живутъ пріятели недѣлю, живутъ и другую, и Гоголь все собирался ѣхать къ министру, собирался, откладывалъ со дня на день, такъ прошло шесть недѣль, и Гоголь не поѣхалъ... Письмо такъ у него и осталось». Непредпріимчивость Гоголя въ данномъ случаѣ происходила, вѣроятно, отъ несочувствія къ самому предмету ходатайства, такъ какъ съ увлеченіемъ онъ могъ приниматься за такое дѣло, въ которомъ видѣлъ осуществленіе своей завѣтной цѣли, тогда какъ ко многимъ родамъ дѣятельности онъ относился равнодушно и, уже поступивши на службу, какъ мы видѣли, часто готовъ былъ оставить ее при первомъ поводѣ.

Во все время своихъ продолжительныхъ и безплодныхъ стремленій найти опредѣленный родъ занятій, Гоголь не переставалъ постоянно надѣяться на собственныя силы и на помощь Божію. Съ самаго начала онъ вооружается терпѣніемъ и, при безпечномъ и нерадивомъ отношеніи къ навязываемымъ протекціямъ, какъ человѣкъ, одаренный энергіей, но не опредѣлившій себѣ еще точно будущей дѣятельности, составляетъ собственные планы, принимаясь за многое въ надеждѣ найти успѣхъ здѣсь или тамъ. Не скрывая отъ матери своихъ житейскихъ затрудненій, онъ высказываетъ въ то же время твердую рѣшимость побѣдить ихъ. Разсказавъ объ ужасной петербургской дороговизнѣ, онъ восклицаетъ: «Какъ въ этакомъ случаѣ не приняться за умъ, за вымыселъ, какъ бы добыть этихъ проклятыхъ, подлыхъ денегъ, которыхъ хуже я ничего не знаю въ мірѣ? вотъ я и рѣшился...» и затѣмъ прибавляетъ извѣстное намъ обѣщаніе сообщить въ слѣдующемъ письмѣ о результатахъ своихъ исканій. Здѣсь, очевидно, рѣчь касается многихъ плановъ. Въ это время Гоголь задумываетъ нѣсколько литературныхъ предпріятій и печатаетъ «Ганца Кюхельгартена» (вышедшаго въ іюнѣ того же года). Жаль, что намъ остается неизвѣстнымъ, о чемъ говоритъ Гоголь въ слѣдующихъ словахъ цитирован-

наго выше письма: «Работы мои подвинулись, и я, наблюдая внимательно за ними, надѣюсь въ недолгомъ времени добыть что-нибудь». Въ слѣдующемъ письмѣ, очевидно сообщая о результатахъ своихъ начинаній, онъ замѣчаетъ: «Нынѣшнія извѣстія письма моего не будутъ слишкомъ утѣшительны для васъ, почтеннѣйшая маменька. Мои надежды (разумѣется, малая часть оныхъ) не выполнились. Хорошо же, что я не вдавался увѣрительно имъ; что имѣю достаточный запасъ сомнѣнія во всемъ, могущемъ случиться». Гоголь говоритъ далѣе о несостоявшейся поѣздкѣ за-границу, разстроившейся вслѣдствіе смерти его друга (не Высоцкаго ли?). «Великодушный другъ мой, доставлявшій мнѣ все это, скоропостижно умеръ; его намѣренія и мои предположенія лопнули, и я теперь испытываю величайшій ядъ горести; но она не отъ неудачи, а оттого, что я имѣлъ одно существо, къ которому истинно было привязался навсегда, и Небу угодно было лишить его»). Черезъ нѣсколько строкъ онъ говоритъ о томъ, что остается въ Петербургѣ и что ему предлагаютъ мѣсто, но не на него, конечно, намекалъ онъ раньше, потому что этотъ планъ ему не нравится и могъ имѣть значеніе развѣ «послѣ другой или третьей неудачи». Далѣе онъ продолжаетъ: «Но за цѣну ли, едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать свое здоровье и драгоцѣнное время? и на что же? на совершенные пустяки,—на что это похоже? въ день имѣть свободнаго времени не болѣе, какъ два часа» и проч. и заключаетъ свою тираду словами: «Итакъ я стою въ раздумьѣ на жизненномъ пути, ожидая еще рѣшенія нѣкоторымъ моимъ ожиданіямъ»... На неудачи свои онъ смотрѣлъ, какъ на наказаніе за нарушеніе Божественной воли. Поэтому, собираясь ѣхать за-границу, уже самостоятельно, послѣ того какъ не удалась поѣздка съ другомъ, онъ считаетъ свои неудачи «налегшею на него справедливымъ гнѣвомъ Десницу Всемогущаго за то, что онъ хотѣлъ противиться вѣчнымъ, неумолкаемымъ движеніямъ души», — на томъ основаніи, что ихъ «Богъ вдохнулъ», претворивъ въ него «жажду, ненасытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта. *Онъ указалъ мнѣ* путь въ землю чуждую, чтобы тамъ

воспитать свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда былъ бы въ состояніи разсѣять благо и работать на пользу міра. И я осмѣлился откинуть эти Божественные промыслы (sic!) и пресмыкаться въ столицѣ, издерживая жизнь такъ безплодно». Безнадежная любовь къ неизвѣстной особѣ, не отвѣчавшей ему взаимностью, была, по его убѣжденію, очевиднымъ наказаніемъ за то, что онъ медлилъ цѣлые мѣсяцы, упорствовалъ. «Не явный ли здѣсь надо мною Промыселъ Божій», восклицаетъ Гоголь, нимало не подозрѣвая, какъ гадательны и субъективны всѣ его попытки уяснить себѣ волю Провидѣнія. Онъ такъ убѣжденъ въ томъ, что понялъ Высшую волю, что восклицаетъ съ увѣренностью: «Въ умиленіи призналъ я пекущуюся обо мнѣ Десницу». Но въ скоромъ времени взглядъ его измѣняется и онъ уже иначе объясняетъ себѣ волю Промысла и уже долженъ сознаться, что онъ *напрасно старался увѣрить самого себя*, будто «принужденъ повиноваться волѣ Того, Который управляетъ нами свыше», и наконецъ готовъ неудачную свою поѣздку приписывать внушеніямъ гордости: «Богъ унизилъ мою гордость—Его святая воля!».

Самою выдающеюся чертой въ юношескомъ міросозерцаніи Гоголя является именно это стремленіе отгадать въ событіяхъ своей жизни проявленіе Промысла и истинное значеніе его указаній. Гоголь не только глубоко вѣровалъ въ непогрѣшимость своихъ основныхъ идеаловъ и сложившихся взглядовъ на свое назначеніе, но и каждую неудачу объяснялъ непремѣнно карой за неповиновеніе волѣ Божіей. На этомъ убѣжденіи основывался его оптимизмъ, служившій для него постояннымъ утѣшеніемъ и находившій себѣ исходъ въ склонности къ толкованіямъ часто простыхъ случайностей въ лестномъ для него смыслѣ. Гоголь, безъ сомнѣнія, былъ человѣкъ глубокой вѣры и въ его напыщенныхъ иногда тирадахъ нѣтъ ни безсодержательнаго фразерства, ни лицемѣрія. Жизнь была исполнена для него глубокаго и таинственнаго смысла и онъ имѣлъ на нее взглядъ діаметрально противоположный

убѣжденіямъ тѣхъ людей, которые видятъ въ ней только безсмысленную цѣпь случайностей. Взглядъ этотъ проявляется такъ или иначе почти въ каждомъ письмѣ. Напр. «Какъ много еще отъ меня закрыто тайною, и я съ нетерпѣніемъ желаю вздернуть таинственный покровъ и въ слѣдующемъ письмѣ извѣщу объ удачахъ или неудачахъ». Въ другомъ мѣстѣ: «если получу вѣрный и несомнѣнный успѣхъ, напишу вамъ». Воззрѣніе, высказываемое послѣдовательно и систематически въ продолженіе цѣлой жизни, не можетъ быть принятой на себя маской. Невозможно представить, чтобы Гоголь не покидалъ своего притворства даже въ интимныхъ письмахъ.

Укажемъ еще нѣсколько мѣстъ, гдѣ Гоголь утѣшаетъ себя и мать надеждой на лучшую будущность, основанной на такихъ же догадкахъ о цѣляхъ Провидѣнія. «Пора бы, кажется, счастью обратиться къ намъ; но Провидѣніе, вѣрно, съ намѣреніемъ такъ медлитъ, и мы должны благословлять Его святую волю». Или: «Изрѣдка такъ, какъ будто отъ самого Бога, посѣщаетъ меня мысль, что, можетъ быть, все это дѣлается съ намѣреніемъ; можетъ быть, сѣются между нами огорченія для того только, чтобы мы могли потомъ безмятежно и радостно пользоваться жизнью» и проч. *).

Намъ остается упомянуть о томъ, что въ началѣ 1830 года Гоголь думалъ было между прочимъ поступить на сцену. Хотя г. Мундтъ относитъ по памяти это время къ 1830 или 1831 году; но уже въ серединѣ 1830 карьера нашего писателя точно опредѣлилась и онъ не былъ болѣе въ положеніи непристроеннаго молодого человѣка, слѣдовательно не могъ на вопросъ князя Гагарина, почему онъ не намѣревается служить, отвѣтить, что служба не можетъ доставить большого обезпеченія. Странно только, что Гоголь утверждалъ тогда, будто никогда раньше не игралъ. Князь поручилъ своему чиновнику Храповицкому испытать Гоголя, предупредивъ его заранѣе, что напрасно онъ считаетъ сценическую

*) Ср. указанные выше взгляды Маріи Ивановны на счастье, стр. 34 (конецъ) и 35.

дѣятельность столь легкою и доступною для каждаго и, высказалъ мнѣніе, что Гоголь долженъ быть болѣе способенъ къ исполненію комическихъ пьесъ, нежели драматическихъ, на которыя онъ себя предлагалъ. Испытаніе оказалось неудачнымъ. Гоголю дали прочесть два отрывка изъ пьесъ Хвостова и Храповицкій нашелъ, что онъ читаетъ слишкомъ просто, безъ всякаго выраженія. Причиною такого отзыва была, вѣроятно, засвидѣтельствованная г. Мундтомъ принадлежность Храповицкаго къ той группѣ цѣнителей сценическихъ талантовъ, которая необходимымъ условіемъ мастерского чтенія считала напыщенную декламацію. Впрочемъ тотъ же Мундтъ передаетъ, что Гоголь смутился, читалъ вяло, и, повидимому, самъ замѣтилъ произведенное имъ на слушателей невыгодное впечатлѣніе, и уже не являлся за отвѣтомъ. Храповицкій подалъ о Гоголѣ князю записку, въ которой утверждалъ о совершенной неспособности его къ игрѣ и находилъ возможнымъ принять его, въ случаѣ особенной милости князя, развѣ на «выходъ» *).

1830 года 10 апрѣля Гоголь поступилъ уже на службу въ департаментъ удѣловъ, какъ видно изъ выданнаго ему департаментомъ аттестата при увольненіи. Онъ получилъ мѣсто помощника столоначальника, которое и занималъ до 1832 г. 9 марта 1831 года («Сборн. студ. С.-Петерб. Унив». 1857,1). Впрочемъ, вѣроятно, Гоголь еще раньше служилъ въ департаментѣ, судя по слѣдующимъ словамъ письма къ матери отъ 2 апрѣля 1830 года: «Въ самое это время, когда я хотѣлъ оканчивать письмо мое къ вамъ, посѣтилъ меня начальникъ мой по службѣ съ не совсѣмъ дурною новостью, что жало-

*) Въ одномъ недавно появившемся за-границею почтенномъ трудѣ о русской литературѣ, „Literarische Streifzüge durch Rußland“ Цабеля, на стр. 15, читаемъ слѣдующее курьезное сообщеніе о намѣреніи Гоголя поступить въ актеры въ Гамбургѣ:

„Nachdem er seine Schulstudien in Neshin beendigt hatte, siedelte er nach Petersburg über, wo er in sehr abenteuerliche Verhältnisse hineingerieth. Er versuchte als Schreiber in einem Ministerium seinen Lebensunterhalt zu bestreiten, und als das nicht ging, gedachte er zuerst russischer, dann deutscher Schauspieler zu werden (!), wobei er bis nach Hamburg verschlagen wurde“.

ванья мнѣ прибавляютъ еще двадцать рублей въ мѣсяцъ». Въ это время онъ снова приходитъ къ убѣжденію, что онъ совершенно все потерялъ бы, если бы уѣхалъ изъ Петербурга. «Здѣсь только человѣку достигнуть можно чего-нибудь; тутъ тысяча путей для него; нужно только употребить терпѣніе, съ которымъ можно-таки дождаться своего» и проч. Сообщенія со стороны Гоголя о поступленіи его на службу передъ этимъ мы, однако, нигдѣ ненаходимъ; письмо было, вѣроятно, затеряно. Все это время Гоголь продолжалъ испытывать нужду и былъ принужденъ не разъ обращаться за денежною помощью къ своему дядѣ Андрею Андреевичу Трощинскому, что его, разумѣется, чрезвычайно стѣсняло и тяготило *). Ему приходилось выслушивать даже попреки и напоминанія о томъ, что у Андрея Андреевича есть также семейство и что его дѣла находятся не въ блестящемъ состояніи. Его не мало смутило однажды неожиданное извѣстіе о томъ, что «благодѣтель» его собирался совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга. Наконецъ Гоголь сознается однажды матери въ невинной лести своей Андрею Андреевичу: «Письмо ваше, пущенное 14 октября, я получилъ, но не отвѣчалъ такъ долго потому, что вручилъ незадолго передъ нимъ одно письмо Андрею Андреевичу, по его требованію, въ собственныя его руки, незапечатанное; слѣдовательно, вы не подивитесь, если я въ немъ немного польстилъ ему. Впрочемъ онъ точно для меня много сдѣлалъ: по его милости, я теперь имѣю теплое на зиму платье, также заплатилъ должное мною за квартиру». Впрочемъ и въ другихъ письмахъ Гоголь замѣчаетъ, что хорошо еще, что онъ имѣлъ все это время «такого рѣдкаго благодѣтеля, какъ Андрей Андреевичъ». Нужда Гоголя доходила до того, что онъ «всю зиму отхваталъ въ лѣтней шинели». Благодарность свою богатому родственнику Гоголь побуждаетъ высказать также и мать свою «въ живѣйшихъ и трогательнѣйшихъ выраженіяхъ», совѣтуя вмѣстѣ съ тѣмъ сказать о себѣ, что онъ въ своихъ письмахъ къ ней «не можетъ нахвалиться ласками и благо-

*) См. „Указатель къ письмамъ Гоголя“, стр. 77.

дѣяніями, безпрестанно ему оказываемыми». Ему тяжело лишній разъ заикнуться о своихъ нуждахъ....

При подобныхъ условіяхъ Гоголь, однако, не рѣшается покинуть Петербургъ, и хотя высказываетъ однажды намѣреніе проситься въ провинцію, но это намѣреніе было вынужденное и мимолетное. «Признаюсь, Боже сохрани, если доведется ѣхать въ Россію! По моему, ежели ѣхать, такъ ужъ ѣхать въ одну Малороссію. Но, признаюсь, если разсудить, какъ нужно, то несмотря на мою охоту и желаніе ѣхать въ Малороссію, я совершенно потеряю все, если удалюсь изъ Петербурга».

Въ такомъ положеніи оставался Гоголь до начала 1831 года, когда слѣдующія слова его свидѣтельствовали ясно, что внѣшнія его условія и самое настроеніе значительно измѣнились къ лучшему. «Вѣрьте, что Богъ ничего не готовитъ въ будущемъ, кромѣ благополучія и счастія. Источникъ ихъ находится въ самомъ нашемъ сердцѣ. Чѣмъ оно добрѣе, тѣмъ болѣе имѣетъ притязаній и правъ на счастіе. Какъ благодарю я вышнюю Десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ! Ни на какія драгоцѣнности въ мірѣ не промѣнялъ бы ихъ. Чего не извѣдалъ я въ то короткое время! Иному во всю жизнь не случилось имѣть такого разнообразія. Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого, я думаю, рѣдкій царь могъ имѣть. За то теперь какая тишина въ моемъ сердцѣ! какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей! Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе — польза. Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства» *). Въ этихъ словахъ Гоголь подводитъ итоги впечатлѣніямъ, пережитымъ въ первые два года своей петербургской жизни, и отмѣчаетъ

*) Эти строки письма Марья Ивановна воспроизводитъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ П. П. Косяровскому:

„Я получила отъ Николеньки письмо очень пріятное, что онъ счастливо продолжаетъ службу и благодаритъ Бога за претерпѣнныя имъ нужды и *разнообразія*, которыхъ иному во весь вѣкъ не придется испытать. „За то“, пишетъ, „какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ и какая твердость въ душѣ моей, и какъ пріятно мнѣ, что не я ищу, но моего ищутъ знакомства“.

перемѣну, происшедшую въ его судьбѣ и положеніи. Съ этихъ поръ онъ становится въ ряды признанныхъ литераторовъ и пріобрѣтаетъ прочное и почетное положеніе. Теперь онъ радуется совѣту докторовъ поменьше сидѣть на мѣстѣ во избѣжаніе гемороидовъ, какъ внѣшнему поводу для оставленія службы. «Я душевно былъ радъ оставить ничтожную службу, ничтожную, я полагаю, для меня, потому что иной Богъ знаетъ за какое благополучіе почелъ бы занять оставленное мною мѣсто. Но путь у меня другой, дорога прямѣе, и въ душѣ болѣе силы идти твердымъ шагомъ».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ стр. 6. Въ только-что вышедшей книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ (1886, 12) мы нашли совершенно неожиданно подтвержденіе нашихъ словъ о томъ, что въ концѣ своей жизни Гоголь одинаково высоко цѣнилъ русскую и малороссійскую народность. Приводимъ нѣсколько строкъ, ближе другихъ подходящихъ къ нашей цѣли. „Русскій и малороссъ — это души близнецовъ, пополняющія одна другую, родныя и одинаково сильныя. Отдавать предпочтеніе одной, въ ущербъ другой, невозможно“. („Знакомство съ Гоголемъ“. Г. П. Данилевскаго, стр. 479). Отмѣтимъ кстати, что цитированныя выше свѣдѣнія изъ воспоминаній Г. П. Данилевскаго повторены и въ послѣднемъ нумерѣ „Историческаго Вѣстника“.

Къ стр. 23. Желательно широкое распространеніе сочиненій Гоголя и въ народной средѣ. Нельзя не вспомнить по этому поводу хорошо всѣмъ извѣстныхъ, прекрасныхъ стиховъ Некрасова:

„Эхъ! эхъ! придетъ ли времячко
Когда (приди желанное!..)
Дадутъ понять крестьянину,
Что розь портретъ портретику,
Что книга книгѣ розь.
Когда мужикъ не Блюхера
И не милорда глупаго —
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ?
Ой, люди, люди русскіе!
Крестьяне православные!
Слыхали-ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великія:
Носили ихъ, прославили
Заступники народные!
Вотъ вамъ бы ихъ портретики
Повѣсить въ вашихъ горенкахъ,
Ихъ книги прочитать...“

(„Кому на Руси жить хорошо“).

Къ стр. 42. Только впослѣдствіи, въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ, отношенія поэта къ матери измѣняются: тонъ писемъ становится сдержаннѣе и холоднѣе, а иногда является даже рѣзкимъ и суровымъ, хотя было бы несправдливымъ преувеличеніемъ, какъ это часто дѣлалось, не видѣть за указанной чертой проявленія во многихъ случаяхъ также прежней теплой привязанности, напоминающей характеръ сыновнихъ отношеній къ ней въ былые годы. Случайныя вспышки и неровности обращенія, обостряемыя принятымъ на себя строгимъ поучительнымъ топомъ, съ которымъ, впрочемъ, Гоголь относился ко всѣмъ близкимъ людямъ въ послѣдніе годы жизни, отразились въ письмахъ къ матери и своимъ внѣшнимъ противорѣчіемъ съ его прежними письмами легко могли поразить многихъ критиковъ, но несомнѣнно, что здѣсь преимущественно имѣли значеніе его убѣжденія и ложный взглядъ на себя, побуждавшіе его къ суровымъ проповѣдническимъ пріемамъ, но ни въ какомъ случаѣ не вытѣснившія въ немъ сыновнихъ чувствъ любви и уваженія. Справедливо впрочемъ, что письма къ ней въ это время становятся гораздо рѣже и значительно меньше по объему, по мѣрѣ того, какъ все болѣе расширялся кругъ переписки его съ нѣкоторыми избранными изъ друзей.

Къ стр. 46. Въ статьѣ Ореста Ѳедоровича Миллера: „Гоголь въ своихъ письмахъ“ („Русская Старина“ 1879, 9 кн.) сдѣлано наглядное сопоставленіе прежнихъ краткихъ отчетовъ Гоголя успокоительнаго свойства о ходѣ занятій съ неожиданнымъ для матери признаніемъ пробѣловъ; но едва-ли слѣдуетъ въ его дѣтскихъ увѣдомленіяхъ видѣть однѣ неискренія фразы, какъ намекаетъ выраженіе упомянутой статьи, что „ко времени выпуска должно было оказаться“, что кромѣ „душевныхъ качествъ и обработанныхъ понятій, Гоголь ничѣмъ почти не запасся въ Нѣжинскомъ лицеѣ“. Правда, въ оправданіяхъ Гоголя звучитъ отчасти какая-то фальшивая нота, но нельзя согласиться съ тѣмъ, что его слова были только одной „реторикой въ трагическомъ вкусѣ“. На планы Гоголя и лучшія его стремленія не обращено никакого вниманія, а заподозрѣнное притворство слишкомъ подчеркнуто.

Къ стр. 51. Презрѣніе къ новой литературѣ и происходившее отсюда невѣжество въ этой области доходило у Никольскаго до того, что однажды онъ попалъ въ очень забавный просакъ, подписавъ послѣ многихъ помарокъ, на поданномъ ему ученикомъ V класса, Гребенкою, впослѣдствіи извѣстнымъ писателемъ, вмѣсто *своего* стихотвореніе Козлова „Вечерній звонъ“: „*изряднехонько*“. Въ другой разъ, подобнымъ же образомъ введенный въ обманъ, онъ одобрилъ описаніе весны изъ „Евгенія Онѣгина“, не подозрѣвая, что стихотвореніе было написано глубоко презираемымъ имъ Пушкинымъ. О Никольскомъ, какъ авторѣ поэмы „Умъ и Рокъ“, см. въ „Лицеѣ кн. Безбородко“, въ его біографіи; о характерѣ вліянія его на нѣкоторыхъ товарищей Гоголя, см. тамъ же отд. II.

Къ стр. 52. Не скроемъ, что въ приложенныхъ г. Кулишемъ двухъ небольшихъ классныхъ упражненіяхъ Гоголя мы не замѣчаемъ особенно явныхъ слѣдовъ риторики, при чемъ первое изъ нихъ напоминаетъ отчасти своимъ складомъ рѣчи нѣкоторыя позднѣйшія прозаическія статьи Гоголя изъ числа тѣхъ, которыя отличаются сравнительно болѣе естественнымъ изложеніемъ; но одно изъ нихъ касается вопроса объ апелляціяхъ изъ низшихъ инстанцій въ высшія (по русскому праву) и отличается по этому сухимъ, вполнѣ дѣловымъ тономъ, а другое, хотя и относится къ литературному вопросу о значеніи *критики* и о томъ, что требуется отъ *критика*, но оно очень коротко и притомъ слишкомъ однолично.

Приведемъ для полноты слишкомъ мало извѣстную, относящуюся къ 1826 г. замѣтку Гоголя въ альбомъ его товарища Любича-Романовича: „Свѣтъ скоро хладѣетъ въ глазахъ мечтателя. Онъ видитъ надежды, его подстрекавшія несбыточными (sic!), ожиданія неисполненными и жаръ наслажденія отлетаетъ отъ сердца... Онъ находится въ какомъ-то состояніи безжизненности. Несчастливъ, когда найдетъ цѣну воспоминанію о дняхъ минувшихъ, о дняхъ счастливаго дѣтства, гдѣ онъ покинулъ рождавшіяся мечты будущности, гдѣ онъ покинулъ друзей, преданныхъ ему сердцемъ“. („Библіогр. Зап.“ 1859 г. стр. 492, сообщеніе Гербеля). Здѣсь мы также видимъ несомнѣнные слѣды риторики.

Къ стр. 55. За первый годъ жизни Гоголя въ Нѣжинѣ письма его становятся нѣсколько больше по объему, но остаются по прежнему однообразными и дѣтскими по содержанію. Въ нихъ мы все еще не находимъ пока почти ничего кромѣ сообщеній о состояніи своего здоровья и о своихъ нуждахъ. Существенную разницу съ письмами предшествующей поры можно видѣть только въ томъ, что съ болѣе зрѣлымъ сравнительно возрастомъ и при измѣнившихся обстоятельствахъ Гоголю приходится испытывать и больше заботъ и затрудненій, нежели въ Полтавѣ. Въ новой обстановкѣ Гоголю было уже не такъ привольно, какъ прежде: въ одномъ изъ первыхъ Нѣжинскихъ писемъ, очевидно только что по возвращеніи послѣ вакаціи, онъ уже жалуется на тоску о родителяхъ и проситъ, чтобы они побывали у него въ томъ же мѣсяцѣ; говоритъ о боляхъ въ груди. Разлука съ родителями на болѣе продолжительное время, чѣмъ прежде, и съ меньшею надеждою на близкое свиданіе, послѣ полугодовой жизни въ семьѣ, большая отдаленность отъ нея, отсутствіе людей кромѣ упомянутаго дядьки (сближеніе съ другими названными лицами могло произойти только по прошествіи нѣкотораго времени), — наконецъ, вѣроятно, еще не успокоившееся, не улегшееся чувство нѣкоторой осиротѣлости, одиночества по смерти любимаго брата, раздѣлявшаго съ нимъ въ Полтавѣ тоску разлуки съ домашними, — все это должно было производить самое тяжелое, удручающее дѣйствіе на мальчика. Онъ не спитъ, неутѣшно плачетъ, находя нѣкоторое облегченіе въ своемъ горѣ только въ участіи преданнаго дядьки, проспиживающаго надъ его

постелью цѣлыя ночи, наконецъ онъ, что такъ естественно въ его возрастѣ, подъ вліяніемъ тяжелаго чувства разлуки и одиночества въ совершенно новой и чуждой пока сферѣ, преувеличиваетъ значеніе ощущаемой имъ физической боли. Все это представляетъ явленія очень обыкновенныя въ дѣтскомъ возрастѣ при подобныхъ случаяхъ, какъ и то, что настроеніе Гоголя, какъ и всякаго ребенка его лѣтъ, обыкновенно перемѣнялось слишкомъ быстро. Сравнимъ для подтвержденія сказаннаго письма его отъ 13 и 14 августа 1821 г.: въ первомъ высказывается радость и спокойное, свѣтлое состояніе духа, второе проникнуто уже какимъ-то дѣтскимъ отчаяніемъ. Дѣло было въ томъ, что, получивъ отъ родителей обѣщаніе пріѣхать къ нему только въ октябрѣ, между тѣмъ какъ онъ прежде разсчитывалъ на болѣе скорое свиданіе, Гоголь еще сильнѣе поддался охватившей было его по возвращеніи изъ дому грусти и теперь она совершенно вытѣсняетъ на короткое время свойственную дѣтскому возрасту безпечность и способность легко забывать непріятныя впечатлѣнія, и вотъ результатомъ такого тяжелаго настроенія является жалобное письмо, повидимому очень напугавшее родителей. Было въ самомъ дѣлѣ чѣмъ встрѣвожиться: свое состояніе Гоголь описываетъ въ яркихъ краскахъ: „Весьма опечалился я, услыша, что вы пріѣдете еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. Ахъ, какъ бы я желалъ, еслибы вы пріѣхали какъ можно поскорѣе и узнали бы *объ участи* своего сына! Прежде каникулъ писалъ я, что мнѣ здѣсь хорошо, а теперь — напротивъ того. О еслибы, дражайшіе родители, вы пріѣхали въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, тогда бы вы услышали, что со мною дѣлается! Мнѣ послѣ каникулъ сдѣлалось такъ грустно, что всякій Божій день *слезы рѣкой льются*, и самъ не знаю отчего и особливо, когда вспомню объ васъ, *то градомъ такъ и льются*. И теперь у меня грудь такъ болитъ, что даже не могу много писать. Простите мнѣ за мою дерзость, но нужда все заставитъ дѣлать. Прощайте, дражайшіе родители! далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать“. Слѣдующее письмо, заключавшее въ себѣ извиненія и оправданія Гоголя, даетъ основаніе предположить, что на свои жалобы онъ получилъ въ отвѣтъ увѣщанія и усовѣщиванія. Здѣсь онъ старается загладить свой необдуманный поступокъ, утверждая, что у него дѣйствительно очень болѣла грудь съ другого же дня по пріѣздѣ въ Нѣжинъ, но что теперь (т. е. когда онъ писалъ) онъ совершенно здоровъ и веселъ. Между тѣмъ наканунѣ тревожнаго письма онъ говорилъ, что былъ здоровъ; онъ писалъ въ первый разъ не въ день пріѣзда въ Нѣжинъ, а уже по полученіи извѣстій изъ дому: („освѣдомившись, что вы находитесь здоровы, пишу къ вамъ...“) Все это отзывается еще ребячествомъ, какъ и приписка къ письму 14 августа въ постскриптумѣ о томъ, что учениковъ еще не собралось и половины,—заключающая въ себѣ какъ бы намекъ на то, что онъ слишкомъ рано привезенъ. что можно было бы побыть еще нѣсколько времени дома.

Но мало по малу Гоголь привыкъ, конечно, къ своему новому мѣсту воспитанія и достаточно освоился съ жизнью въ немъ: по крайней мѣрѣ жалобы его прекращаются и въ самой перепискѣ замѣчается довольно продолжительный, именно мѣсячный перерывъ, — вѣрный признакъ нѣкотораго успокоенія.

Къ стр. 56. Приведемъ слова товарища Гоголя Н. В. Кукольника о школьныхъ отношеніяхъ Орлая къ Гоголю: „Иванъ Семеновичъ не жаловалъ, если ученики, во время лекцій, оставляли классы и прогуливались по корридорамъ, а Гоголь любилъ эти прогулки, и потому не мудрено, что частенько натыкался на директора, но всегда выходилъ изъ бѣды сухъ и всегда одною и тою же продѣлкой. Завидѣвъ Ивана Семеновича издали, Гоголь не прятался, шелъ прямо къ нему на встрѣчу, раскланивался и докладывалъ: „Ваше превосходительство! я сейчасъ получилъ отъ матушки письмо. Она поручила засвидѣтельствовать Вашему превосходительству усерднѣйшій поклонъ и донести, что по вашему имѣнію идетъ все очень хорошо. (Имѣніе Орлая, при которомъ было всего шесть душъ, находилось по сосѣдству съ деревней матери Гоголя)... „Душевно благодарю! Будете писать къ матушкѣ, не забудьте поклониться ей и отъ меня, и поблагодарить...“ Таковъ былъ обыкновенный отвѣтъ Ивана Семеновича, и Гоголь безпрепятственно продолжалъ свою прогулку по корридорамъ“. („Лицей князя Безбородко“, 1859 г. и вновь перепечатано подъ названіемъ „Гимназія Высшихъ Наукъ“ С.-Петерб. 1881 г.)

Къ стр. 57. Любовь къ изящному, развившаяся въ ребенкѣ еще въ періодъ жизни въ домашнемъ кругу, замѣтно проявилась во время его пребыванія въ школѣ. Не слишкомъ прилежный ученикъ, мало оказывавшій успѣховъ въ обязательныхъ предметахъ обученія, онъ съ явной охотой принимается за необязательные, т. е. искусства. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ разрѣшенія учиться музыкѣ и танцамъ, пишетъ о своемъ желаніи въ нѣсколькихъ письмахъ сряду, проситъ прислать скрипку и смычекъ и т. п., высказываетъ охоту учиться танцовать и самъ спѣшитъ записаться въ число занимающихся этими искусствами, еще не будучи окончательно увѣренъ въ согласіи на то родителей. „Я уже подписался хотѣвшимъ (т. е. желающимъ) учиться на сихъ инструментахъ, также и танцованію, но не знаю, какъ вамъ будетъ угодно“. Не получивъ еще отвѣта изъ дому, онъ уже рѣшается, при всей своей робкой почтительности, заблаговременно заявить свое желаніе, очевидно въ полной надеждѣ на позволеніе. Вѣроятнѣе всего, что и родители относились поощрительно къ такому проявленію въ мальчикѣ эстетическихъ наклонностей: при несомнѣнной все-таки ограниченности ихъ средствъ, такъ явно обнаружившейся въ перепискѣ, особенно еще въ самыхъ первыхъ письмахъ Гоголя изъ Нѣжина, въ которыхъ ему приходилось по нѣскольку разъ сряду просить у родителей объ одномъ и томъ же, о присылкѣ денегъ или о покупкѣ нѣкоторыхъ нужныхъ книгъ, — они не отказывали

ему въ концѣ концовъ въ просьбахъ и находили возможнымъ платить прибавочную сумму (около 100 р. въ годъ) за обученіе сына искусствамъ.

Къ стр. 57. Вотъ что сообщаетъ объ игрѣ Гоголя на гимназическомъ театрѣ со словъ его товарища г. Пашковъ: „Вотъ является дряхлый старикъ въ простомъ кожухѣ, въ бараньей шапкѣ и смазныхъ сапогахъ. Опираясь на палку, онъ едва передвигается, доходитъ кряхтя до скамьи и садится. Сидитъ, трясется, кряхтитъ, хихикаетъ и кашляетъ; да наконецъ захихикалъ и закашлялъ такимъ удушливымъ и сильнымъ старческимъ кашлемъ съ неожиданнымъ прибавленіемъ, что вся публика грохнула и разразилась неудержимымъ смѣхомъ. А старикъ преспокойно поднялся со скамьи и поплелся со сцены, уморивши всѣхъ со смѣха. Бѣжитъ за ширмы инспекторъ Бѣлоусовъ: „Какъ же это ты Гоголь? Что же это ты сдѣлалъ?“— „А какъ же вы думаете сыграть натуральнѣе восьмидесятилѣтняго старика? Вѣдь у него, бѣдняги, всѣ пружины разслабли и винты уже не дѣйствуютъ, какъ слѣдуетъ“. На такой вѣскій аргументъ инспекторъ и всѣ мы расхохотались и не спрашивали Гоголя. Въ другой разъ Гоголь взялся сыграть роль дяди-старика — страшнаго скряги. Въ этой роли Гоголь практиковался болѣе мѣсяца и главная задача для него состояла въ томъ, чтобы носъ сходился съ подбородкомъ... По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ передъ зеркаломъ и пригибалъ носъ къ подбородку, пока наконецъ не достигъ желаемаго. Сатирическую роль дяди-скряги сыгралъ онъ превосходно, морилъ публику смѣхомъ и доставилъ ей большое удовольствіе. Всѣ мы думали тогда, что Гоголь поступитъ на сцену, что у него громадный сценическій талантъ и всѣ данныя для игры на сценѣ: мимика, гримировка, перемѣнный голосъ и полнѣйшее перерожденіе въ роли, какія онъ играетъ. Думается, что Гоголь затмилъ бы и знаменитыхъ комиковъ-артистовъ, еслибы вступилъ на сцену“.

Къ стр 62. Мы встрѣчаемся здѣсь съ вопросомъ нѣсколько запутаннымъ и важнымъ для установленія взгляда на личность самого Орлая, имѣвшаго большое вліяніе на внутреннюю жизнь Гимназіи Высшихъ наукъ. „Докторъ Орлай былъ человѣкъ чрезвычайно добросовѣстный и дѣльный и высокообразованный, искренно заботившійся о благѣ заведенія и умѣвшій вести дѣло“. Такъ характеризуетъ его проф. Лавровскій въ своей статьѣ, основанной на изученіи документовъ, такимъ выставляютъ его лица, помнящія его дѣятельность, при чемъ особенный интересъ представляетъ отзывъ о немъ Кукольника въ біографіи, составленной для изданія Кушелева-Безбородко подъ названіемъ „Лицей князя Безбородко“. Между тѣмъ, съ другой стороны и слова Гоголя о ненормальномъ состояніи пансіона при Орлаѣ подтверждаются несомнѣнными данными, указанными въ той же нѣсколько разъ цитированной статьѣ г. Лавровскаго; мало того, распущенность пансіона, должно быть, была въ самомъ дѣлѣ невообразимая, если принять во вниманіе, что она именно и послужила причиной послѣдовавшаго черезъ нѣсколько лѣтъ закрытія или

правильнѣе преобразованія Гимназіи Высшихъ наукъ. Какъ согласить эти противорѣчія? Справедливость требуетъ сказать, что этотъ вопросъ не съ достаточной ясностью и убѣдительностью разработанъ г. Лавровскимъ. Принимая съ ограниченіями хвалебные отзывы Кукольника, справедливо называя ихъ гиперболическими, г. Лавровскій принимаетъ, однако, за подтвержденіе ихъ въ сущности такое обстоятельство, которое скорѣе могло бы возбудить подозрѣніе въ томъ, что при всемъ своемъ тактѣ и преданности дѣлу, Орлай, однако, не только не добился образцоваго порядка въ заведеніи, но не могъ даже прочно установить сколько-нибудь нормальной школьной дисциплины, такъ что тотчасъ же по его выходѣ въ пансіонѣ обнаружилась страшная распущенность, которую онъ, вѣроятно, только умѣлъ своимъ авторитетомъ сдерживать въ приличныхъ границахъ, чего не удалось послѣ сдѣлать менѣе опытнымъ и, весьма вѣроятно, менѣе способнымъ его преемникамъ. Да и при немъ дѣло доходило до того, что неблагопріятные слухи и отзывы о поведеніи вольноприходящихъ учениковъ сильно озабочивали почетнаго попечителя и окружное начальство, тѣмъ болѣе, что мѣстное дворянство, мнѣніемъ котораго гимназія должна была дорожить, такъ какъ это мнѣніе могло отразиться на количествѣ пансіонеровъ, не было въ состояніи отдѣлять пансіонеровъ отъ вольноприходящихъ". Наконецъ audiatur et altera pars: проф. Никольскій имѣлъ какое-нибудь основаніе задѣвать бывшаго директора, рѣшаясь бросать свои ядовитые намеки. Профес. Бѣлоусовъ, принимая должность инспектора, говоритъ, что онъ долго отказывался отъ нея, предвидя, сколько непріятностей и труда предстоитъ ему перенести при такомъ состояніи пансіона, когда воспитанники бродили толпами по трактирамъ и по подозрительнымъ мѣстамъ. Главными распространителями безпорядковъ, по словамъ г. Лавровскаго, были вольноприходящіе ученики еще до пріѣзда Орлая, но при немъ не оказывалось большихъ безпорядковъ между вольноприходящими. Какъ-бы то ни было, въ нѣсколько лѣтъ своего директорства Орлаю удавалось только прикрывать и сдерживать безпорядки, но не устранить совсѣмъ. И онъ даже, имѣя въ виду спасеніе школы, долженъ былъ просить Бѣлоусова со слезами на глазахъ принять на себя бремя управленія ею. Наконецъ сильнымъ подтвержденіемъ нашего предположенія о недостаточности умѣнія Орлая вести дѣло можетъ служить именно то, что поведеніе пансіонеровъ видимо начинаетъ измѣняться къ худшему вслѣдъ за отъѣздомъ Орлая изъ Нѣжина (лѣтомъ 1826 г.), когда въ пансіонѣ возникаетъ какое-то тревожное настроеніе, жалобы пансіонеровъ поднимаются одна за другой и пр. „Можно даже допустить, что предоставленная прежде пансіонерамъ свобода",—говоритъ г. Лавровскій,—„не вполнѣ соотвѣтствовала ихъ возрасту, что бывали случаи злоупотребленія этой свободой, что совокупность этихъ случаевъ бросала тѣнь на порядки, заведенные въ гимназіи; но не подлежитъ сомнѣнію то, что общее со-

стояніе пансіона при Орлаѣ было вполнѣ благонадежно; что авторитетъ Орлая, уваженіе и расположеніе къ нему и учащихъ и учащихся устраняли тотъ вредъ, который, при другихъ условіяхъ, могъ бы произойти отъ частыхъ послабленій, отъ излишней иногда снисходительности директора“ (стр. 146). Г. Лавровскій предполагаетъ далѣе, что обвиненія противъ Орлая начались особенно черезъ два года послѣ его выхода, во время возгорѣвшейся борьбы между двумя враждебными партіями профессоровъ. Но изъ писемъ Гоголя мы видимъ обратное и притомъ размѣры распущенности, указанные людьми, обвинявшими Орлая, даже въ случаѣ сильныхъ преувеличеній должны же были имѣть какое-нибудь основаніе и быть до извѣстной степени правдоподобными, иначе вѣдь они были бы просто немыслимы. Но особенно какъ согласить съ похвалами Орлаю непріязненные отзывы о немъ Гоголя тотчасъ по оставленіи Орлаемъ школы. Если взглядъ Гоголя былъ не одиночнымъ явленіемъ, — (а почему бы Гоголю, всегда относившемуся прежде съ любовью къ своему начальнику, — вдругъ одному и безъ всякихъ причинъ перемѣниться къ Орлаю, тогда какъ съ нимъ-то онъ обходился особенно дружески: тутъ всего вѣроятнѣе вліяніе установившагося общаго мнѣнія товарищей), — то вѣдь уже въ этомъ можно видѣть нѣкоторое противорѣчіе словамъ Кукольника и затѣмъ повторяющаго эти слова г. Лавровскаго. Все это остается неяснымъ, и если справедливо то, что Орлай былъ человѣкъ весьма дѣльный и образцовый педагогъ, вполнѣ преданный дѣлу“, наконецъ человѣкъ съ большимъ тактомъ, то все-таки онъ могъ быть далеко не безукоризненнымъ администраторомъ; можетъ быть, въ его управленіи были и недостатки: иначе не могла бы вдругъ явиться распущенность пансіона по его выходѣ, въ такой степени, въ какой ее представляли въ своихъ заявленіяхъ нѣкоторые члены конференціи; вѣдь порочность не можетъ въ какихъ нибудь два-три мѣсяца отъ немногихъ вольноприходящихъ привиться ко всей массѣ воспитанниковъ, да еще въ добавокъ во время мѣсяцевъ лѣтнихъ, вакаціонныхъ, когда большинство изъ нихъ разъѣхалось по домамъ,—и наконецъ откуда же все-таки неблагопріятный отзывъ Гоголя? Неудовлетворительность нравственнаго уровня воспитанниковъ признаетъ и Орлай въ письмѣ къ Бѣлоусову, къ которому Гоголь отнесся съ такимъ сочувствіемъ, какъ въ приведенныхъ выше строкахъ, такъ въ нѣкоторыхъ другихъ письмахъ. Орлай напр. самъ былъ недоволенъ поведеніемъ вольноприходящихъ, содержимыхъ на частныхъ квартирахъ и пользовавшихся чрезмѣрной свободой при отсутствіи разумнаго руководства и надлежащаго нравственнаго вліянія.

Къ стр. 64. Задатки будущаго блестящаго дарованія Гоголя проявлялись еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, но преимущественно въ рѣдкой наблюдательности и еще развѣ въ наклонности къ юмору, выражавшемуся въ искусствѣ мастерски подражать голосу и манерѣ, самому способу и характеру выраженій знакомыхъ. Но эта способность, доходившая

у него до замѣчательнаго мастерства, направленная пока только на забаву, даже большинству товарищей могла казаться совсѣмъ не важнымъ преимуществомъ, а наставникамъ, вѣроятно, и казалось именно однимъ изъ проявленій того „шутовства“, въ которомъ Гоголь былъ ими замѣчаемъ неоднократно. Наблюдательность его также могъ замѣтить и оцѣнить далеко не всякій, да она и значеніе-то въ настоящемъ смыслѣ получила уже въ то время, когда Гоголь сталъ пользоваться въ своихъ сочиненіяхъ пріобрѣтеннымъ при помощи ея богатымъ матеріаломъ, а для послѣднихъ уже, безъ сомнѣнія, очень пригодился даже запасъ свѣжихъ впечатлѣній дѣтства, не только юности. Совокупность всѣхъ указанныхъ соображеній, кажется, достаточно убѣждаетъ насъ въ томъ, что для обыкновеннаго, непроницательнаго взгляда Гоголь долженъ былъ казаться сначала заурядным ребенкомъ. Въ душѣ его было, конечно, много задатковъ, свойственныхъ геніальной личности, но пока они дремали и не были вызваны къ жизни, они оставались тайной для людей непроницательныхъ. Изъ всѣхъ лицъ, которыя оставили воспоминанія о дѣтствѣ (соб. школьномъ возрастѣ) Гоголя, одинъ г. Пашковъ, въ небольшой газетной статьѣ въ „Берегѣ“, утверждаетъ, что способности его проявлялись въ немъ тогда очень замѣтно и что въ особенности онъ отличался юморомъ. Но сообщенныя имъ свѣдѣнія слишкомъ мелочны и, очевидно, не имѣютъ серьезнаго значенія, да и самъ авторъ, передающій ихъ съ чужихъ словъ (одного изъ школьныхъ товарищей Гоголя) сознается, что недостаточно быть только лично знакомымъ съ писателемъ или быть его школьнымъ товарищемъ, чтобы вѣрно охарактеризовать его, и справедливо замѣчаетъ, что *знать* человѣка и *узнать*—большая разница. Г. Пашковъ сообщаетъ преимущественно незначительныя подробности о школьныхъ продѣлкахъ Гоголя, о томъ, какъ онъ умѣлъ хорошо притворяться, неподражаемо разыграть какую-угодно роль, какъ онъ иногда руководилъ шалостями. Такъ будто Гоголь умѣлъ организовать систематически-шутливое преслѣдованіе искусно скрываемыми шалостями противъ нелюбимаго нѣмца-надзирателя (Зельднера), любилъ устроивать разныя продѣлки надъ товарищами, вѣроятно также и вродѣ извѣстнаго по „Мертвымъ Душамъ“ *гусара*. Случалось однако, что подобныя шутки принимали болѣе или менѣе непріятный характеръ по своимъ послѣдствіямъ: иногда дѣло доходило до лазарета и тутъ-то Гоголь своими оригинальными выдумками ставилъ въ затруднительное и смѣшное положеніе Орлая, какъ доктора. Довѣрчивый, хотя и ученый, эскулапъ совершенно поддавался обману, и Гоголь торжествовалъ. Такъ, когда Гоголь вздумалъ одного изъ соучениковъ, надъ которымъ подсмѣивался, увѣрить, что у него бычачьи глаза, то ему удалось будто бы довести бѣднаго ребенка до состоянія легкаго и непродолжительнаго помѣшательства, такъ что его принуждены были даже лѣчить. Иногда также Гоголь, желая будто бы выиграть немного времени отъ учебныхъ занятій для своихъ литературныхъ упражненій, умѣлъ искусно провести

своихъ наставниковъ, а однажды такъ искусно притворился бѣшенымъ, что вполнѣ сумѣлъ на нѣсколько дней убѣдить Орлая въ своемъ мнимомъ безуміи. Совершенно невѣроятно, однако, мнѣніе г. Пашкова, что Гоголь могъ уже въ то время обдумывать свои дивные „Вечера на Хуторѣ“. Всѣ извѣстныя данныя свидѣтельствуютъ о наклонности его во время школьной жизни къ стихотвореніямъ или къ напыщенной прозѣ, къ высокому слогу *), да и матеріалъ, необходимый для этихъ произведеній, Гоголь, какъ извѣстно изъ фактовъ, собиралъ уже впослѣдствіи въ Петербургѣ. На заявленіе упомянутаго товарища Гоголя слѣдуетъ смотрѣть, какъ на догадку, лишенную всякихъ основаній и сдѣланную наобумъ, тѣмъ болѣе, что другой товарищъ нашего писателя по заведенію, Кукольникъ, разсказываетъ объ этомъ гораздо правдоподобнѣе: по его словамъ, цѣль Гоголя была избѣгнуть за какой-то проступокъ наказанія розгами. („Лицей кн. Безбородко“, I отдѣлъ стр. 77). Какъ бы то ни было, продѣлка Гоголя причинила большія хлопоты и испугъ начальству и доктору, а самому Гоголю доставило извѣстное развлеченіе. — Приведенные факты и соображенія, кажется, ясно показываютъ, насколько имѣютъ цѣны показанія г. Пашкова. Мы съ своей стороны считаемъ, какъ было уже замѣчено выше, проявленіемъ даровитости Гоголя въ раннемъ дѣтствѣ единственно умѣнье своею страстью къ театру завлечь и товарищей; это могло быть не всѣми достаточно оцѣнено, но это было въ высшей степени важно.

Къ стр. 85. Въ повѣсти „Вій“ Кулишъ также предполагаетъ вліяніе слышанныхъ Гоголемъ въ дѣтствѣ разсказовъ дѣда о старинѣ изъ запаса его собственныхъ бурсацкихъ воспоминаній. Г. Галаховъ въ своемъ учебникѣ русской литературы указываетъ вліяніе Нарѣжнаго, но это разногласіе можетъ быть легко устранено, такъ какъ при несомнѣнномъ вліяніи Нарѣжнаго на нѣкоторыя произведенія Гоголя, въ томъ числѣ и на извѣстную повѣсть „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, у Гоголя должны были быть другіе матеріалы, при помощи которыхъ онъ обогатилъ заимствованный сюжетъ и сообщилъ произведенію столько художественности, что, по выраженію Галахова, „эти произведенія отличаются одно отъ другаго, какъ различны простой разсказъ и художественное изображеніе“. Должно было, очевидно, существовать и иное художественное возбужденіе, сообщившее фантазіи большую свѣжесть и жизненность и давшее самому произведенію такія яркія краски. Наконецъ въ самыхъ воспоминаніяхъ о дѣдѣ, разсѣянныхъ во многихъ мѣстахъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“, особенно въ предисловіяхъ, написанныхъ отъ лица пасѣчника, или въ началѣ разсказовъ отъ имени дьячка Ѳомы Григорьевича, слѣдуетъ, можетъ быть, видѣть не одинъ литературный пріемъ, но и указаніе на дѣйствительное лицо.

*) Намъ извѣстны, кромѣ баллады „Двѣ рыбки“, еще повѣсть „Братья Твердиславичи“, трагедія „Разбойники“ и пр.

Поправки и дополненія къ „Указателю къ письмамъ Гоголя".

Считаю умѣстнымъ и даже необходимымъ повторить здѣсь нѣкоторыя поправки и дополненія къ моему «Указателю къ письмамъ Гоголя», сообщенныя въ «Новомъ Времени», на основаніи письма Пантелеймона Александровича Кулиша прошедшаго года (10 или 11 сентября, письмо въ редакцію).

Стр. 1. «Авторъ «Мертвыхъ Душъ» писалъ однажды къ Погодину: «Когда я выѣхалъ изъ твоего дома, гора свалилась у меня съ плечъ»: до такой степени Погодилъ эксплоатировалъ поэта, и выжалъ-таки у него для своего журнала «Римъ», которымъ Гоголь не могъ быть доволенъ по тогдашней степени самокритицизма.

Стр. 3. «Подъ другимъ товарищемъ Гоголева дѣтства» не разумѣлся А. С. Данилевскій.

Стр. 4. FN дѣйствительно опечатка вм. NF *).

Стр. 11. N*N*, а не NN. Гоголь разумѣлъ, дѣйствительно, жену С. Т. Аксакова **).

Стр. 42. Забѣло (Забѣла), Викторъ Николаевичъ, а не Яковъ Павловичъ.

Стр. 48. Кулишъ, Пантелеймонъ Александровичъ.

Стр. 57. Павловъ, Капитонъ Степановичъ, а не Семеновичъ.

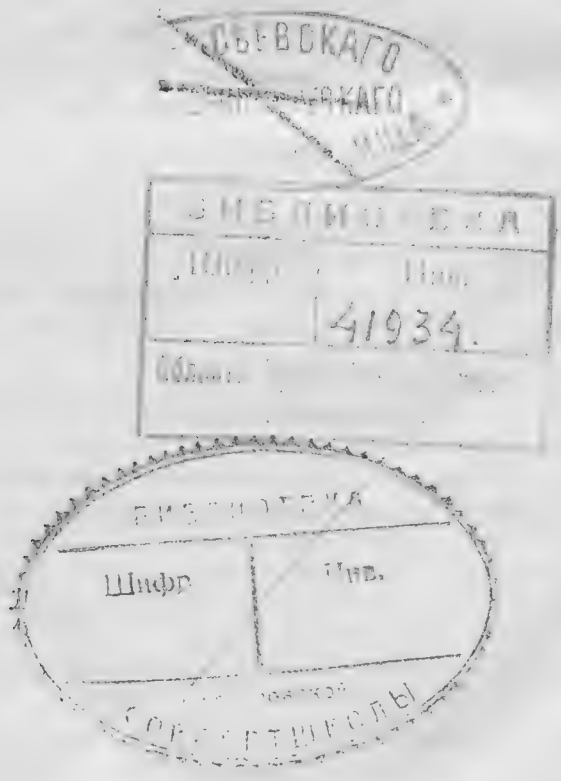
*) С. Т. Аксаковъ былъ виновникомъ строгихъ сокращеній и маскированія именъ.

**) Звѣздочки при NN были опущены въ „Указателѣ" по забывчивости и недосмотру при корректурѣ.

На основаніи другого источника, вполнѣ достовѣрнаго, необходимо исправить также ошибку на стр. 40: Домна Матвѣевна (V т., стр. 140)—Зарудная, сосѣдка Марьи Ивановны Гоголь, а не Косяровская, какъ сказано по ошибкѣ въ «Указателѣ».

Позволю себѣ прибавить, что въ напечатанныхъ недавно въ «Русской Старинѣ» (1886, 10—уже по выходѣ въ свѣтъ «Указателя»), въ полномъ видѣ письмахъ Гоголя къ М. С. Щепкину, *всѣ инициалы и сокращенія оказались опредѣленными вполнѣ вѣрно* (Х. Храповицкій, Г. Гедеоновъ и проч.)

Не могу не выразить вновь искренняго желанія видѣть въ печати всѣ уцѣлѣвшія пока письма Гоголя.



ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
16	7 сверху	Г. Лавровскій.	г. Лавровскій.
36	послѣдняя строка	Е. И Ходаревскій.	Е. И. Ходаревской.
55	7 снизу	въ поѣздахъ.	въ поѣздкахъ.
72	3 сверху	на счетъ.	насчетъ.
97	6 сверху	міросодержаніемъ.	міросозерцаніемъ.
120	4 сверху	несправдливымъ.	несправедливымъ.
121	3 сверху	риторика.	реторика.
122	18 сверху	встрѣвожиться.	встревожиться.
122	25 снизу	лъются.	льются.
128	16 снизу	указываетъ.	указываетъ.
128	9 снизу	другаго.	другого.
129	9 сверху	Погодилъ.	Погодинъ.

0-50